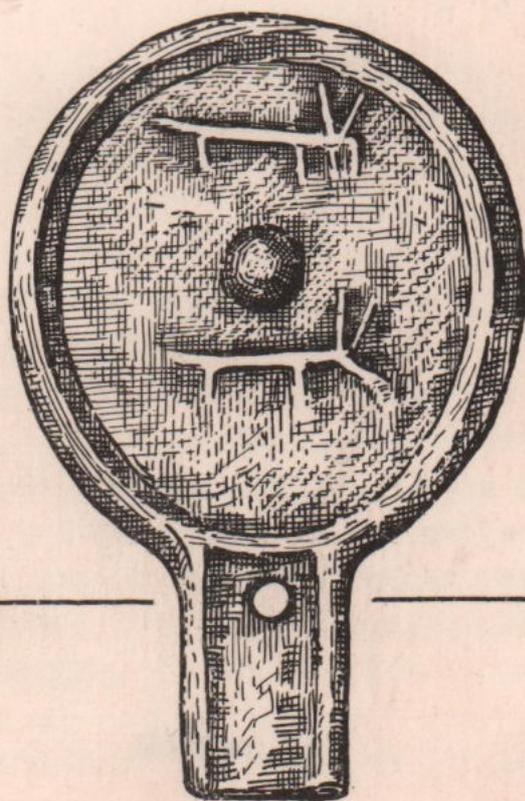

ДРЕВНОСТИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

МОСКВА 1991

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА
МОСКОВСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР

В 1987-1988 гг. Канкавская археологическая экспедиция Государственного музея искусства народов Востока проводила исследования Сергеевского поселения майянской культуры, расположенного в Болгеновском районе Чеченской Республики на берегу р. Гривануха близ х. Чарышев. Материалы раскопок поселения (постройка I) опубликованы в журнале "Известия Академии наук СССР. Серия История и этнография" 1989 г. № 1.

За два года работ вскрыты методом инвентарных раскопок площадь 162 м², а также исследованы хозяйственные постройки при раскопках Сергеевского кургана 3, перекрывающего археологический слой поселения. В одной подземной постройке (постройка I) диаметром 1,0 м (рис. 1) имелась глиняная обкладка пола.

ДРЕВНОСТИ

СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В цилиндрической постройке I интерпретирована как наземное сооружение с четырехугольным основанием, обшитое с двух сторон глиной, возможно, для изоляции. С восточной стороны в стене зафиксирован проход шириной 1,2 м.

Постройка 2 располагалась в 2,5 м к востоку от постройки I. Исследована не полностью. Восточная сторона ее разрушена. При исследовании насыпи кургана, законсервированного археологическим слоем поселения. Видимо, постройка имела форму круга или цилиндрической и была ориентирована по сторонам света. Размеры с севера на юг - 4,5 м, сохранившейся части с запада на восток - 1,4 м.

Строение представляло собой облицовку глиняной обмазкой в виде тонкого слоя, видимо, состояла из отдельных перекрывающихся кусков с отчетливыми перепадами уровня в жаркой. Куски обшивки залегали параллельно друг другу на одном уровне и загибались по границе постройки - в два или три раза. Максимальная плотность обшивки проявлялась вдоль северной стены постройки. В северо-западном углу облицовки обнаружены жерди, толщиной до 7 см, возможно, несущие угловой столб.

Москва 1991

СЕРЕГИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

В 1987–1988 гг. Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея искусства народов Востока проводила исследование Серегинского поселения майкопской культуры, расположенного в Шовгеновском районе Адыгейской АО на правом берегу р. Грязнуха близ х. Чернышев. Материалы одного помещения (постройка I) опубликованы¹.

За два года работ вскрыта методом ножевой расчистки площадь 162 м², а также исследованы хозяйственные ямы, зафиксированные при раскопках Серегинского кургана 3, перекрывшего культурный слой поселения, и собран подъемный материал². Жилое помещение (постройка I) округлой в плане формы (диаметр 6–7 м) имело две печи, две очажные площадки с очагами. Частично прослежена обмазка пола.

В предварительной публикации постройка I интерпретирована как наземное сооружение с легким каркасом из дерева, обмазанное с двух сторон глиной, возможно, не на всю высоту. С восточной стороны в стене зафиксирован проход³ шириной 1,2 м.

Постройка 2 располагалась в 2,5 м к востоку от постройки I. Исследована не полностью. Восточная сторона ее разрушена траншеей при исследовании насыпи кургана, законсервировавшего культурный слой поселения. Видимо, постройка имела форму, близкую к прямоугольной и была ориентирована по сторонам света. Размеры с севера на юг – 4,5 м, сохранившейся части с запада на восток – 1,4 м.

Сооружение представляло собой скопление глиняной обмазки в виде мелких, сильно замытых кусков с отпечатками переплетающихся прутьев и жердей. Куски обмазки залегают приблизительно на одном уровне и лишь по границе постройки – в два или даже три слоя. Максимальная плотность завала прослежена вдоль северной стенки постройки. В северо-западном углу обнаружены отпечатки жерди, толщиной до 7 см, возможно, несущего углового столба.

В ряде случаев отмечены отпечатки пересекающихся прутьев

Ответственные редакторы:

А. П. Абрамов

И. О. Гавритухин

Я. М. Паромов

В. Р. Эрлих

Рецензенты:

к. и. н. В. А. Коренько

к. и. н. Л. М. Носкова

к. и. н. В. Л. Лапушнян

Художественное оформление:

Н. С. Сурвилло

и жердей, диаметром от 1,5 до 4 см. Куски обмазки сосредоточены вдоль западной и северной стороны постройки.

Уровень, на котором залегал завал обмазки, то есть пол жилища, имеет сильный прокал. На полу зафиксирована очажная ямка с углями и золой диаметром до 60 см.

Постройку можно реконструировать следующим образом. Над очагом был устроен легкий прямоугольный навес, стенки которого, сплетенные из веток и жердей, были обмазаны глиной. Сооружение, возможно, погибло в результате пожара.

В 1 м к северу от постройки I обнаружена постройка 3 — аморфное, вытянутое с северо-запада на юго-восток скопление турлучной обмазки длиной 3,4 м, шириной 2,6 м. Довольно мелкие куски обмазки окатаны, имеют слабый обжиг. В центре скопления мощность завала больше, чем по краям. Уровень поверхности, на котором залегает завал, имеет прокал по всей площади. В западной части скопления куски обмазки (турлука) ошлакованы, что, вероятно, указывает на то, что постройка подвергалась действию огня. Мощность завала 7–9 см. В турлуке обнаружены фрагменты керамики и три отщепы с ретушью. Под завалом прослежен слой мощностью до 10–15 см, насыщенный мелкими фрагментами турлука, угольками. Никаких следов обмазки пола или даже утрамбованной поверхности под турлуком не зафиксировано. Отсутствие очагов или кострища, а также обмазки пола, видимо, указывает на хозяйственное назначение этой постройки.

В 1,5 м к северо-востоку от постройки 3 обнаружена постройка 4. Она представляла собой развал турлука неправильно-округлой формы с нечеткими границами, размерами 5,8 x 7,7 м. Мощность развала до 10–15 см. Он состоит из турлука (кусков обожженной глины неправильной формы размерами до 10 x 5 x 5 см), а также турлучной крошки, в которой встречаются угольки. Обжиг обмазки неравномерный. Встречались слабообожженные фрагменты коричневого цвета, а также обожженные до красноты. Местами обнаружены скопления ошлакованных фрагментов обмазки, вокруг которых суглинок прокален. В северной части скопления найдены развалы сосудов. Следов обмазки пола под завалом постройки 4 не обнаружено. Очевидно, постройка 4, также как и постройка 3, являлась хозяйственным сооружением. На это

указывает отсутствие очагов, а также сравнительно малое число фрагментов керамики и других находок.

Все постройки находились на одном уровне (с разницей до 40 см — видимо, поверхность поселения немного понижалась к северу) и в непосредственной близости друг от друга. Очевидно, они представляли собой жилой комплекс (или часть жилого комплекса), состоящий из четырех глинобитных наземных каркасных построек. Постройки I и, возможно, 2 представляли собой жилые помещения. Постройка 2 разрушена, судить о ее первоначальной форме трудно, но наличие очажной ямки указывает на ее жилое назначение. Под завалами построек 3 и 4 не обнаружено очагов, кострищ, обмазанного пола. Находки в них малочисленны. Все это указывает, видимо, на хозяйственное назначение этих помещений (сарай, загон для скота). Очевидно, постройки сооружались одновременно, следов нескольких строительных горизонтов, переделок, достроек не зафиксировано. Поселение представляется однослойным.

Отдельные куски обожженной обмазки встречались по всей площади раскопа. Вне турлучных скоплений обнаружены два кострища. Культурный слой поселения насыщен фрагментами керамики и обломками костей животных⁴.

Остеологический материал представлен костями крупного (вол и бык) и мелкого рогатого скота, свиней (кабан), собаки и лошади⁵. На поселении за пределами построек обнаружено 9 хозяйственных ям, содержащих фрагменты керамики и "очажных подставок", кости животных, уголь, органику, турлучную обмазку. Все они небольшие (диаметр до 1 м), округлой или неправильной в плане формы (иногда контуры расплывчаты) глубиной до 70 см.

Составом комплекса находок выделяется хозяйственная яма № I. Она выявлена в 4,5 м к юго-западу от постройки I. Верхняя часть ямы разрушена. Глубина сохранившейся части до 80 см. Яма овальной в плане формы (1,33 x 1,15 м). Западная стенка (сохранилась на высоту 0,7 м) слегка наклонена внутрь. Плоское дно и северо-западная стенка ямы прокалены. На дне, вдоль северной стенки ямы, обнаружены обугленные (?) прутья, длиной до 60 см. Путья лежали среди древесных углей, — видимо, в

яме какое-то время шли огонь.

В восточном углу ямы обнаружены лежащие компактно: бронзовый нож с невыделенным черенком и округленными концами, длиной 15,5 см⁶ и кремневый нож на пластине. На клинке бронзового ножа сохранились следы органического тлена с волокнистой структурой – остатки ножен. Возможно, бронзовый и кремневый ножи находились в одном чехле.

В заполнении ямы обнаружены: нуклеидный обломок кремня, фрагмент сильно окисленного бронзового предмета, две ножевидные пластины и фрагменты лепной и гончарной (?) керамики.

Керамику, обнаруженную на поселении, чисто визуально и в значительной степени условно можно разделить на тарную посуду (в которой могли держать жидкости, зерно и т.д.), миски (к ним отнесены и так называемые жаровни), столовые сосуды, которые иногда называются "парадными"⁷. Однако форма сосудов, конечно, не всегда жестко соответствует их функциональному назначению⁸ – в тарной посуде могли готовить пищу, жаровни, очевидно, использовались в качестве мисок, сосуды с ручками-ушками, отнесенные к группе столовых, удобно подвешивать над огнем и т.д. Закоптелость же, которая должна отличать кухонную посуду, часто невозможно зафиксировать из-за фрагментарности формы.

Тарная керамика представлена крупными толстостенными широкогорлыми лепными корчагами из теста с видимыми примесями. Эти сосуды имеют прямой венчик без внешнего валика, расширяющееся кверху невысокое горло (рис. 1. 1,3,4), плавно переходящее в тулово (рис. 3. 1-4). В некоторых случаях горло отделено от тулова бороздкой (рис. 1. 3,4). Днища этих сосудов плоские (рис. 1. 5-7,9,10) или, реже, округлые (рис. 1.8). Крупные тарные сосуды представлены также красноглиняными толстостенными формами из теста без видимых примесей. Горло у них невысокое, расширяющееся кверху. Переход в тулово резкий (рис. 2. 1,5,8,9). Подобные сосуды с невысоким горлом имеют на венчике валик с внешней стороны (рис. 2. 2-4, 7, 10-14). Два сосуда этого типа круглодонные с шаровидным туловом (рис. 3. 5,6). К тарным формам относится сосуд, обнаруженный под завалом обмазки стен постройки 4. Сосуд коричнево-

го цвета с видимыми примесями, лепной. Это типичная корчага с венчиком без валика, расширяющимся кверху невысоким горлом, плавно переходящим в тулово яйцевидной формы. Дно сосуда плоское. В месте перехода горла в тулово расположен налипшей несплошной валик с косыми вдавлениями (рис. 3.7).

Столовая посуда изготовлена из высококачественного теста без видимых примесей (исключая жаровни) и имеет, в основном, серый или красный цвет.

Миски по форме венчиков разделяются на три типа. 1) Небольшие миски с пристроенным, отогнутым наружу венчиком и выделенным ребром перегиба к дну (рис. 4. 1-8, 13,14, рис. 5.7). Донья, очевидно, округлые (рис. 4.7). 2) Миски с венчиком, загнутым внутрь. Такие миски имеют небольшой выступ с внешней стороны под венчиком. Форма тулова близка к полусферической (рис. 4. 9-12, рис. 5.2). 3) Полусферические миски с невыделенным венчиком (рис. 5. 4,5).

Жаровни, изготовленные из грубого теста, имеют толстые стенки, расширяющуюся кверху открытую форму тулова и плоское дно. Под венчиком – ряд сквозных частых отверстий. В средней части стенок с внешней стороны – уступ. Придонная часть стенок пористая, потресканная (рис. 5. 11-14; рис. 8. 2,3). Ближе к мискам или жаровням по форме относятся сосуды, имеющие сравнительно толстые стенки при небольших общих размерах. Стенки их почти вертикальные, форма днища не установлена (рис. 5. 9,10).

Сероглиняные или красноглиняные сосуды с двумя симметрично расположенными ручками изготовлены из высококачественного теста, без видимых примесей. Они имеют невысокое горло, пристроенный венчик. Форма тулова биконическая со слегка скругленным ребром перегиба. Место перехода горла в тулово иногда выделено бороздкой. По месту крепления ручек сосуды делятся на два типа: с ручками, расположенными на плечиках (рис. 6. 4,9) и с ручками, которые крепятся одним концом у основания горла, другим – на плечике сосуда (рис. 6. 1-3, 5-8). Сечение ручек различное – от трапецевидного до сложно-профилированного, "трехствольного" (рис. 8.1).

К столовой посуде относятся небольшие лепные, из теста

с видимыми примесями, коричневого или близко к серому цвета сосуда тюльпановидной формы с плоским дном (рис. 7. 3,5,8; рис. 9.9; рис. 10. 29,34,35). Иногда при переходе горла к тулову имеется бороздка или желобок (рис. 7. 5,8). К этой форме, видимо, следует отнести сосуд с отогнутым венчиком, яйцевидным туловом и плоским дном с выделенной придонной частью⁹. Под венчиком – попарно расположенные сосцевидные налепы (рис. 7.4). Наиболее многочисленным типом столовой посуды являются сосуды с высоким горлом. Они разделяются на две группы. К первой относятся сосуды красноватого, коричневого и серого цвета с цилиндрическим горлом и небольшим валиком на внешней стороне венчика (рис. 7. 6,7; рис. 9. 1,8,10,13,15,18; рис. 10. 8,10,13,15,17). Вторая группа отличается расширяющимся кверху горлом с прямым, закругленным или приостренным венчиком (рис. 9. 4,6,12,16,17; рис. 10. 21,26,27,33).

Единичными экземплярами представлены: небольшой толстостенный, почти цилиндрический сосуд с выделенным венчиком и плоским дном (рис. 7.1); сосуд баночной формы с плоским дном и прямыми стенками (рис. 10.43) и фрагмент красноглиняного, хорошего обжига, из теста без видимых примесей сосуда с двумя, расположенными рядом горлами почти одинакового диаметра. Горла невысокие, сохранившийся венчик приостренный со слегка выделенным валиком. Переход от горла к тулову плавный. Форма тулова не восстанавливается (рис. 8.4). В качестве отдаленной аналогии следует указать сосуд со сливом из Тель-Хуэйра, а также двугорлые сосуды из Тепе-Гавра¹⁰.

Орнаментированные фрагменты очень немногочисленны. Среди них фрагмент верхней части большого тарного сосуда (диаметр по венчику более 20 см) с клиновидными вдавлениями по плечикам, расположенными в шахматном порядке; обломок венчика с рядом оттисков трубчатого штампа на плечиках и небольшим полусферическим налепом под ним. Имеется также фрагмент черноглиняного сосуда с пролоченной сеткой.

Так называемые "очажные подставки" представлены на поселении несколькими типами. Глиняные из грубого теста с крупными примесями предметы слабо обожжены. Они имеют массивные плоские, иногда чуть вогнутые основания, круглые или овальные

в сечении, и уплощенную трапециевидную верхнюю часть с полукруглой спинкой. Высота изделий стандартная и не превышает 15 см. Отверстие расположено приблизительно в центре предмета, во всех случаях поперечное. Диаметр отверстия варьирует от 1,5 до 6 см. Спинка "подставок" оформлена одним (рис. II. 1-3) или несколькими неглубокими продольными желобками, иногда заходящими на торцы предмета (рис. II. 4,5). Единичными экземплярами представлены подставка с выемкой на спинке и вогнутыми боковыми стенками (рис. II.9) и трапециевидная со скругленными углами "подставка" без отверстия (рис. II. 10).

Отсутствие отверстия на сходной по форме "подставке" видимо указывает на нефункциональность последнего и исключает использование предмета как мангала. Предметы с плоским основанием и полукруглой спинкой вряд ли могли использоваться в качестве очажных подставок, да и найдены они не у очагов. Аналогичная "подставка" была обнаружена в погребении майкопской культуры на Уашкиту I^{II}.

Кремневый инвентарь, обнаруженный в культурном слое поселения, представлен, в основном, ножевидными пластинами длиной до 7 см с нерегулярной ретушью по краю (краям). Имеются резцы на пластинах, концевые скребки. Орудия на отщепах представлены округлыми скребками с крутой ретушью, ножами. Двусторонне обработанные плоской ретушью формы в слое поселения не найдены. Однако, на поверхности поля после распахки, а также при раскопках грунтового могильника меотского времени собран подъемный материал, среди которого обнаружены двусторонне обработанные подпрямоугольные и со скрепленными углами вкладыши для серпов. Лезвия заполированы от работы до блеска. Имеются экземпляры с пильчатой (струйчатой) ретушью по длинным сторонам. Торцы вкладышей приострены противоположной ретушью. В подъемном материале обнаружены также ножевидные пластины с ретушью и фрагменты керамики, характерной для поселения. Таким образом, принадлежность вкладышей с двусторонней обработкой к инвентарю поселения не подлежит сомнению.

В культурном слое найдены плоские каменные терочники, характерные для земледельческих поселений, костяные проколки разных форм со шлифованным концом, костяное тесло. Такова

краткая характеристика материалов Серегинского поселения.

Аналогичный Серегинскому керамический комплекс обнаружен в 1988 г. при исследовании кургана I с основным погребением раннескифского времени Уашкиту I близ аула Хатажукай Шовгеновского района Адыгейской АО¹². В насыпи кургана встречались фрагменты майкопской керамики. Грунт для курганной насыпи брался с поселения майкопской культуры, которое в настоящее время полностью разрушено. Под насыпью кургана, ниже уровня древнего горизонта, сохранилась, видимо, периферия культурного слоя поселения — здесь обнаружено несколько небольших скоплений керамики, зольники, отдельные куски турлучной обмазки и кости животных. Однако, основная часть перекрытого насыпью культурного слоя поселения уничтожена глубокой могильной ямой основного раннескифского погребения (7 x 12 м)¹³.

Керамический комплекс, обнаруженный в насыпи кургана Уашкиту I, представлен толстостенными широкогорлыми красноглиняными пифосами с валиком на венчике (рис. 12. 7, 10), большими лепными, с видимыми примесями корчагами (рис. 12. 15), мисками с невыделенным венчиком (рис. 12. 12, 16) и венчиком, отогнутым наружу (рис. 13. 14).

Жаровни представлены фрагментом стенки с венчиком, под которым, в средней части расположен ряд сквозных отверстий (рис. 12. 1), фрагментом венчика с горизонтально поставленной ручкой — упором полукруглой формы (рис. 12. 11). Еще одна жаровня имела толстые стенки и плоское дно (рис. 13. 18).

Большую часть коллекции керамики поселения Уашкиту I составляет столовая посуда. Тонкостенная посуда хорошего обжига из теста без видимых вкраплений представлена сосудами с ручками-петельками, крепящимися одним концом на плечике, другим на горле сосуда (рис. 12. 18).

Наиболее характерны небольшие высокогорлые сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на внешней стороне венчика (рис. 13. 2-5, 6, 9, 10, 15) и сосуды с расширяющимся кверху горлом и невыделенным венчиком (рис. 12. 2, 8; рис. 13. 1, 13, 17, 19).

Особо следует выделить обнаруженную в насыпи миску коричневого цвета полусферической формы с округлым дном. Венчик

миски выщерблен, обколот. На внутренней поверхности стенок — пролощенный орнамент в виде четырех (?) симметрично, крестообразно расположенных прямых линий с отходящими под углом вверх прямыми "елочкой" (рис. 13. 20).

Высокогорлые столовые сосуды, миски, жаровни с отверстиями под венчиком, тарная крупная посуда, сосуд с ручкой-петелькой из разрушенного поселения Уашкиту I сходны с керамикой Серегинского поселения.

Конкретное определение культурно-хронологического места этих памятников в регионе станет возможным после опубликования материалов недавно открытых поселений эпохи ранней бронзы на Северном Кавказе: Усть-Джегутинского¹⁴, Галюгаевского¹⁵ и других.

В этой работе не ставится задача рассмотрения Серегинского и Уашкиту I поселений в связи с другими памятниками майкопской культуры, хотя существенные черты сходства с инвентарем поселений и погребальных памятников этой культуры очевидны. Отмечалось сходство серегинского жилища I с округлым жилищем, открытым на Луговом поселении¹⁶. Большие тарные сосуды без валика на венчике аналогичны сосудам Долинского поселения¹⁷. Отдельные формы серегинских мисок, исключая миски со сложнопрофилированным венчиком, также известны в Долинском поселении¹⁸. На Долинском поселении найдены и плоские днища различных сосудов¹⁹, характерные для серегинской керамики.

Многие керамические формы Псекупского поселения № I²⁰ соответствуют серегинским. Среди типичных майкопских памятников находит аналогию и орнамент в виде "глазка" на крупном серегинском сосуде (рис. 3. 5)²¹. Единственным металлическим предметом, найденным на поселении, является бронзовый нож²² с широким подтреугольным черенком. Эта форма ножей считается архаичной и имеет широкий круг аналогий в погребальных памятниках майкопской культуры. Керамика из погребений, например, Псекупского могильника майкопской культуры содержит миски разных типов, тарную посуду, столовые высокогорлые формы, сосуд с ручками идентичный серегинским²³. Круг традиционно используемых в литературе памятников майкопской культуры, того

приводимых для аналогий, можно было бы расширить. Однако особый интерес представляет сходство материалов поселений Серегинского и Уашкиту I с массивом энеолитических памятников Дагестана — Гинчи, Чинна, материалы которых систематизированы, подробно интерпретированы в ряде работ Гаджиева М.Г.

Поселение Гинчи, расположенное в горной зоне, однослойное, содержит материалы, характерные для раннеземледельческого хозяйства. Для него характерна каменная жилая архитектура, жилища прямоугольной и округлой формы²⁴.

Среди керамического инвентаря поселений Гинчи и Чинна имеются многочисленные прямые аналогии посуде поселений Серегинского и Уашкиту I. Керамика Гинчи разделена Гаджиевым на три основные группы — кухонная, столовая и тарная с промежуточными типами²⁵. Жаровни со сквозными отверстиями под крапчатой, невысокими прямыми стенками с уступом и плоским дном, служившие для обжаривания зерна и выпечки хлеба²⁶, аналогичны закубанским не только по форме, но, визуальнo, и по технологии изготовления. Уступ в средней части стенок жаровен, шероховатую, бугристую поверхность придонной части Гаджиев объясняет тем, что они лепились в ямах, обсыпанных песком²⁷. До деталей аналогична гинчинской²⁸ керамическая цедилка, открытая с двух сторон, с множеством отверстий в стенках, найденная в постройке I на Серегинском поселении²⁹. Форма гинчинских ручек-петелек совпадает с серегинскими³⁰. Столовая керамика Гинчи с цилиндрическим горлом имеет такой же желобок в месте перехода горла в тулово³¹. В керамике Чинна и Гинчи имеются баночные сосуды типа серегинского (рис. 10.43)³².

Такой элемент декора как рельефный налепной валик не был ранее известен в керамике майкопской культуры. Однако, фрагменты сосудов с валиками на стенках из Гинчи³³ вполне могли являться прототипами необычного сосуда из Серегинского поселения, украшенного сплошным валиком с косыми насечками. Еще один, известный нам небольшой фрагмент стенки сосуда с валиком найден в Псекупском поселении № I³⁴. Такая же ручка-упор как на фрагменте жаровни из Уашкиту I происходит из Чинна³⁵. Фрагмент "очажной подставки" с выемкой на спинке и вогнутыми стенками из Чинна³⁶ идентичен серегинской.

Кремневая индустрия Дагестанских энеолитических стоянок

характеризуется пластинчатой техникой, двусторонне обработанные формы на этих памятниках не найдены³⁷. Кремневый инвентарь Серегинского поселения требует детальной систематизации, но в целом он представляется более поздним. Наличие в подъемном материале поселения двусторонне обработанных вкладышей для серпов "является важнейшим технологическим признаком, отличающим каменную индустрию эпохи ранней бронзы от предшествующей энеолитической"³⁸.

М.Г.Гаджиев указывает на сходство Гинчи с ранним Долинским комплексом³⁹, а также отмечает, что парадная майкопская керамика аналогична парадной посуде Гинчи⁴⁰.

Генезис формы высокогорных сосудов майкопской культуры В.В.Пиотровский также связывает с этим кругом памятников⁴¹.

Керамика энеолитических поселений Дагестана имеет некоторые параллели в центрально-закавказской шулавери-шомутепинской группе памятников⁴². Серегинский сосуд с попарно расположенными сосцевидными налепами аналогичен сосудам из Имирисгора⁴³.

При практически полном сходстве части керамического комплекса между дагестанскими и закубанскими памятниками наблюдается принципиальное различие в кремневой индустрии. Учитывая то, что майкопская культура датируется более поздним временем, чем энеолитическая Гинчинская группа⁴⁴, можно говорить о пережиточном, консервативном характере керамических форм, при том, что форма и технология кремневых изделий соответствует эпохе ранней бронзы.

Видимо, пласт энеолитических поселений типа Гинчи явился составной частью при сложении майкопской культуры, наряду с центрально-закавказскими и передне-азиатскими традициями. Сложение большинства характерных для майкопской культуры керамических типов происходило в энеолитическое время. Этот тезис находится в рамках концепции многокомпонентного сложения майкопской культуры⁴⁵.

1. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Новое поселение эпохи ранней бронзы в Закубанье (предварительная публикация). - В сб.: Материальная культура Востока. Ч. I. М., 1988.
2. Днепровский К.А., Яковлев А.С. Указ.соч., с. 89; Лесков А.М., Габуев Т.А., Днепровский К.А. Отчет о работе КАЗ ГМИНВ за 1986 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 11292.
3. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Указ.соч., с. 90.
4. Лесков А.М. и др. Указ. отчет.
5. Определение остеологического материала проведено Данильченко В.П. (ИА АН СССР).
6. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Указ. соч., рис. 5,9.
7. Гаджиев М.Г., Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла. - В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 6.
8. Гаджиев М.Г. Указ.соч., с. 6.
9. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Указ.соч., рис. 4, II.
10. Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура). - СА, 1990, № 4, с. 115, рис. 4. 258; Sumer, 1948, № 1, v. IV, pl. 4, 46, 47.
11. Днепровский К.А. Исследование памятников майкопской культуры в Шовгеновском р-не Адыгейской АО. Конференция "Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы". Тезисы докладов. Краснодар, 1991, с. 69.
12. Лесков А.М., Днепровский К.А. и др. Отчет о работе КАЗ ГМИНВ в 1988 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 12894.
13. Эрлих В.Р. Курган Уашкиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. - XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь, 1990, с. 59.
14. Нечитайло А.Л. Усть-Дзегутинское поселение в системе памятников майкопской культурно-исторической общности. - I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989, с. 29.
15. Корневский С.Н. Галюгаевское поселение майкопской культуры (по раскопкам 1985 г.). - I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989, с. 31.

16. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Указ.соч., с. 92.
17. Крутлов А.П., Подгаецкий Г.В. Долинское поселение у г. Нальчика. - МИА 3, 1941, с. 187, рис. 27. I-5, рис. 28. I,2, рис. 29.
18. Крутлов А.П., Подгаецкий Г.В. Указ.соч., с. 187.
19. Крутлов А.П., Подгаецкий Г.В. Указ.соч., с. 186.
20. Дитлер А.П., Ловпаче Н.Г. Псекупское поселение № I. - В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988 г.
21. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 335, рис. 46.5.
22. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Указ.соч., рис. 5.9, с.99.
23. Ловпаче Н.Г. Могильник в устье реки Псекупс. - В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985, табл. II, IV, VI.
24. Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане. - В сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 11-12.
25. Гаджиев М.Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла. - В кн.: Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 6.
26. Гаджиев М.Г., 1989, с. 15; Гаджиев М.Г., 1981, с. 8, рис. I. 8, 10, 12.
27. Гаджиев М.Г. Указ.соч., с. 7.
28. Гаджиев М.Г. Указ.соч., с. 8, рис. I.6.
29. Днепровский К.А., Яковлев А.А. Указ.соч., с. 38, рис. 4. 10.
30. Гаджиев М.Г. Указ.соч., с. 15, рис. 6.
31. Гаджиев М.Г. Указ.соч., рис. 4, с. 12.
32. Гаджиев М.Г. Указ.соч., рис. 13. 31-34, с. 28.
33. Гаджиев М.Г. Указ.соч., рис. 2. 17, 19-23, с. 9.
34. Дитлер А.П., Ловпаче Н.Г. Указ.соч., с. 128, табл. X, II.
35. Гаджиев М.Г. Указ.соч., с. 23, рис. 10.15.
36. Гаджиев М.Г. Указ.соч., с. 23, рис. 10.15.
37. Гаджиев М.Г. К выделению Северокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев. - В сб.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. с. 27.

38. Гаджиев М.Г. Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла (вопросы периодизации). - В сб.: Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987, с. 10, II.
39. Гаджиев М.Г. Указ. соч., с. 31.
40. Гаджиев М.Г. Указ. соч., с. 32.
41. Пиотровский Ю.Ю. Редкие формы керамики эпохи ранней бронзы на территории Адыгеи. - I Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989, с. 35.
42. Гаджиев М.Г. Указ. соч., с. 33.
43. Археология СССР. Энеолит СССР, М., 1982, табл. XXXIX. 2, 4, 6, 8. Однотипный сосуд с сосцевидными налепами найден также в скоплении № I под насыпью I7 Уляпского кургана (Красногвардейский р-н Адыгейской АО).
44. Корневский С.Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры. - СА, 1990, № 4, с. 127.
45. Корневский С.Н. К вопросу о Майкопе на среднем Тереке. Конференция "Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы". Тезисы докладов. Краснодар, 1991, с. 42.

Список иллюстраций

- Рис. I-3. Серегинское поселение. Тарная керамика
- Рис. 4. Серегинское поселение. Миски
- Рис. 5. Серегинское поселение. Миски, жаровни
- Рис. 6. Серегинское поселение. Сосуды с ручками
- Рис. 7. Серегинское поселение. Столовая керамика
- Рис. 8. Серегинское поселение.
I - "трехствольная" ручка сосуда,
2, 3 - фрагменты жаровен, 4 - фрагмент сосуда
с двумя горлами
- Рис. 9. Серегинское поселение.
I-18 - столовая керамика
- Рис. 10. Серегинское поселение.
19-35, 42, 43 - столовая керамика,
36-39 - фрагменты пифосов,
40-41 - фрагменты сосудов с ручками
- Рис. II. Серегинское поселение
I-10 - "очажные подставки"
- Рис. 12. Поселение Уашкиту. Керамика
- Рис. 13. Поселение Уашкиту.
I-19 - керамика, 20 - миска

38. Галерея М.Г. Работы культуры в эпоху раннего
 антропогенеза (Иркутск, 1991) - в сб.: ...
 39. Пис. 1-3. Селенские поселения. Материалы
 40. Пис. 4. Селенские поселения. Материалы
 41. Пис. 5. Селенские поселения. Материалы
 42. Пис. 6. Селенские поселения. Материалы
 43. Пис. 7. Селенские поселения. Материалы
 44. Пис. 8. Селенские поселения. Материалы
 45. Пис. 9. Селенские поселения. Материалы
 46. Пис. 10. Селенские поселения. Материалы
 47. Пис. 11. Селенские поселения. Материалы
 48. Пис. 12. Селенские поселения. Материалы
 49. Пис. 13. Селенские поселения. Материалы
 50. Пис. 14. Селенские поселения. Материалы

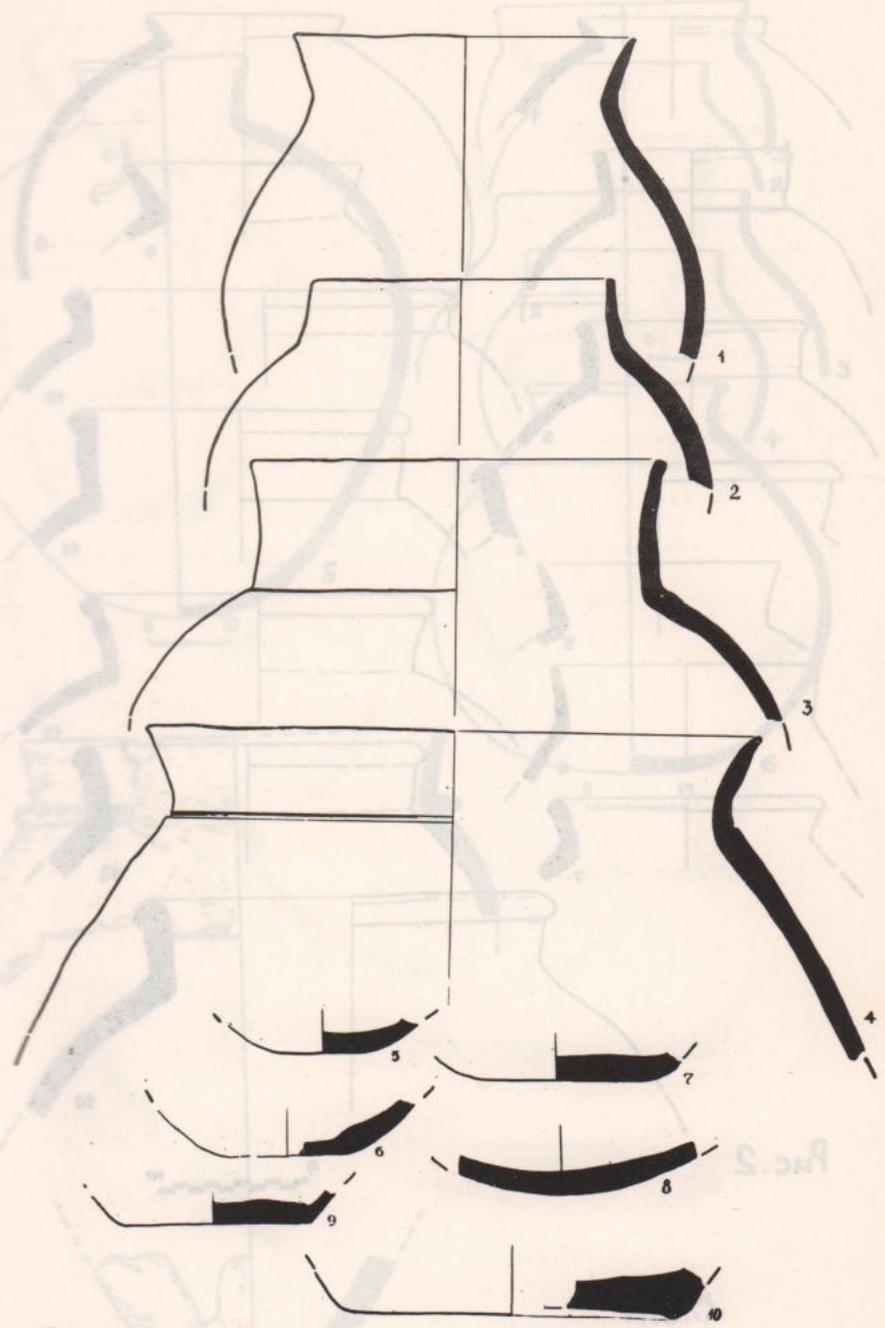

Рис. 1

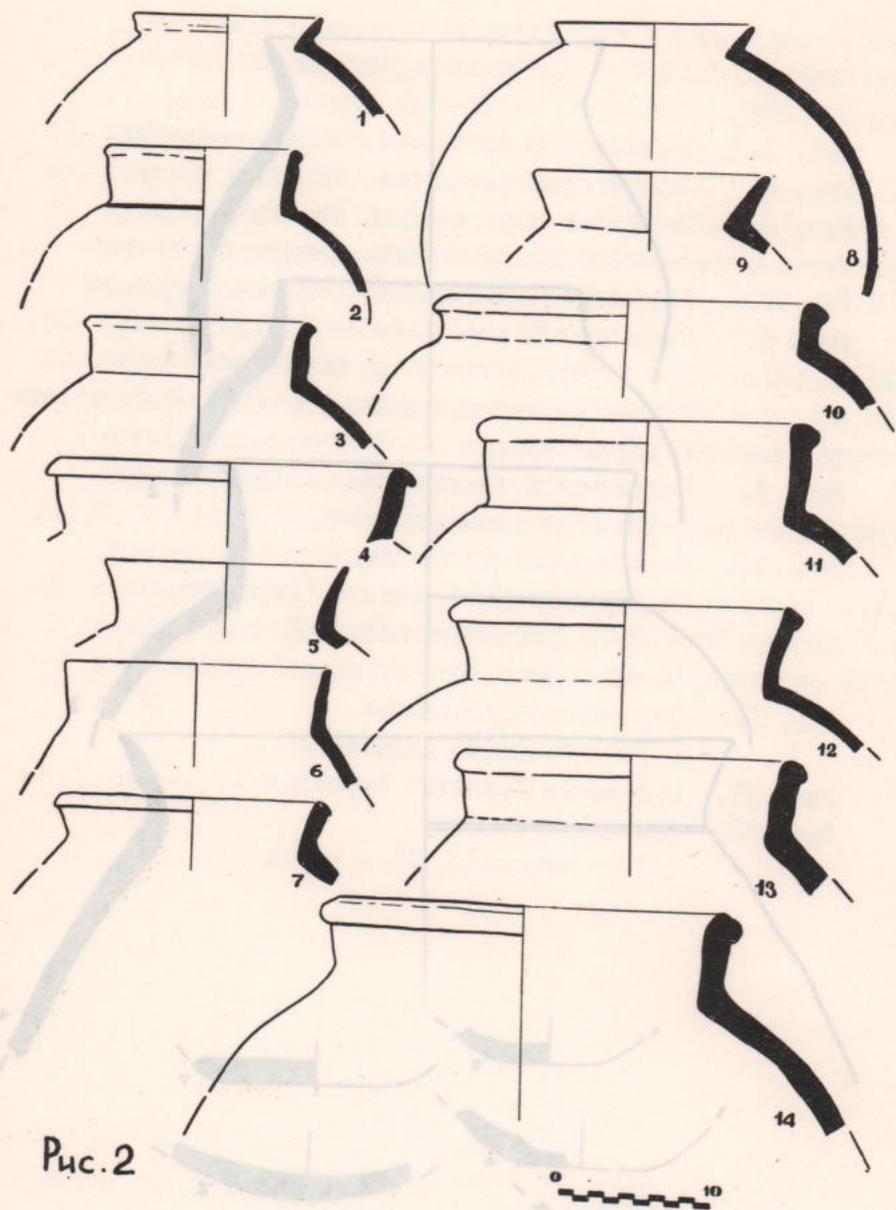

Рис. 2

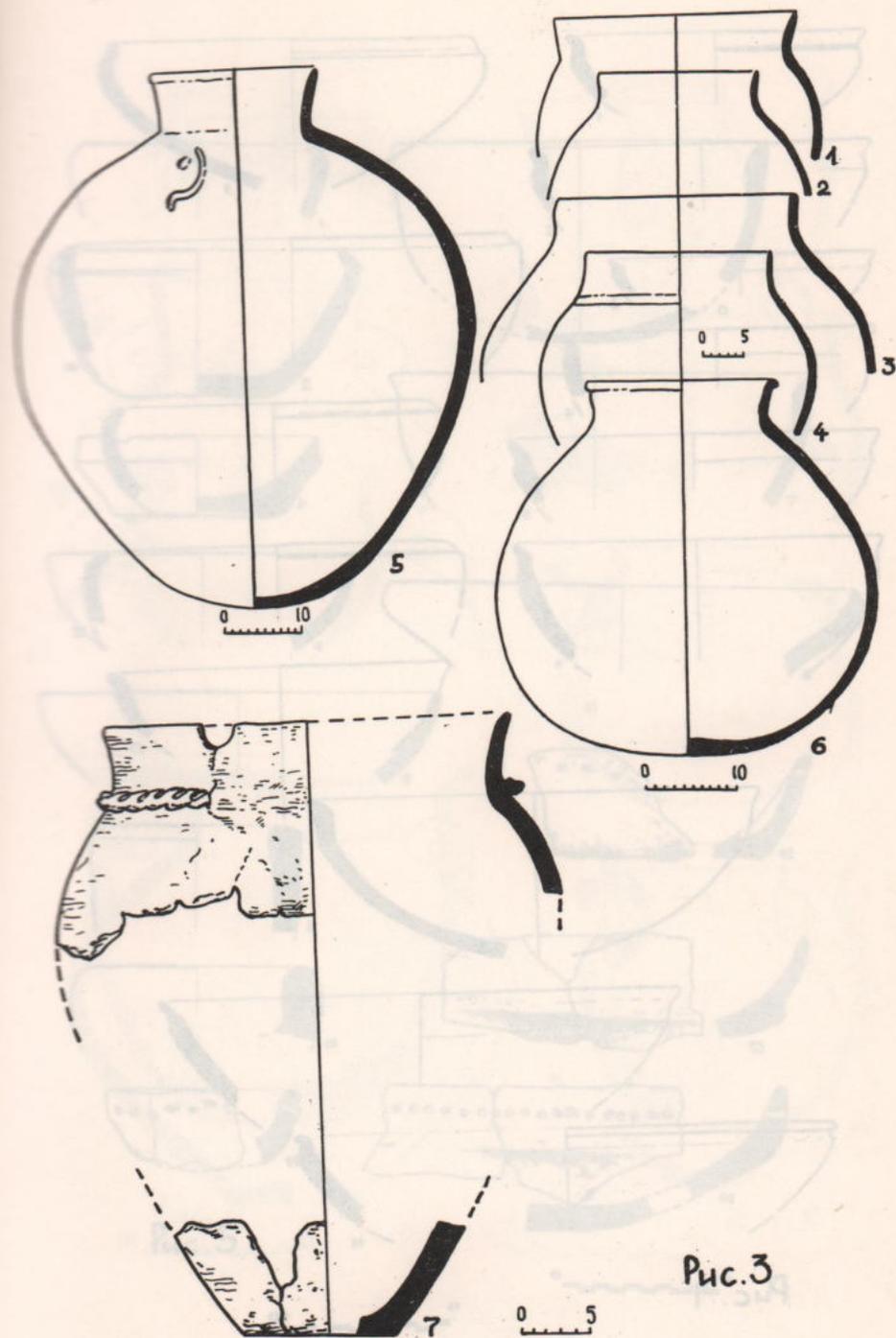

Рис. 3

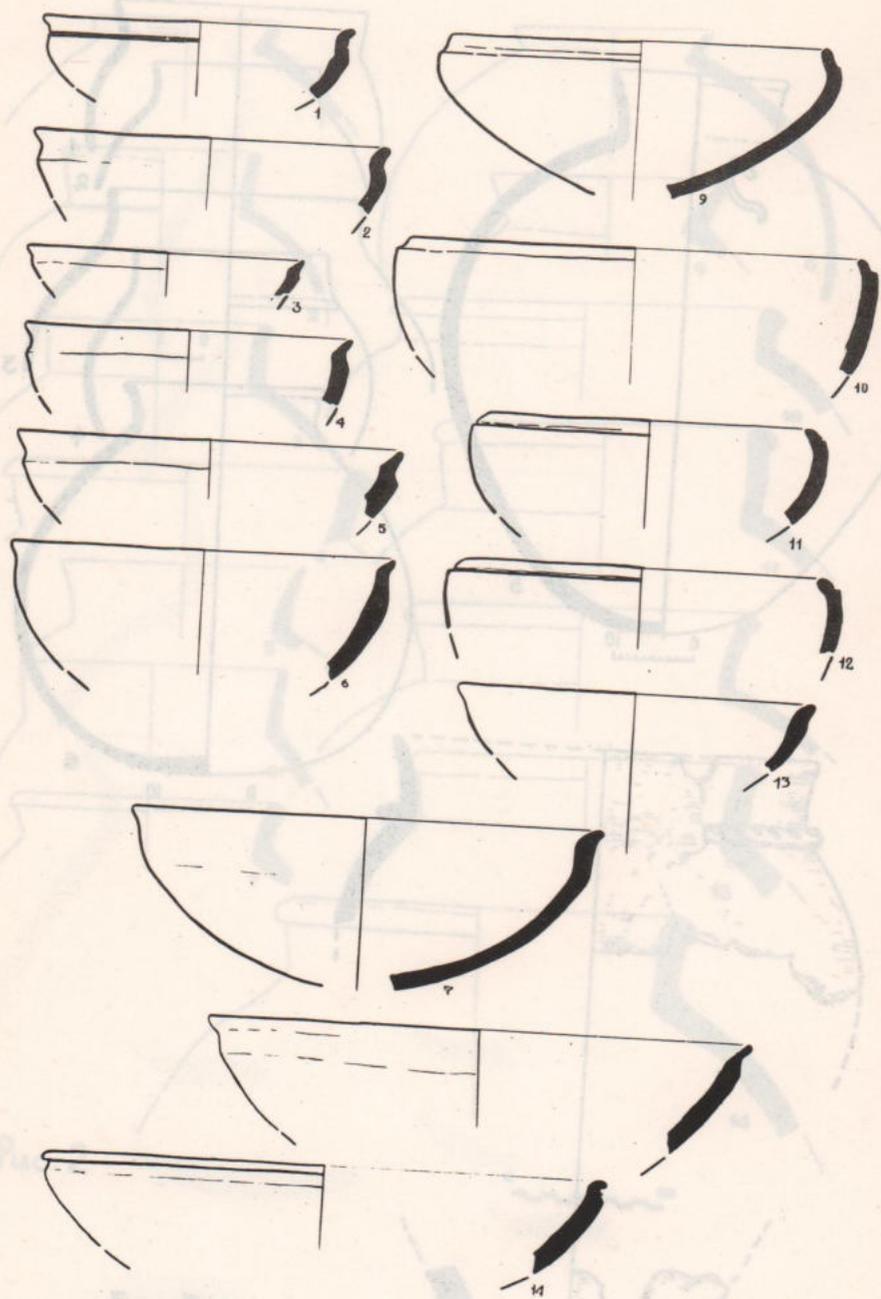

Рис. 4

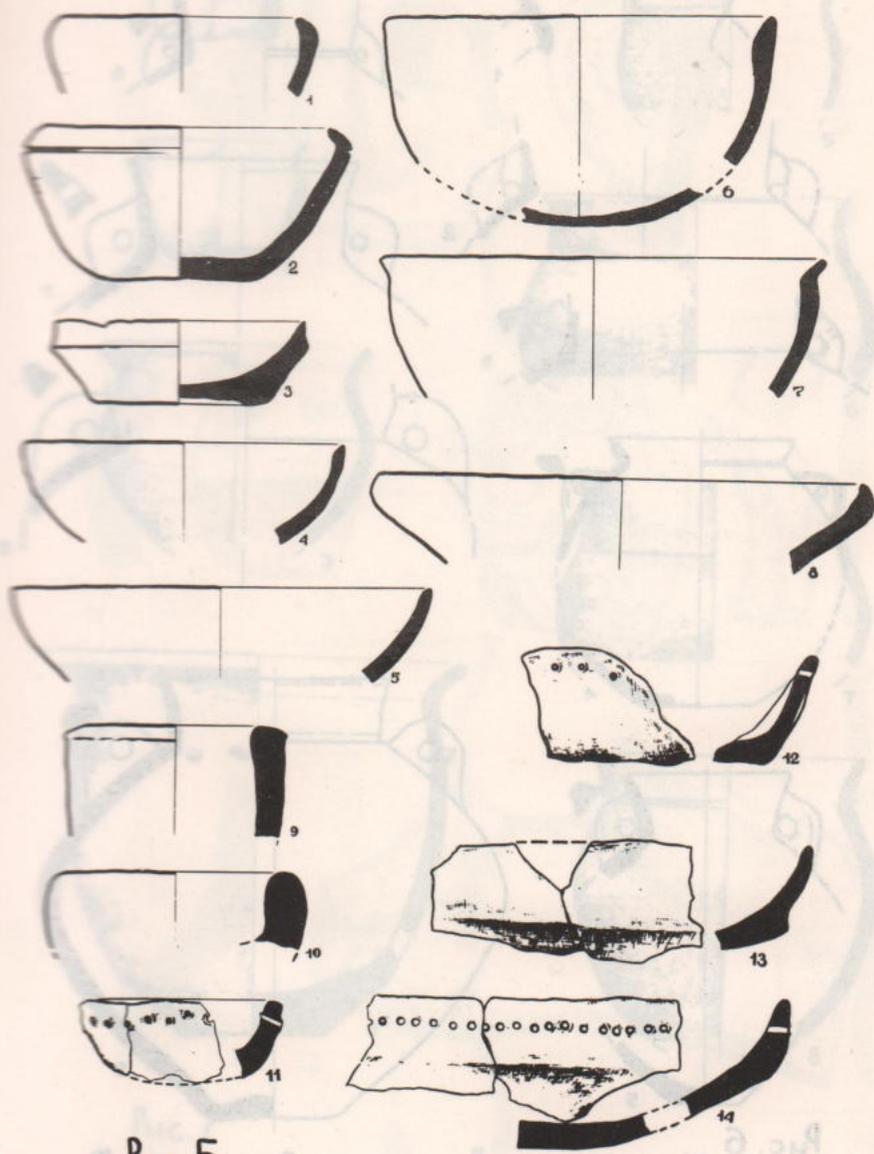

Рис. 5

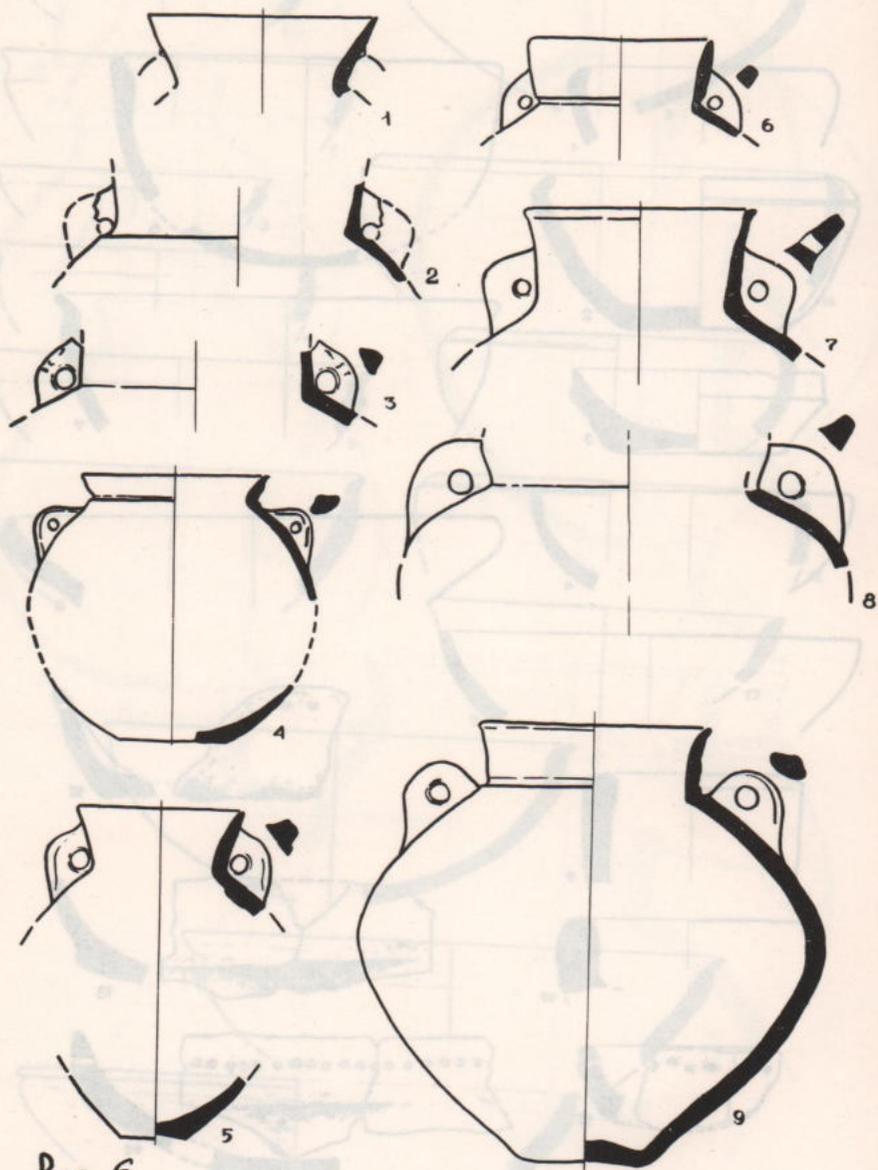

Рис. 6

0 10

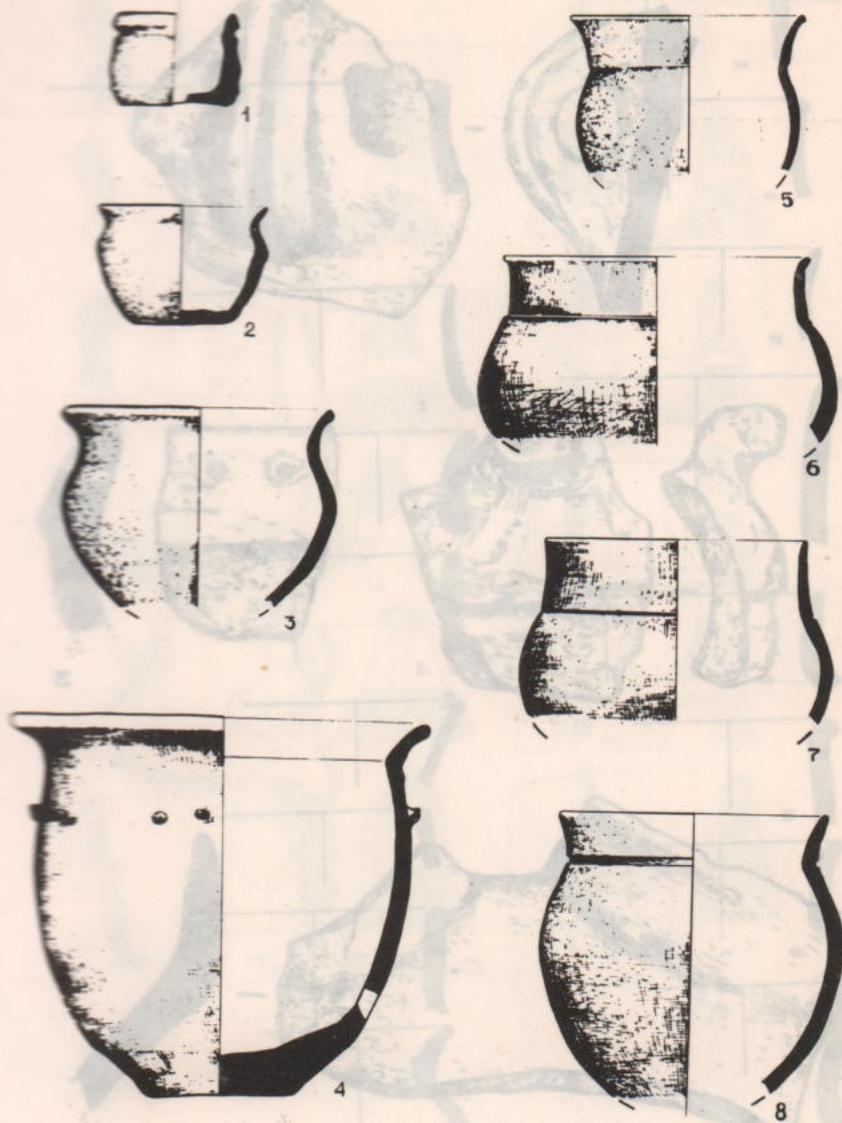

Рис. 7

0 10

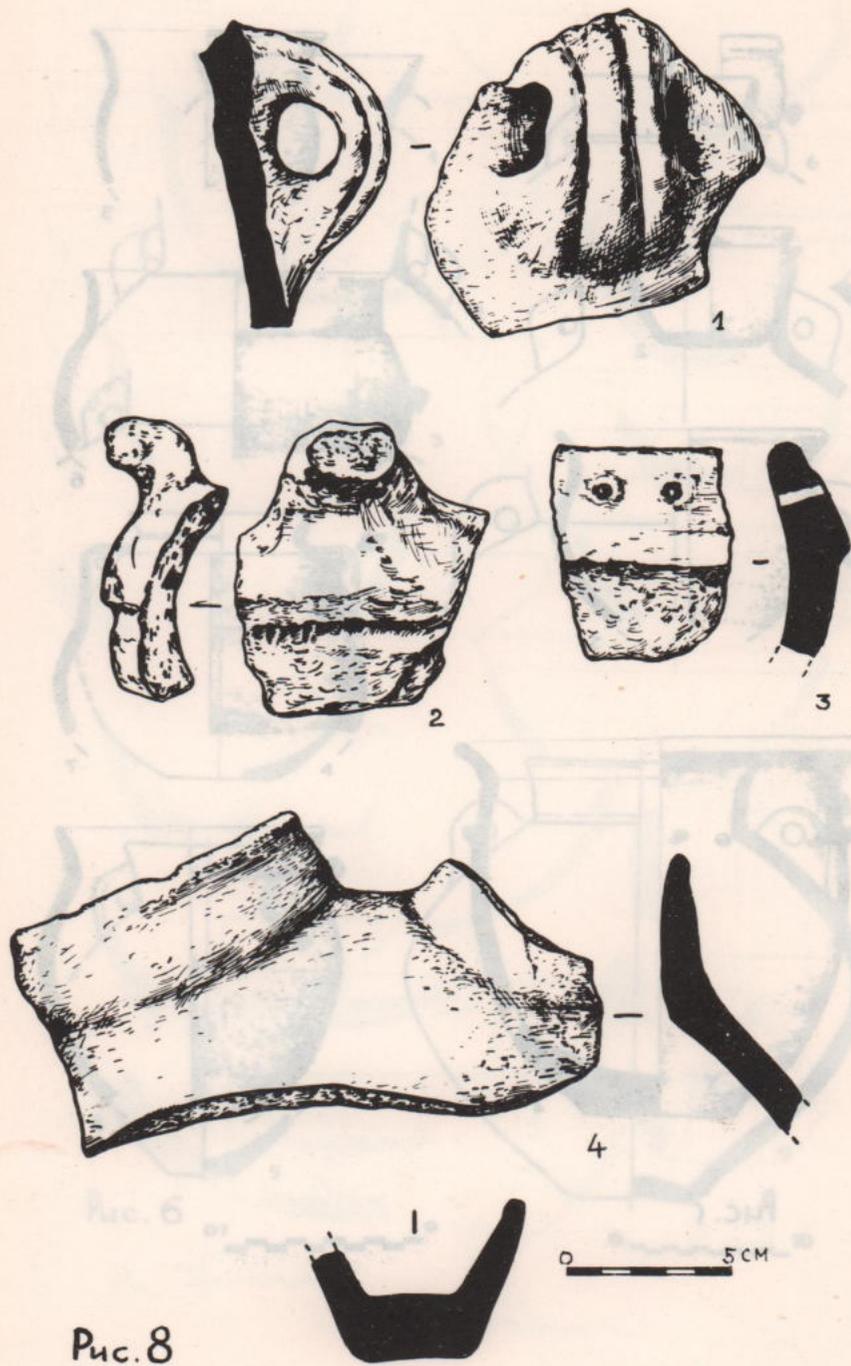

Рис. 8

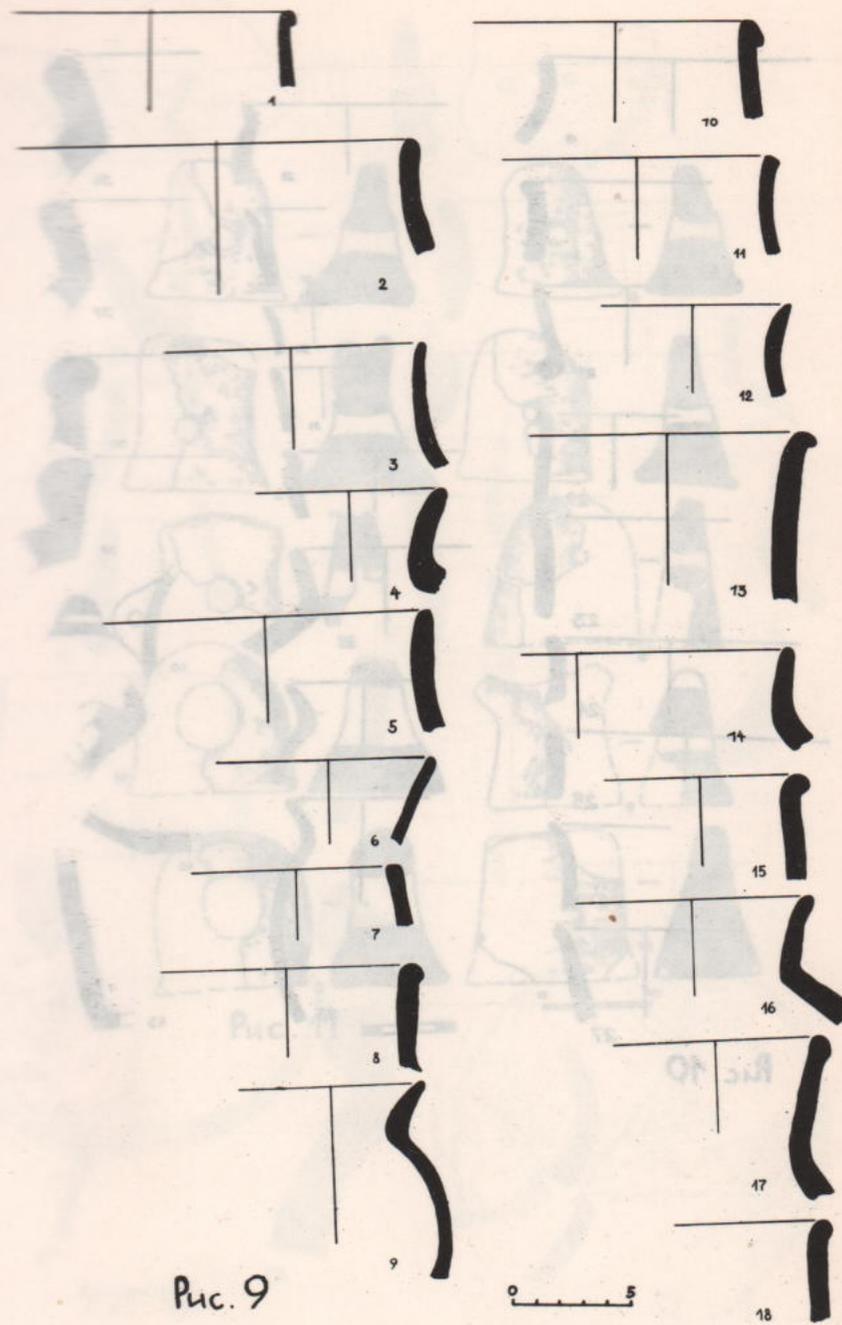

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

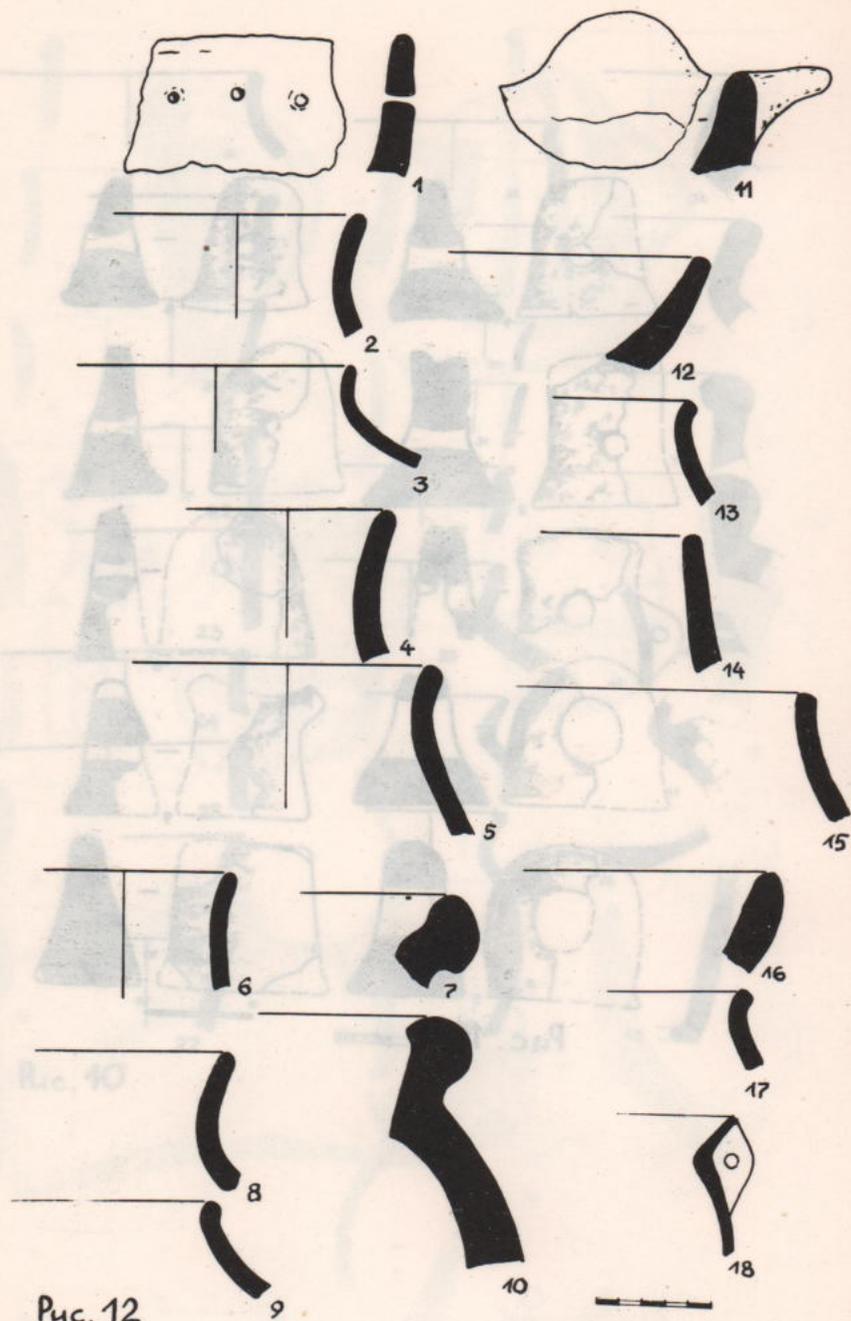

Рис. 12

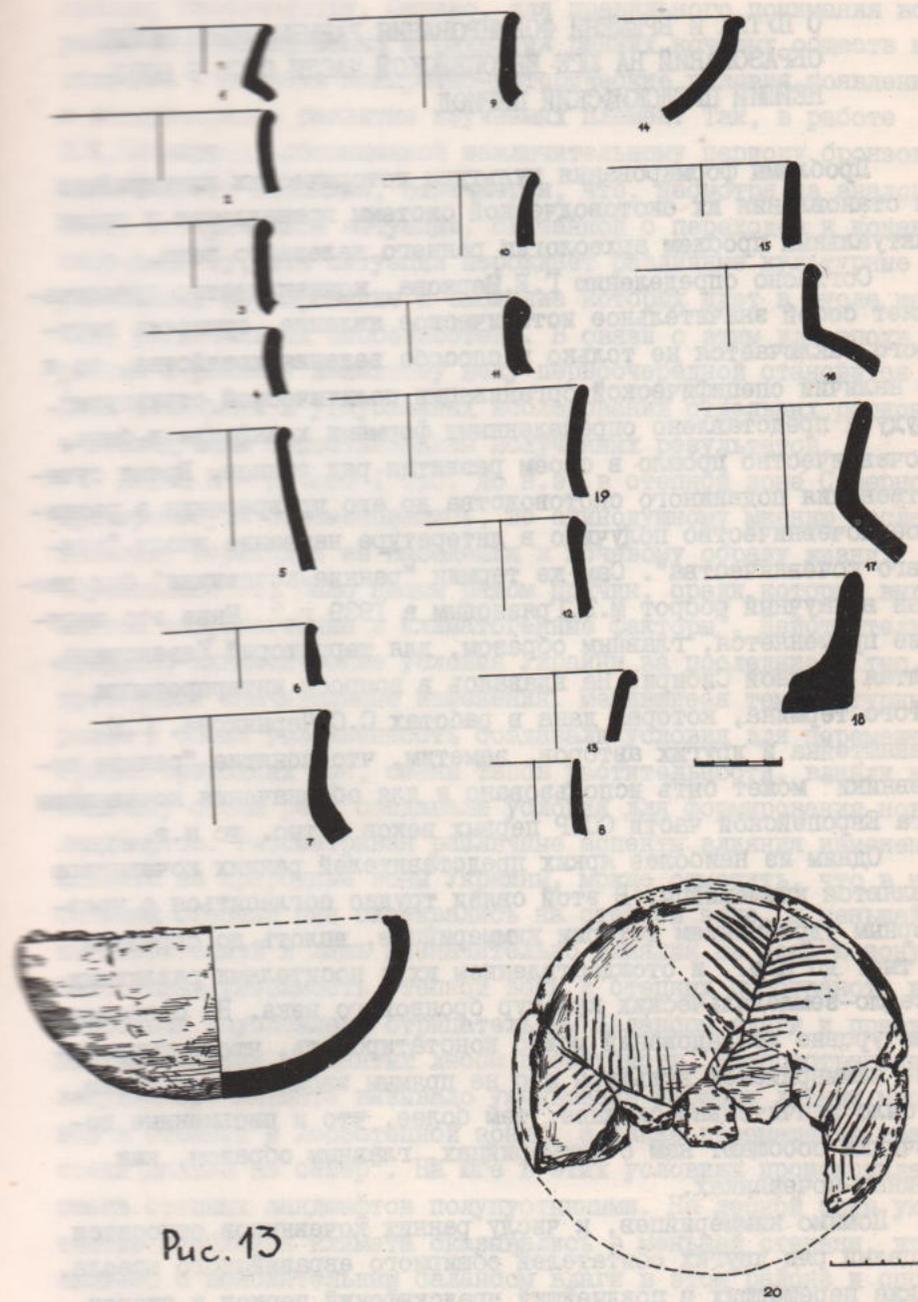

Рис. 13

О ПУТЯХ И ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В ПОЗДНЕЙШИЙ ПРЕДСКИФСКИЙ ПЕРИОД

Проблемы формирования культуры исторических киммерийцев и становления их скотоводческой системы принадлежат к числу актуальных проблем археологии раннего железного века.

Согласно определению Г.Е.Маркова, кочевничество представляет собой значительное историческое явление, сущность которого заключается не только в способе ведения хозяйства, но и в наличии специфической организации политической структуры¹. Будучи представлено определенными формами хозяйства и быта, кочевничество прошло в своем развитии ряд этапов. Время существования подвижного скотоводства до его превращения в развитое кочевничество получило в литературе название эпохи "раннего кочевничества". Сам же термин "ранние кочевники" был введен в научный оборот М.П.Грязновым в 1939 г.² Ныне это понятие применяется, главным образом, для территорий Казахстана, Алтая и Южной Сибири. Не вдаваясь в вопросы интерпретации этого термина, которая дана в работах С.С.Черникова, С.И. Вайнштейна и других авторов, заметим, что понятие "ранние кочевники" может быть использовано и для обозначения кочевников юга Европейской части СССР первых веков I тыс. до н.э.

Одним из наиболее ярких представителей ранних кочевников являются киммерийцы. В этой связи трудно согласиться с чрезмерным удревнением истории киммерийцев, вплоть до середины II тыс. до н.э., и отождествлением их с носителями различных оседло-земледельческих культур бронзового века. На современном уровне исследований можно констатировать, что формирование киммерийской культуры шло не прямым эволюционным путем, а было значительно сложнее, тем более, что и письменные источники сообщают нам о киммерийцах, главным образом, как воинах-кочевниках.

Помимо киммерийцев, к числу ранних кочевников относятся и целый ряд других обитателей обширного евразийского ареала, также перешедших в позднейший предскифский период к экстен-

сивному скотоводству. Однако, для правильного понимания вопросов истории сложения и развития ранних кочевых обществ необходимо учитывать конкретно-исторические условия появления и исторического развития изучаемых племен. Так, в работе Н.К.Качаловой, посвященной заключительному периоду бронзового века Нижнего Поволжья, отмечается, что, несмотря на аналогичность исторической ситуации, связанной с переходом к кочевому скотоводству, эта ситуация порождает различные культурные образования, формирование и сложение которых идет в русле местных, региональных особенностей³. В связи с этим для эпохи перехода к раннему железному веку первоочередной становится задача детальных и углубленных исследований отдельных регионов с последующим сопоставлением полученных результатов.

Конец II – начало I тыс. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья ознаменовались, по единодушному мнению исследователей, переходом ее населения к кочевому образу жизни. Обусловлено это было целым рядом причин, среди которых выделяются антропогенные и климатогенные факторы⁴. Действительно, природно-климатические условия Украины за последние 4 тыс. лет претерпели значительные изменения. Менявшиеся температурный режим и общая увлажненность создавали условия для перемещения границ природных зон, смены типов растительности, влияли на величину стока рек, создавали условия для формирования новых ландшафтов. Рассматривая различные аспекты влияния изменений климата на природные зоны Украины, можно отметить, что в наибольшей степени они сказывались на степной зоне, в меньшей – на лесостепной и лишь незначительно влияли на лесную зону. Наибольшая уязвимость степной зоны и степных пространств в лесостепи обусловлены отрицательным балансом влаги и присутствием больших незанятых лесом пространств. Распространение засушливого климата вызывало уменьшение площади лесных массивов в степной и лесостепной зонах, а также перемещение границ степи дальше на север⁵. На юге в этих условиях происходила смена степных ландшафтов полупустынными. На лесной зоне указанные изменения климата сказывались в меньшей степени, что связано с положительным балансом влаги в этом районе и способностью леса надолго аккумулировать и сохранять зимнюю вла-

гу. Значительные влияния на лесную зону могли оказать лишь глобальные перемены климата на всем Европейском континенте, каковых, по-видимому, не происходило за последние 4 тыс. лет.

В результате изучения истории климата на территории Восточной Европы, а также всего Северного полушария, ученые установили существование его многовековых колебаний длительностью до 1900 лет, связанных с изменением положений Солнца, Луны и Земли⁶. Полученный график температур показывает их влияние на колебание уровня Мирового океана. Любые значительные перемены температурного режима, имевшие достаточно длительный характер, вызвали таяние ледников, в результате чего происходило поднятие уровня Мирового океана. Повышение уровня Мирового океана указывает на более теплый, а понижение на более холодный климат. При этом необходимо учитывать тот факт, что аридность климата возрастает к концу холодного или жаркого периодов⁷. Наиболее хорошо такие колебания прослеживаются во внутренних морях, где отсутствуют разрушительные приливы. К их числу относится и Черное море, где суточные колебания составляют всего 10 см, что создает значительные удобства для восстановления климатической обстановки в степных и лесостепных природных зонах Украины.

Колебания уровня Черного моря на протяжении II – I тыс. до н.э. отражают наиболее общие направления и тенденции изменения и развития некоторых из основных ландшафтообразующих факторов (климата и гидрологии) на территории прилегающих к нему Северопричерноморских степей. Рассматривая колебания Черного моря в интересующее нас время, необходимо отметить, что к середине II тыс. до н.э. оканчивается новочерноморская трансгрессия и начинается фанаторийская регрессия, сопровождавшаяся падением уровня Черного моря⁸. Это было вызвано наметившимся общим похолоданием климата и, вследствие этого, концентрацией влаги в ледниках. Начальная фаза данного периода характеризуется установлением в причерноморских степях влажного климата, существовавшего на протяжении XV–XIII вв. до н.э. В этих благоприятных климатических условиях племена степных районов Северного Причерноморья переживают период экономического подъема⁹. Их поселения располагались в различ-

ных топографических условиях, в том числе в долинах ныне пересохших рек и впадающих в них балок, что свидетельствует о более значительном увлажнении этой территории.

С конца XIII в. до н.э. на территории Восточной Европы начинается общее похолодание, которое заканчивается к V в. до н.э.¹⁰ Устанавливается эпоха пониженной увлажненности, существовавшая приблизительно с XII до VII вв. до н.э.¹¹ Подтверждением этому служит ксеротермическая депрессия на территории Северного Причерноморья, начавшаяся с конца XIII – начала XII вв. до н.э. и окончившаяся в VII в. до н.э.¹² В результате этого природные зоны в районе Северного Причерноморья были отодвинуты на подзону к северу. Аналогичные природные процессы происходили на территории казахстанских степей. На рубеже II – I тыс. до н.э. в этом регионе устанавливается более сухой и континентальный климат, приведший к смещению природных зон почти на 200 км к северу, т.е. практически на одну зону¹³. На территории Арало-Каспийских степей устанавливается засушливый климат, а Каспийское море переживает регрессию¹⁴. В результате рассмотренных климатических изменений население регионов Черноморского и Арало-Каспийского бассейнов переживает общий природный кризис.

Ухудшение климатической обстановки отрицательно сказалось на земледельческо-скотоводческих культурах степной зоны Северного Причерноморья и, вероятно, потребовало перехода некоторой части населения к подвижному скотоводству уже в белозверское время. Однако, по мере увеличения засушливости климата и уменьшения продуктивности степных ландшафтов, в XI–IX вв. до н.э. неокрепшее еще кочевое хозяйство также, по-видимому, начинает переживать кризис. Это вынудило значительную часть населения покинуть степные районы Северного Причерноморья и переселиться в места с более благоприятными природными условиями, отвечающими их способу ведения хозяйства. В то же время, это переселение не привело к полному обезлюдению степей, часть населения, видимо, осталась в местах, пригодных для жизни, например, в долинах больших рек.

Данные положения можно проиллюстрировать некоторыми цифрами. Так, по наблюдениям В.В.Отрощенко и В.П.Ванчугова, в

II-X вв. до н.э., по сравнению с предшествующим периодом, в степной зоне между Доном и Дунаем наблюдается десятикратное уменьшение количества поселений и погребений¹⁵. Те же тенденции сокращения населения проявляются в степном Причерноморье и в последующую киммерийскую эпоху, что находит свое отражение в отсутствии на этой территории поселений и стационарных могильников. Сводка же захоронений позднейшего предскифского периода в степях юго-востока Европы насчитывает в настоящее время чуть больше 70 наименований, что значительно уступает числу только белозерских погребений Северного Причерноморья¹⁶. Период относительного запустения причерноморской степи продолжается и в эпоху скифской архаики (VI-VI вв. до н.э.), когда основные центры скифского племенного объединения локализовались на Северном Кавказе и лесостепной зоне Правобережья и Левобережья Днепра¹⁷.

Приведенные данные, на наш взгляд, также свидетельствуют о переселении в позднейший предскифский период значительной части степного населения Причерноморья, уже перешедшего к экстенсивному скотоводству, в места с более благоприятными природными условиями. Это переселение, вероятно, проходившее в несколько этапов, носило характер непрерывного или таборного кочевания с незамкнутым циклом перекочевков. Данный вариант кочевничества — скорее исключение, чем правило в образе жизни кочевников, вызванное особыми условиями: стихийными бедствиями, главным образом, недостатком корма в засушливые периоды или военными событиями¹⁸. Скотоводческая же система киммерийцев, в это время, по всей вероятности, основывалась на сочетании как кочевых, так и полукочевых, а возможно, и полуседлых форм, в зависимости от занимаемой ими экологической ниши. Согласно существующим типологиям скотоводческих хозяйств, к кочевым относятся различные варианты кочевничества: от таборного кочевания с незамкнутым циклом до замкнутых циклических кочеваний по определенным маршрутам и с более или менее постоянными зимниками, но без постоянных жилищ на них, причем расстояния перегона скота могут составлять от нескольких километров до нескольких сотен километров¹⁹. К полукочевым могут быть отнесены те хозяйства, совершая сезонные

перекочевки всей семьей по замкнутым маршрутам, имеют постоянные жилища на местах зимовок. К полуседлым относятся скотоводческие хозяйства, совершая лишь две перекочевки (с зимников на летники, и обратно), в отличие от предыдущих, имеют зимние и летние поселения с постоянными жилищами.

Расселение киммерийского населения осуществлялось в нескольких направлениях. В первую очередь, это были районы, которые в значительно меньшей степени пострадали от понижения уровня общей увлажненности, так как находились в зоне с положительным балансом влаги. Это лесостепные и прилегающие к ним районы Правобережья и Левобережья Днепра, территории предгорного Крыма и Северного Кавказа, в достаточной степени обводненные благодаря горным рекам, питающимся таянием ледников, и более западные районы Восточной Европы, в том числе Большая Венгерская равнина, что находит свое подтверждение в археологических данных, полученных на этих территориях. Так, применительно к лесостепной территории, свидетельства ранней военной агрессии степных киммерийцев можно наблюдать на опустошенных пожарами поселениях раннечернолесской и бондарихинской культур среднего Поднепровья и Днепровского левобережья (Субботово, Бузовка, Залинейное и др.)²⁰. Предположение о заселении южной лесостепи киммерийцами, а не только о спорадических походах в лесостепную зону отдельных воинских отрядов, подтверждается антропологической и половозрастной характеристикой выявленных там погребений²¹. Симптоматично, что освоение киммерийцами лесостепной зоны — явление характерное не только для Самаро-Орельского междуречья и Днепровского правобережья. Оно зафиксировано и в Среднем Подонье²².

Однако, наиболее яркие следы киммерийской активности в это время зафиксированы на других территориях и, в частности, на Северном Кавказе. Свое отражение здесь они находят в распространении черноморских и особенно новочеркасских групп памятников, которые обычно отождествляются с историческими киммерийцами. Объяснение этому явлению, на наш взгляд, следует искать и в общеисторической ситуации, сложившейся на юге Европейской части СССР в конце II — начале I тыс. до н.э., и на несколько столетий определившей ход исторического развития

на этой территории. Прежде всего следует отметить резкое падение в это время производства в металлообрабатывающих очагах на юго-западе СССР, что по мнению Е.Н.Черных, явилось отражением затухания горно-металлургического промысла в Балкано-Карпат-Карпатской горно-металлургической области²³. Свою отрицательную роль в сворачивании деятельности причерноморского очага металлообработки сыграло и прекращение использования в XI-X вв. до н.э. Донецких медных рудников²⁴. Это, вероятно, явилось одной из причин, приведшей к переориентации связей и преобладанию в дальнейшем "восточного" направления в снабжении импортным металлом и изделиями из него не только причерноморских, но и приднепровских литейщиков. Ведь именно на Северном Кавказе, а также в ряде более восточных областей (Приуралье, Саяно-Алтай) в первой половине I тыс. до н.э. заметен подъем бронзолитейного производства. Так, применительно к Северному Кавказу А.А.Иессеном и Е.И.Крупновым было доказано существование там прикубанского и кобанского металлургического очагов (одних из крупнейших в Европе), имевших значительное культурное влияние на соседние территории²⁵. Исходя из этого, следует отметить, что взаимодействия ранних кочевников с местным населением Предкавказья в позднейший предскифский период были обусловлены своеобразием их экономического развития, что нашло свое отражение в облике их материальной культуры, и, прежде всего, в предметах вооружения и конского убора. Памятники, в которых прослеживаются интенсивные киммерийско-кавказские связи локализуются, главным образом, в Центральном Предкавказье и Закубанье. Так, могильники Центрального Предкавказья, и, в частности, Пятигорья, по свидетельству С.Л.Дударева испытывали из всех кобанских памятников особенно сильное влияние киммерийской культуры, что находит свое отражение не только в инвентаре, но и в погребальном обряде выявленных здесь раннекобанских могильников, например, у Кисловодской мебельной фабрики²⁶. Не исключено, что эти контакты приводили к возникновению этнических образований смешанного киммерийско-кавказского происхождения, что для раннескифского времени подтверждается данными антропологии из могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкессии²⁷.

В решении вопроса о территории занимаемой киммерийцами особое значение имеют районы Северо-Западного Кавказа, где историко-литературная традиция не только греков, но и древневосточных народов локализовала территорию киммерийцев. За последние годы в Закубанье выявлена целая серия новых могильников и погребений позднейшего предскифского времени с богатым погребальным инвентарем воинов-всадников и упряжью колесниц. В этой связи необходимо упомянуть могильник на р. Фарс в Адыгее, который, несмотря на предварительную публикацию, по своему погребальному обряду (западная ориентировка вытянутых костяков, подкуранные захоронения в гробнице и на каменных вымостках, ритуальная площадка с конскими жертвоприношениями) явно отличается от древнемеотских могильников. Приведенные данные, а также недавнее открытие Кавказской экспедицией ГМИИВ кочевнического подкуранного погребения с шатровой конструкцией и колесницей у аула Кабехабль Адыгейской автономной области²⁸ позволяют, на наш взгляд, говорить о присутствии на Северо-Западном Кавказе собственно киммерийских погребений.

На данном этапе исследования важным становится хронологический аспект проблемы. Научные разработки последних лет опосредовали удревнению памятников Новочеркасского типа, которые нельзя ограничивать временем Новочеркасского клада, то есть последней четвертью VIII - рубежом VIII-VII вв. до н.э.²⁹ Этот вывод был сделан на основании рассмотрения таких компонентов Новочеркасского культурно-исторического комплекса как двуколычатые удила и трехпестельчатые псалии, а также синхронизации их с вещами центральноевропейских типов. Археологические материалы Северного Кавказа свидетельствуют также о не совсем удачном употреблении термина "культура Новочеркасского клада" для обозначения памятников ранних кочевников позднейшего предскифского периода, из-за некоего характера самого Новочеркасского клада и составляющих его элементов. В то же время, нельзя отрицать культурное своеобразие этой группы памятников, которая не была однородной и, наряду с уздой, известной по Новочеркасскому кладу, включает в себя элементы, связанные происхождением с кочевым миром (своеобразный погребальный обряд, "киммерийское" искусство, детали узды и

вооружения). В настоящее время наиболее вероятным представляется отнесение кочевнических комплексов Новочеркасской группы памятников к кругу памятников киммерийской культуры, сложившейся в основном к IX–VIII вв. до н.э. и представляющей собой сплав различных культурных традиций. В специальном изучении нуждается и черногоровская группа памятников позднейшего предскифского времени, которая не может сегодня однозначно рассматриваться как позднеархаичная или протоскифская. Появление выше-названных групп памятников, равно как и фрако-киммерийской культуры в Центральной Европе, шло не прямым эволюционным путем, а было значительно сложнее и сочетало в себе действие тесно связанных между собой внутренних (раннеархаичных) и внешних (местных культурных влияний) факторов. Сложение киммерийской культуры осуществлялось в условиях коренной перестройки хозяйства и быта, этнического смешения, широкого диапазона и высокой интенсивности связей³⁰. Следует также учитывать, что процесс формирования киммерийской культуры совпадал по времени со значительными изменениями, происходившими внутри местных культурных образований юга Европейской части СССР, которые также, по-видимому, были опосредованы природно-климатической ситуацией и ее последствиями на указанной территории. Своим отражением эти изменения нашли здесь в появлении новых археологических культур, например, кизил-кобинской в Крыму, освоением новых пространств носителями кобанской и кобяковской культур, а также возможными передвижениями из Волго-Донского междуречья и более восточных районов Евразии кочевых групп населения³¹. Во взаимодействии всех этих процессов и осуществлялось становление киммерийской культуры, сложившейся в своих основных чертах, как отмечалось выше, к IX–VIII вв. до н.э.

Данное положение подтверждается и центральноевропейскими материалами этого времени, в которых имеется значительное количество предметов так называемого фрако-киммерийского типа. Их сходство с находками юга Европейской части СССР, которые были определены как киммерийские, уже было объяснено и доказано исследованиями Д.Газдапустаи, В.Подборского, З.Буковско-го, Т.Кеменцеи, Э.Патек, Г.Коссака, Я.Хохоровского. Распрост-

ранение предметов киммерийского типа на запад они объясняли торговыми отношениями или передвижением населения. Последнее предположение находит свое подтверждение на территории Большой Венгерской равнины. Выявленные здесь предметы киммерийского типа происходят из таких могил, способ погребения в которых отличается от обряда сожжения умерших у населения позднего бронзового века и совпадает с погребальным ритуалом юга Европейской части СССР позднейшего предскифского периода. До сих пор известно около 150 могил этого рода, главным образом, в Мезетчате и Фюзешабони. Э.Патек называет для них характерные черты восточновенгерских доскифских захоронений, которые отличают этот материал от памятников Западной Венгрии, включаемых в круг гальштатской культуры³². Среди этих черт – ритуал погребения, главным образом – вытянутые скелеты, ориентированные широтно; характерные особенности керамики; а также обычай регулярного помещения в могилы наиболее пригодных в пищу частей животных (заупокойной пищи). Характерными находками восточно-венгерских доскифских захоронений являются конки уздечки, слегка конические бляхи и железные бусины. В этих могилах встречены также заполированные костяные пластинки, в большинстве случаев украшенные геометрическими узорами, чаще всего из заштрихованных треугольников. Обращает на себя внимание и тот факт, что в то время как в Задунайской области могильники соотносятся с городищами (например, Велем, Сопрон-Карлсез, Печ-Якобхедь и др.), то для доскифских захоронений Восточной Венгрии этого нет, и даже при тщательном осмотре местности рядом с ними не было обнаружено следов поселений. Данное обстоятельство может свидетельствовать о подвижном образе жизни оставившего погребения населения. По мнению Т.Кеменцеи, в результате продвижения на территорию Большой Венгерской равнины населения из Северного Причерноморья, здесь был прерван третий этап поздней бронзы, датированной им X–IX вв. до н.э.³³

В заключение хочется отметить, что в предлагаемой работе, возможно, нет окончательных ответов на некоторые поставленные в ней вопросы, однако присутствует, как мы надеемся, постановка проблемы, которая в ближайшее время позволит на

НИХ ОТВЕТИТЬ.

1. Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология. - СЭ, 1981, № 4, с. 86.
2. Черников С.С. О термине "ранние кочевники". - КСИИМК. 1960. Вып. 80, с. 17-21.
3. Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья. - СА. 1989, № 1, с. 45.
4. Отрощенко В.В. Срубная культура Степного Поднепровья. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Киев, 1981, с. 19-20; Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев, 1985, с. 155.
5. Веклич М.Ф. Проблемы палеоклиматологии. Киев, 1987, с. 161, 162.
6. Шнитников А.В. Внутренняя изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969, с. 245.
7. Квасов Д.Д. Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975, с. 23-27.
8. Шилик К.К. К палеографии Ольвии. В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 80; его же. Изменения уровня Черного моря в голоцене. Автореф. дис. ... канд.геогр.наук. Л., 1975, с. 14.
9. Гершкович Я.П., Иевлев М.М. Этнокультурные изменения в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы в свете палеоклиматических исследований. Киев, 1987, с. 38-40.
10. Борисов А.А. Климат СССР в прошлом, настоящем и будущем. Л., 1975, с. 431; Лосев К.С. Климат: вчера, сегодня... и завтра? Л., 1985, с. 110.
11. Бучинский И.Е. Климат Украины в настоящем, прошлом и будущем. Киев, 1963, с. 307.
12. Золотун В.П., Кухнеев К.М. История развития почв СССР в голоцене. Пушино, 1984, с. 249.
13. Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане. Челябинск, 1984, с. 67.
14. Варушенко С.И., Варушенко Л.Н., Клитге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палео-

- времени. М., 1987, с. 112, рис. 20.
15. Отрощенко В.В. Белозерская культура. - В кн.: Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986, с. 150; Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990, с. 139.
16. Кореняко В.А. Погребения перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов). - СА, 1985, № 4, с. 60.
17. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984, с. 100; Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 188; Махортых С.В. Скифы на Кавказе в УП-У вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Киев, 1987, с. 15.
18. Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. В сб.: Материалы по этнографии. Л., 1961, вып. 1, с. 2-15.
19. Вайнштейн С.И. Кочевничество. - В кн.: Материальная культура. М., 1989, с. 73.
20. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 214; Ромашко В.А. Поселение и могильник начала I тыс. до н.э. у с.Залинейное на Харьковщине. Древности Степного Поднепровья. Днепропетровск, 1983, с. 54-60.
21. Ромашко В.А. Предскифский период в пограничье лесостепи и степи Днепровского левобережья. Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Киев, 1990, с. 11.
22. Медведев А.П. Погребения предскифского времени в лесостепном Подонье. - В сб.: Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985, с. 112.
23. Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976, с. 201.
24. Татаринов С.И. Металлургия железа в эпоху поздней бронзы. Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез.докладов. Донецк, 1986, с. 37.
25. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. - МИА, 23, 1951, с. 91; Крушнов Е.И. Древняя история народов Северного Кавказа. М., 1960, с. 316.

26. Дударев С.Л. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии. - В сб.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 15.
27. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984, с. 39.
28. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985, с. 58; Эрлих В.Р. Курган Уашкиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. - XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. Ставрополь, 1990, с. 59-61.
29. Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа новочеркасского клада. - Исторические чтения памяти М.П.Грязнова. Тез. докладов. Омск, 1987, с. 163-166.
30. Колотухин В.А. Кизил-кобинская культура: генетические корни и условия формирования. - СА, 1990, № 3, с. 108.
31. Дударев С.Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорноплоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. - В сб.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 5-17; Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону. - САИ, вып. VI-II. М., 1980, с. 127.
32. Patek E. Präskythische Gräberfelder in Ostungarn. In: Symposium zu Problemen der jüngerer Hallstattzeit in Mitteleuropa. Bratislava, 1976, S. 337-362.
33. Kemenczei T. Spätbronzezeit Nordosungarns. Budapest, 1984, S. 430.

БРОНЗОВЫЕ УЗДЕЧНЫЕ НАБОРЫ И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ПРЕДСКИФСКОГО И РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЗАКУБАНЫЯ*

В настоящей работе мне бы хотелось привести некоторые хронологические выводы, к которым я пришел, занимаясь изучением бронзовых уздечных наборов с территории Закубанья предскифского и раннескифского времени. Уздечные наборы для этого периода наиболее массовая категория инвентаря, подверженная изменениям во времени, находящаяся в прямой зависимости от совершенствования управлением конем.

Впервые подробно проблемой модификации и хронологии бронзовых уздечных наборов предскифского и раннескифского времени Юга Европейской части СССР занялся А.А.Иессен. Он же и предложил первую типологию удила и псалиев¹. Для удила он выделял единый классификационный принцип - форма внешних петель. Эта типология практически не изменилась до настоящего времени и ею пользуются до сих пор².

Однако же с псалиями дело оказалось сложнее, эта категория намного труднее поддается классификации и дает множество вариантов. Классификацией А.А.Иессена бронзовых предскифских псалиев так практически никто и не воспользовался. А.И.Тереножкин выделял два основных типа: трехпетельчатые псалии (новочеркасские) и псалии с тремя отверстиями, которые он разделял по трем "эпонимным" памятникам на черногорские, намшевахские и цимбальские³.

По его мнению, первый тип псалиев сочетается с двукольчатыми удилами, а второй - со стремечковидными удилами черногорского этапа.

Черногорский и новочеркасский этапы киммерийской культуры А.И.Тереножкин смог выделить после открытия Н.В.Анфимовым двух могильников в Закубанье: Николаевского и Кубанского. В своей книге "Киммерийцы" Тереножкин подчеркивал, что ново-

* Доклад, прочитанный на международной археологической конференции "Кочевники и скотоводы Причерноморья в V тыс. до н.э. - V в. н.э." в г. Кишиневе в декабре 1990 г.

черкасские и черноговорские уздечные наборы ни разу не выступили в виде смешанных комплексов. А.М.Лесков позднее напротив настаивал на том, что черноговорские и новочеркасские комплексы сосуществовали на каком-то этапе и относил первый к киммерийцам, а второй — к скифам⁴.

Предпринятые недавно в Закубанье исследования грунтовых могильников предскифского времени, таких как Фарс, Кочипэ и некоторых других, показали, что картина представляется более сложной⁵. Например, здесь встречены все три типа удил (с однокольчатыми, двухкольчатыми, стремечковидными петлями) только с трехпетельчатыми псалиями. Петли однокольчатых удил варьируют от четкого кольца до треугольника.

Всего в Закубанье нами было собрано более 30 достоверных закрытых комплексов, в которых бронзовые удила встречаются с бронзовыми псалиями для подсчета их взаимовстречаемости⁶. Комплексы упряжи колесниц, встреченные с упряжками или в виде кладов, в которых многократно повторяются одни и те же типы удил и псалиев (2, 3, 4 раза) часто отлиты в одной форме, здесь нами рассматриваются как один случай⁷.

Однако, для подсчета взаимовстречаемости необходимо было все-таки, прежде всего, решить проблему классификации. Предлагаемая здесь классификация удил и псалиев пока не претендует на завершенность и окончательность и носит в большей степени служебный характер.

Что касается удил, то для юга Европейской части СССР пока используется типология А.А.Иессена, она лежит в основе и этой классификации. Однако уже давно замечено, что существует два хронологических горизонта для существования стремечковидных удил (тип III по А.А.Иессену): черноговорский этап и раннескифское время. Сейчас на закубанском материале мы пришли к убеждению, что между удилами этих горизонтов на Северном Кавказе нет генетической преемственности. А.И.Тереножкин отмечал, что "внешних" особенностей у бронзовых удил черноговорского типа, которые позволили бы уверенно отличать их от удил ранней скифской поры очень мало. Замечается только, что у этих удил дужка петли плавно переходит в подножку⁸. Он же обратил внимание на то, что среди раннескифских удил есть

удила, сходные с черноговорскими, но для раннескифского времени более типичны удила, "подножки которых выделены более или менее крупными выступами, отсутствующими у доскифских экземпляров"⁹. Эти "выступы", "отростки", как индикаторы скифского времени стремечковидных удил, отмечали В.И.Козенкова, В.Г.Петренко и С.В.Махортых. Схему развития стремечковидных удил предложила В.И.Козенкова, предположив, что морфологическим признаком для ранней группы стремечковидных удил является выступ в средней части "подножки" стремечка, а позже кроме него появляются свисающие "отростки"¹⁰. С этой схемой не согласилась В.Г.Петренко, считая, что в раннескифское время продолжают сосуществовать все виды стремечковидных удил: с гладкой подножкой без выступов, с выступом посередине, с выступами по середине и краям, с гладким основанием и выделенными концами "дужек"¹¹.

Изучение бронзовых удил предскифского и раннескифского времени из Закубанья показали, что звенья отливались в двучастной форме (часто остаются литейные швы по линии разъема формы). Заливка же формы производилась через прорезь, у крайней точки петли звена. На многих удилах вне зависимости от типа в этом месте сохраняются выступы — не удаленные литники, и эти элементы не могут являться хронологическими признаками.

Поэтому для стремечковидных удил признаком раннескифского времени является лишь подчеркнута выделенная подножка стремечка, часто бывающая тоньше дужки и свисающие концы дужек. К счастью, на Северном Кавказе все эти признаки имеются у удил, происходящих из раннескифских комплексов, что нельзя сказать об Украинской Лесостепи. В связи со всем этим, на наш взгляд, уже изначально необходимо внести в типологию удил А.А.Иессена поправку, заключающуюся в различении в третьем типе двух вариантов:

1) это различные модификации подтреугольной формы (треугольно-конечные удила), 2) "раннескифские" стремечковидные удила, которые характеризуются особым выделением "подножки стремечка", свисающими концами "арок" стремечек.

Итак, мы пользуемся следующей типологией бронзовых удил (рис. I):

- I тип - двукольчатые удила,
 II тип - однокольчатые удила,
 III тип (вар. I) - треугольноконечные удила,
 III тип (вар. 2) - стремечковидные раннескифские удила,
 IV тип - удила, отлитые вместе с псалиями типа "Енджа - Константиновка 376".

Типология псалий, вариаций и модификаций которых гораздо больше чем удили, более затруднительна. На наш взгляд, для типологизации псалий следует руководствоваться следующими принципами:

1) прежде всего необходимо, по-видимому, построение параллельных классификаций для каждого материала: бронза, железо, кость, дерево. А имеющееся морфологическое сходство отдельных типов этих классификаций учитывать при датировании. В противном случае сложно разграничить технологические и морфологические признаки;

2) для выделения типов необходимо выделить общий классификационный принцип - типобразующий признак.

Все бронзовые псалии предскифского и скифского времени мы делим на три больших отдела: трехпетельчатые, трехдырчатые и двудырчатые. Раннюю группу составляют два первых отдела, в которых мы выделили четыре типа. В отдел трехпетельчатых псалий входят два: 1) стержневидные, 2) пластинчатые, а в отдел трехдырчатых 3) собственно трехдырчатые и 4) трехмуфтовые (трехтрубчатые). Кроме того, каждый тип имеет варианты.

В целом для ранней группы бронзовых псалий Закубанья предлагается следующая классификационная схема (рис. 2):
 Отдел А. Трехпетельчатые псалии:

Тип I - стержневидные	Тип II - пластинчатые
Варианты: а) прямые	а) лопастные
б) изогнутые	
в) лопастные	
г) збоморфные	

Отдел Б. Трехдырчатые псалии

Тип III - трехдырчатые	Тип IV - трехмуфтовые
Варианты: а) "черногоровский" (слабоизогнутый, подражающий роговым)	а) "камышевахский" (слабоизогнутый со слабо-выраженными "шляпками")

б) "сиалковский" (изогнутый с уплощенными отверстиями)	б) "цимбальский" (сильноизогнутый с большими "шляпками")*
	в) "Уашкиту-Жаботин" (изогнуто-лопастные)

Для того, чтобы выяснить развитие определенных типов и вариантов удили и псалий в предскифский период в Закубанье нами был отобран 31 надежный комплекс, в котором бронзовые удила были найдены с бронзовыми псалиями (табл. I) и подчитана взаимовстречаемость отдельных типов удили с отдельными вариантами псалий (табл. 2).

Удила I типа (двукольчатые) вместе с псалиями были обнаружены в 14 комплексах. В восьми случаях эти удила встречены с "классическими" новочеркасскими трехпетельчатыми стремечковидными лопастными псалиями типа Iв, дважды эти удила встречены со стержневидными изогнутыми (тип Iб) и пластинчатыми трехпетельчатыми псалиями с лопастью типа IIа. Однажды встречены с трехпетельчатыми прямыми (тип Iа) и один раз (курган Уашкиту) с редким вариантом трехмуфтовых псалий, которые являются синтезом "новочеркасских" лопастных и "цимбальских" муфтовых псалий (тип IV в.).

Второй тип однокольчатых удили, встреченный с псалиями в 6 случаях, трижды был найден с трехпетельчатыми пластинчатыми псалиями, два раза с трехпетельчатыми прямыми и один раз с трехпетельчатыми лопастными. Точно столько же раз с этими типами псалий встречены и треугольноконечные удила типа III-I. Один раз этот тип удили в погребении II2 Николаевского могильника найден с псалием "камышевахского" типа.

Стремечковидные "раннескифские" удила в Закубанье с бронзовыми псалиями встречены четыре раза: дважды с трехдырчатыми псалиями сиалковского варианта и дважды с трехпетельчатыми стержневидными с збоморфными окончаниями (ст. Подгорная, Говердовский курган).

В результате подсчета взаимовстречаемости бронзовых удили

* Комплексные находки "цимбальского" варианта трехмуфтовых псалий в Закубанье нам пока не известны.

и псалиев предскифского и раннескифского времени Закубанья (табл. I), мы пришли к следующим выводам.

1) Бронзовые одноколычатые удила встречены с такими же псалиями, что и треугольноконечные удила типа III-I и даже одинаковое количество раз. Единственность их бытования подтверждает находка их в одном комплексе (Фарс, погреб. 9), а также два экземпляра удил из Центрального Предкавказья, где одно звено имело одноколычатое окончание, а другое треугольноконечное: Эчкивадский могильник и комплекс из окрестностей Кисловодска¹². Реже треугольноконечные и одноколычатые удила встречаются с псалиями стержневидными лопастными (по одному случаю), которые в основном сочетаются с двуколычатыми удилами. В одном случае треугольноконечные удила найдены с камышевахским псалием (Николаевский м-к, п. II2).

2) Двуколычатые удила встречаются иногда с такими же вариантами псалиев, которые характерны для одноколычатых и треугольноконечных удил. Это прямые трехпетельчатые стержневидные псалии (тип Ia) и пластинчатые трехпетельчатые лопастные псалии (тип Pa). Два экземпляра удил, встреченные с последним типом псалиев, имеют ложновитое рифление стержней. Это, по мнению некоторых авторов, является архаическим признаком, т.к. такое рифление в большей степени характерно для одноколычатых и треугольноконечных удил¹³. А в комплексе, где двуколычатые удила найдены со стержневидными прямыми псалиями (м-к Кочипэ, п. 30 северной части) непосредственно присутствует уздечный набор с треугольноконечными удилами^ж.

Бронзовые двуколычатые удила вместе с одноколычатыми пока не найдены, однако, такая встреча является вероятной, так как эти удила встречаются с одним и тем же вариантом псалиев. Все это подтверждает мысль А.М.Лескова о сосуществовании в

^ж К сожалению, в могильнике Фарс такой встречи двуколычатых и треугольноконечных удил не произошло. В статье А.М.Лескова вкралась ошибка, которая произошла в результате путаницы комплексов (Комплекс погребения 2 грунтового могильника и погребения 2 кургана 24, раскопанного А.Д.Резепкиным в 1980 г., был взят как один)¹⁴.

какой-то период черноговорских и новочеркасских комплексов¹⁵ и опровергает тезис А.И.Тереножкина о резкой смене этих двух периодов.

На основании таблицы взаимовстречаемости мы можем выделить наиболее ранние и наиболее поздние варианты трехпетельчатых псалиев. Ранними вариантами являются Ia и Pa. Они встречены в основном с одноколычатыми и треугольноконечными удилами и наиболее архаичными двуколычатыми (имеющими ложновитое рифление). Поздним вариантом является I в, который только по одному разу встречается с одноколычатыми и треугольноконечными удилами и в подавляющем большинстве (8 случаев) встречен с двуколычатыми. Менее распространенный вариант Iб вообще не встречается с одноколычатыми и треугольноконечными удилами, а найден дважды с двуколычатыми, причем один их экземпляры имеет литое рифление в виде квадратов, которые большинство исследователей считают поздним признаком, переходящим на раннескифские удила¹⁶.

Подобная картина подтверждается примерами из других регионов. Пластинчатый трехпетельчатый псалий из с.Пищальник близ г.Канева очень напоминает ранние экземпляры могильника Фарс вплоть до выступов, имитирующих конское "копытце" на лопасти. А.И.Тереножкин отнес этот псалий к ранним, к числу псалиев, "с которых начинается новочеркасский ряд"¹⁷. Пластинчатые псалии встречены с наиболее архаичными двуколычатыми удилами, имеющими ложновитое рифление, и в могильнике "Мебельная фабрика" возле Кисловодска в двух комплексах¹⁸. В то же время двуколычатые удила, имеющие рифление в виде "квадратов" или синхронное им в виде двух рядов круглых в сечении выступов-шипов в могильниках Пятигорья также встречаются с псалиями типа Iб и Iв¹⁹.

Малое количество черноговорского и камышевахского вариантов псалиев (в закрытом комплексе "камышевахские" псалии встречены в Закубанье один раз - п. II2 Николаевского могильника) говорит, скорее всего, о привозном характере этих находок в Закубанье, где развивалась традиция петельчатых псалиев.

Относительно позднюю группу составляют псалии, встречающиеся с раннескифскими стремечковидными удилами типа III-II,

это "сиалковский" вариант и зооморфные трехпестельчатые - Iг.

Для хронологической группировки исследуемых комплексов и придания большей наглядности нашим выводам был подсчитан коэффициент сходства между уздечными наборами по простейшей формуле, представляющей собой дробь, в знаменателе которой произведение выпавших в каждой сравниваемой паре признаков, а в числителе - возведенное в квадрат количество общих признаков этой пары²⁰. Для подсчета помимо таких признаков как вариант псалиев и тип удила, мы ввели признак - характер рифления на грызлах. Подсчет сходства между уздечными наборами и построение графа (рис. 3) позволило выделить три группы.

В первую группу вошли наборы с однокольчатыми, треугольноконечными и двухкольчатыми удилами, встреченные с ранними вариантами трехпестельчатых псалиев Ia и Ia. Для удила характерно ложновитое рифление.

Во вторую хронологическую группу вошли комплексы с двухкольчатыми удилами, имеющими рифление в виде "квадратиков" и псалии поздних вариантов (Iб и Iв).

В третью группу, состоящую из четырех комплексов, слабо связанную с двумя предыдущими, вошли наборы со стремечковидными удилами типа III-2, встреченные с трехпестельчатыми псалиями с зооморфным окончанием и "сиалковским" вариантом.

Теперь о проблеме абсолютной хронологии этих групп комплексов.

Опорной датой для первой группы является комплекс погребения 35 могильника Фарс (рис. 4), где найден птицеголовый скипетр. Ближайшей аналогией ему является скипетр из клада Прюдъ, который Т.Кеменцеи счел одним из наиболее древних в числе фрако-киммерийских комплексов Средней Европы и датировал его концом IX в. Основанием для такой датировки служат бронзовые предметы клада, относящиеся к периоду NB₂²¹. Как и скипетр из клада Прюдъ, навершие жезла из могильника Фарс имеет архаический признак - грибовидный обухок, восходящий к трансильванским топорам²². Вместе со скипетром в комплексе погребения 35 найдены удила типа I с ложновитой обмоткой на грызлах и дополнительным звеном, которые сочетались с пластинчатыми псалиями типа Ia с имитацией "копытца" на лопасти.

Если предполагать, а для этого есть все основания, что однокольчатые удила появились на Северном Кавказе раньше двухкольчатых, то дата первой хронологической группы может быть заглублена в IX в. до н.э.

Опорной датой для второй хронологической группы является бронзовый ассирийский шлем Клино-Ярского могильника, который по рельефам датируется периодами правлений Синахериба-Ашурбанипала (конец VIII - I половина VII в. до н.э.)²³.

В комплексе вместе со шлемом встречены двухкольчатые удила с рифлением в виде квадратиков и псалии стержневидные, изогнутые типа Iб²⁴. Верхней границей этой хронологической группы является начало келермесского периода (по дате I Краснознаменского кургана - третья четверть VII века). Нижнюю границу этой группы мы с долей условности считаем серединой VIII века^{*}. Более узкую дату внутри этой хронологической группы, на наш взгляд, имеют комплексы упряжки колесниц (конец VIII - I половина VII в. до н.э.). Они относятся уже к тому пласту северокавказских древностей и в целом причерноморских, в которых прослеживаются военные контакты с Передней Азией и Закавказьем. Это клепаные шлемы (Клино-Ярские, В.Рутха и Фаскау), детали чешуйчатых панцирей (Уашхиту, Кабан-гора, Индустрия-IV), бронзовые удила, возникшие на базе местных типов, но с использованием переднеазиатского принципа жесткого крепления удила и псалиев (тип "Енджа-Константиновка" - тип IV нашей типологии) и т.д. Во всяком случае, можно говорить, что местное северокавказское воинство принимало участие в военных кампаниях, упоминаемых в ассирийских источниках конца VIII - I половины VII в.

Третья группа уздечных наборов. В нее вошли четыре комплекса с удилами типа III-2 (стремечковидными с выступами), которые коррелируются с псалиями, не встречающимися ни в первой, ни во второй группе - варианты Iг и IIIб, слабо связана

^{*} Эта дата основана на том, что первые упоминания о походах киммерийцев в Переднюю Азию, датированы 714 годом. В связи с этим, "допоходный" пласт упряжи мы можем ограничить серединой VIII века до н.э.

со второй группой (только благодаря рифлению в виде квадратиков на некоторых удилах). Однако, если бы мы эту группу расширили, включив туда комплекс из Ж.Александровского на Ставрополье, где имеется посылка типа "Ушкиту-Жаботин", эта связь немного усилилась бы. Различия третьей группы уздечных наборов обусловлено, скорее всего, причинами не хронологическими, а инокультурностью, поскольку хронологический интервал бытования этой группы совпадает со временем существования верхнего пласта второй группы уздечных комплексов. Верхний его рубеж дает комплекс I Говардовского кургана, который по ряду аналогий - бронзовые навершия, встречаемые здесь, железные удила - следует датировать раннекелермесским временем, т.е. III четвертью VII в. до н.э.²⁰ Нижний рубеж этой группы мы определяем по трехдырчатому посылу "сиалковского" варианта из х.Дукмасова и отнесенного к этому варианту посылу из могилы 39 Кубанского могильника, полные аналогии которому нам не известны. Посылы сиалковского варианта известны в Иране, в погребении 15 могильника Сиалк В, в Закавказье - в Мингечауре и в Малом Мильском кургане, литейная формочка-матрица такого посылка была найдена на поселении Дальверзин-тепе в Фергане²⁶. Датировка комплексов, из которых происходит эти посылы, вызвала дискуссию. А.И.Тереножин на основании комплекса Малого Мильского кургана и сопоставляя трехдырчатые посылы с посылками выделенного им "Жаботинского" типа, датировал комплексы, в которых найдены бронзовые трехдырчатые посылы VII в., второй его половиной²⁷. С этой датировкой не согласилась И.Н.Медведская, которая исключила VII век применительно к мингечаурскому и сиалковскому комплексам, датируя погребение 15 Сиалка В серединой VIII в. до н.э. и считая, что именно в это время в одном комплексе могли встретиться железные кольчатые удила, бронзовые трехдырчатые посылы и пронизия-обоймы для перекрестных ремней, которые она сопоставила со среднеевропейскими пронизиями, датированными III в.²⁸ Не ставя перед собой задачу подробно заниматься датировкой комплекса 15, попробуем высказать соображения, которые не позволяют датировать его только в рамках VIII века.

I. Трехдырчатые посылы "сиалковского" варианта в наших

материалах встречены с бронзовыми раннескифскими удилами типа III-2, которые пока не встречаются в комплексах, надежно датированных VIII в. до н.э. на Северном Кавказе.

2. Бронзовые кольчатые удила из двух переплетенных прутьев, которые встречены с трехдырчатыми посылками в Малом Мильском кургане и Мингечауре встречаются в Передней Азии и в VII веке. Прекрасным примером тому служит комплекс второго конского погребения из Норшунтепе, хорошо датированный стратиграфически первой половиной VII века. В нем, кстати, подобные удила встречены с пронизиями-обоймами для перекрестных ремней в виде "грифобаранов" келермесского облика²⁹. И.Н.Медведская не коснулась и датировки Малого Мильского кургана, вывести которую за пределы VII века весьма трудно.

3. Железные кованые однокольчатые удила, найденные в погребении 15 Сиалка, требуют специального изучения. На Северном Кавказе кованые однокольчатые удила существуют очень короткий промежуток времени, который ограничивается III четвертью VII в. до н.э., хотя в Средней Европе они известны гораздо раньше.

4. Пронизии типа "сиалковских", в которых скобы обоймы не смыкаются с краями выпуклой бляшки, вероятно, существуют более долгое время. Нам, например, известна находка такой обоймы-пронизии в I Ульском кургане 1909 г., датировать который можно не раньше VI в. до н.э.³⁰ Кроме того, такие же пронизии встречаются в Средней Европе в комплексах HC, например, в кладе Комлед, где также имеются цилиндрические трехпрорезные пронизии, как и в комплексе упряжи из Ушкиту³¹.

5. Наконец, железный трехдырчатый посыл, морфологически очень близкий "сиалковскому", найден в погребении 27 Келермесского грунтового могильника, датировка которого VIII в. до н.э. исключена³². Итак, наиболее вероятное время бытования бронзовых трехдырчатых посылов "сиалковского" варианта - конец VIII - первая пол. VII в. Это позволяет датировать нам третью группу уздечных комплексов в пределах конца VIII - III четверти VIII в. до н.э.

В своих построениях я пришел к заключению, что в Закубанье (как вероятно и на всем Северном Кавказе) во время

существования позднего пласта второй хронологической группы уздечных наборов, которая соотносится с комплексами типа но-вочеркасского клада, появляется некий инокультурный всадниче-ский компонент, который на раннем этапе не смешивался с пос-ледним. Он характеризуется бронзовыми стремечковидными удила-ми типа Ш-2 и определенными типами псалиев, что принято счи-тать составляющей раннескифской триады. Удила этого типа, по всей видимости, родились в азиатской части степного пояса, предположение об этом высказывали исследователи, занимающиеся уздечными наборами как Кавказа, так и Западной Сибири (А.А. Иессен и Н.А.Боковенко)³³. Путь их проникновения на Северный Кавказ мог быть двойной. Первый по степному коридору через степи Причерноморья. Второй - через Переднюю Азию, во время военных кампаний конца УШ - начала УП века, в которых, по всей видимости, сталкиваются два потока: европейский и азиат-ский. О таком "столкновении" говорят недавно опубликованные анатолийские находки в Норшун-тепе и Имирлере, где встречены предметы, попавшие туда как из Азии, так и с территории Се-верного Кавказа³⁴.

Таблица I

Бронзовые уздечные наборы Закубанья

Комплекс	Удила тип	Особенности рифления	Псалии тип
1. "Фарс" п.2	Ш-1	ложновитые	Па
2. "Фарс" п.6	П	ложновитые	Па
3. "Фарс" п.9	Ш-1	ложновитые	Па
4. "Фарс", п.13	П	ложновитые	Па (с "ко-пытцем")
5. "Фарс", п.14	1	"квадратики"	1б
6. "Фарс", п.21	Ш-1	ложновитые	1а
7. "Фарс", п.25	Ш-1	ложновитые	1а
8. "Фарс", п.28	П	-	1а
9. "Клады", к.46	1	"квадратики"	1в
10. "Фарс", п.35	1	ложновитые	Па

Комплекс	Удила тип	Особенности рифления	Псалии тип
11. Кочипэ, котло-ван 2, погребение 5	1	-	1б
12. Кочипэ, северный участок, п.5	Ш-1	ложновитые	Па
13. Кочипэ, северный участок, п.5, набор 2	П	ложновитые	Па
14. Кочипэ, северный уч., п.28	П	ложновитые	1а
15. Кочипэ, северный уч., п.30, набор 1	1	-	1а
16. Кочипэ, северный уч., п.30, набор 2	Ш-1	ложновитые	1в
17. Кочипэ, северный уч., п.36	1	ложновитые	Па
18. Кочипэ, северный уч., п.38	1	ложновитые	1в
19. Абинский м-к, к.1, п.1	П	три ряда шипов	1в
20. Абинский м-к, к.1, п.7	1	-	1в
21. Кубанский м-к, п.39	Ш-2	-	Шб
22. Кубанский м-к, п.50	1	-	1в
23. Николаевский м-к, п.112	Ш-1	-	1Уа
24. Чипхо, набор 1	Ш-1	-	1в
25. Чипхо, набор 2	1	"квадратики"	1в
26. Дукмасов	Ш-2	-	Шб
27. Уашхиту 1, к.1	1	"квадратики" и два ряда шипов	1в
28. Пшишский клад	1	"квадратики"	1в
29. Псекупский м-к, п.29	1	шипы	1в
30. Подгорная	Ш-2	-	1г
31. Говердовский, к.1	Ш-2	-	1г

Таблица 2

Взаимовстречаемость уздечных наборов
П с а л и

Удила	I				II		III		IV			Всего
	A	Б	В	Г	A	А	Б	A	Б	В		
I	I	2	8	-	2	-	-	-	-	I	14	
II	2	-	I	-	3	-	-	-	-	-	6	
III-I	2	-	I	-	3	-	-	-	I	-	7	
III-II	-	-	-	2	-	-	2	-	-	-	4	

1. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на Юге Европейской части СССР. СА, ХУШ, 1953, с. 52-56.
2. Ложкин М.Н., Петренко В.Г. Уздечный набор из Краснодарского края. КСИА, 1981, 167, с. 70-73; Махортых С.В. О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада. - Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докладов. Омск, 1987, с. 164-165.
3. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 149-150.
4. Лесков А.М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. док. дисс. М., 1975, с. 52, 63, 70.
5. Лесков А.М. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на Юге Европейской части СССР. В сб.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984; Ловпаче Н.Г. Отчет об археологической экспедиции на могильнике "Тыгакочипэ" в г. Майкопе в 1985-86 гг. Архив ИА, Р-1, 12921.
6. Кроме могильников Фарс и Кочипэ в работе учтены по публикациям и отчетам комплексы, в которых встречены бронзовые уздечные наборы из могильников Николаевского, Кубанского, Абинского, Псекупского и др., а также комплексы упряжи колесниц Уашхиту, Чишко, клад на р. Пшиш.

7. Брлик В.Р. Курган Уашхиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. - XVI Крупновские чтения. Тез. докладов. Ставрополь, 1990, с. 59-60.
8. Тереножкин А.И. Указ. соч., с. 149-150.
9. Тереножкин А.И. Указ. соч., с. 150.
10. Ковенкова В.И. Вопросы хронологии восточного варианта кубанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. - В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1972, с. 77.
11. Ложкин М.Н., Петренко В.Г. Указ. соч., с. 70.
12. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи. В сб.: Скифский мир. Киев, 1980, с. 195, рис. 6, 25; с. 197, рис. 7, 16.
13. Махортых С.В. Указ. соч., с. 164.
14. Лесков А.М. О хронологическом соотношении..., с. 150.
15. Лесков А.М. Заключительный этап..., с. 65.
16. Ложкин М.Н., Петренко В.Г. Указ. соч., с. 71; Махортых С.В. Указ. соч., с. 164.
17. Тереножкин А.И. Указ. соч., с. 154-155.
18. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Указ. соч., с. 190, рис. 4, 14, 19; с. 187, рис. 2, 10, 11.
19. Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Указ. соч., с. 186, рис. 1, 6, 7; с. 192, рис. 5, 9, 10, 16, 17.
20. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М., 1987, с. 145-147.
21. Kemenczei T. Ostungarn in der Zeit der Fruhhallstattkultur. - In: Die Hallstattkultur. Linz, 1981, S. 84, 87, Abb. 1-7. Эту дату поддержали Г. Коссак и Г.И. Смирнова: OM, Kossak G. "Kimmerische" Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa. - Situla, 20/21, Lubljana, 1980; Смирнова Г.И. Основы хронологии предскифского периода Юго-Запада СССР. - СА, 1985, № 4, с. 34.
22. Брлик В.Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени. - СА, 1990, № 1, с. 247-250.
23. Величкин А.Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе. - СА, 1990, № 4, с. 190-195.

- рис. 3, I.
24. Белинский А.Б. Указ.соч., с. 193, рис. 3,5,6.
25. Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987, с. 75,76, № I,2; Нехаев А.А. Отчет о работе Адыгейской археологической экспедиции в 1985 г. Архив ИА, Р-I, I0923.
26. Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937, v. II. P., 1939, pl. LVI; Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку, 1959, с.93-98, I20, табл. XXXIX; Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. - МИА-118, 1962, табл. XX,3; Иессен А.А. Из исторического прошлого Мильско-карабахской степи, МИА-125, 1965, с. 27, рис. 10.
27. Тереножкин А.И. Дата мингечаурских удил. - СА, 1971, № 4, с. 76.
28. Медведская И.Н. Конский убор из могильника Сиалк В., *Iranica Antiqua*, v. XVIII, 1983, p. 64-77.
29. Hauptmann H. Neue Funde Gent, eurasischer Steppennomaden in Kleinasien. In: *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien*. Mainz, 1985, S. 252-260, Abb. 2; 4,5,6,8a,8b.
30. ГЭ ОИПК, КУ-1909, № 130.
31. Gallus S., Horvath T. Un peuple cavalier pré-skythique en Hongrie. Budapest, 1939, pl. XX.
32. Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с мекситами (по данным новых раскопок Келермесского могильника). - СА, 1985, № 3, с. 160, рис. 4.4,5.
33. Иессен А.А. К вопросу о памятниках, с. 105; Боковенко Н.А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения). Автореф.канд. ист.наук, Л., 1986, с. 18.
34. Hauptman H. Op.cit., Tab. 56, Abb. 1-5.

Список иллюстраций

- Рис. 1. Типы бронзовых удил
- Рис. 2. Типы бронзовых псалиев
- Рис. 3. Граф связи уздечных наборов Закубанья
- Рис. 4. Комплекс I-группы. Погребение 35 могильника Фарс
- Рис. 5. Комплекс II-группы. Пишский клад
- Рис. 6. Комплекс III-группы. Удила и псалии из х.Дукмасова

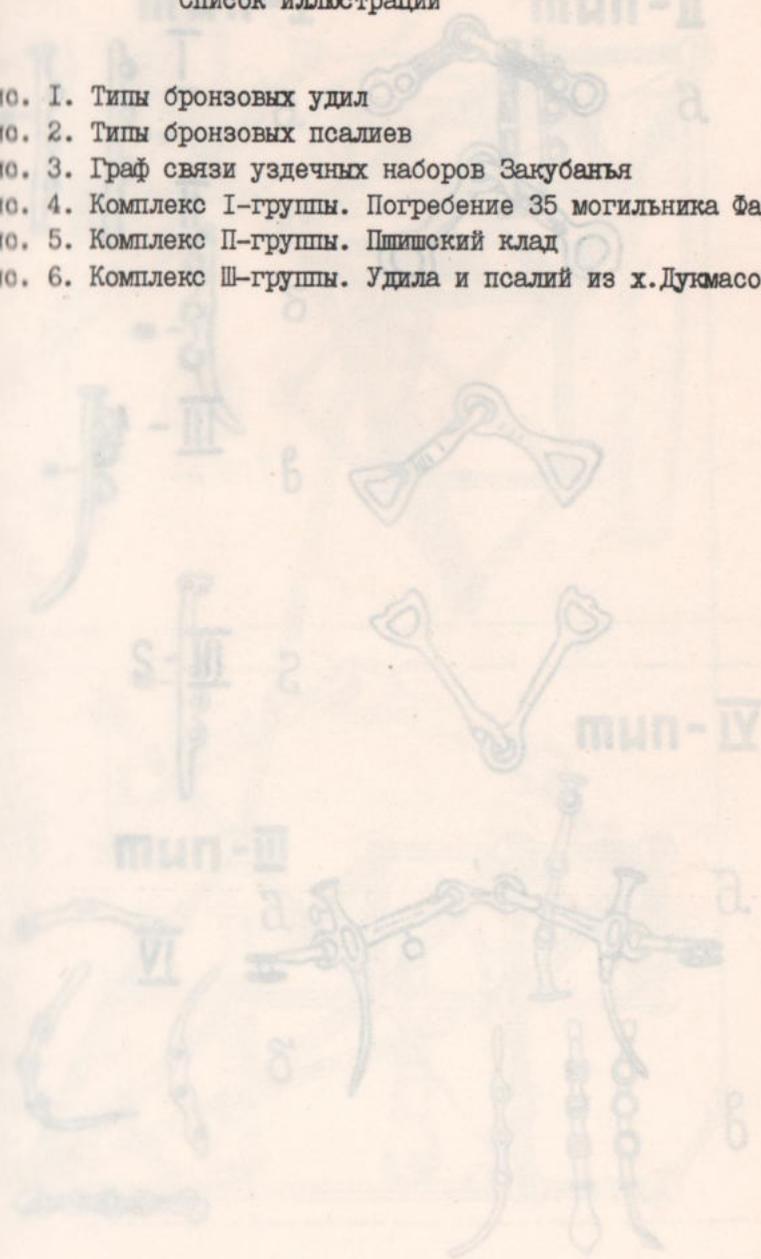

РИС. 1

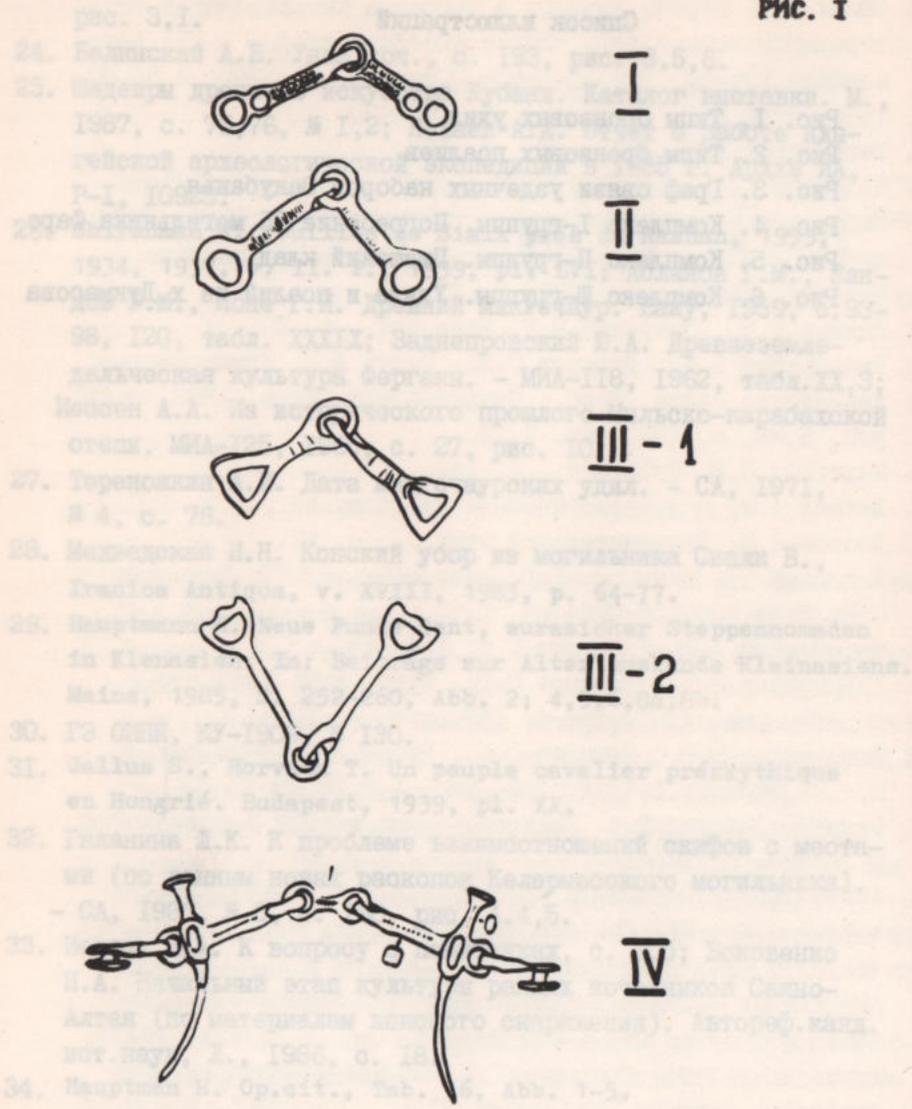
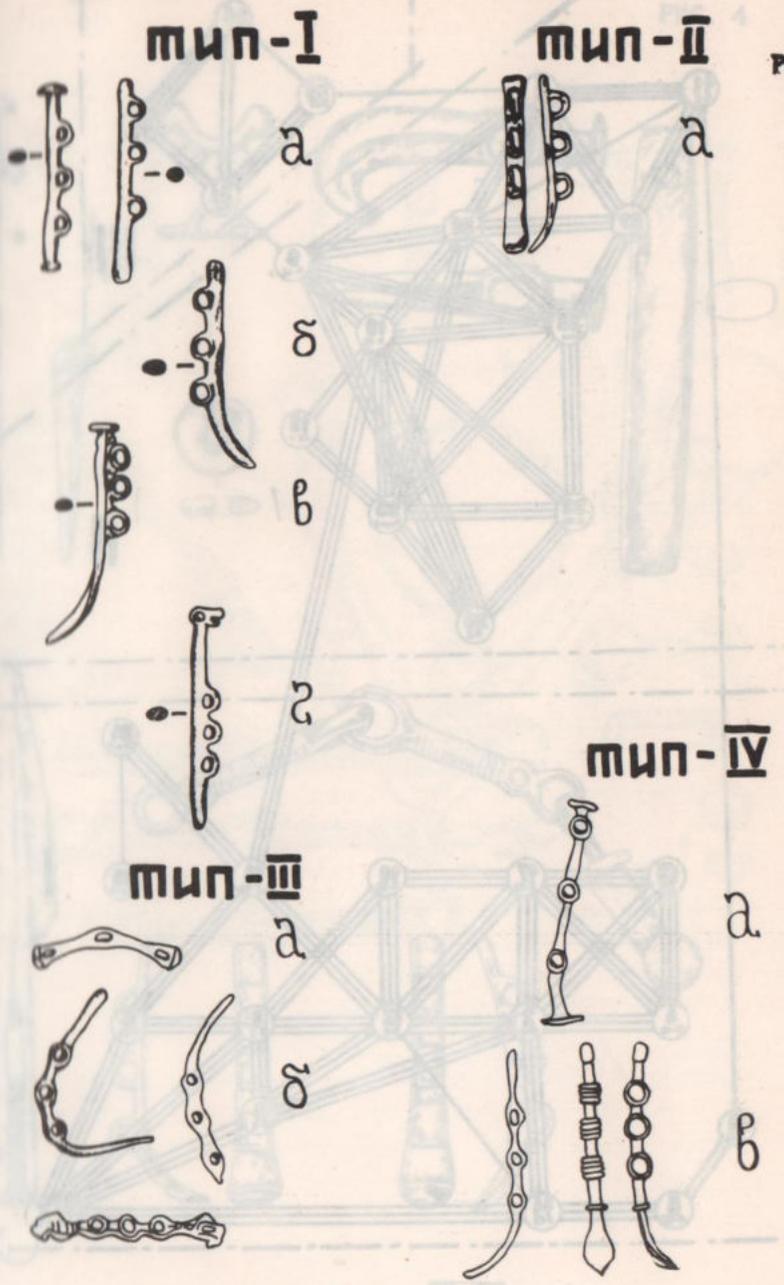
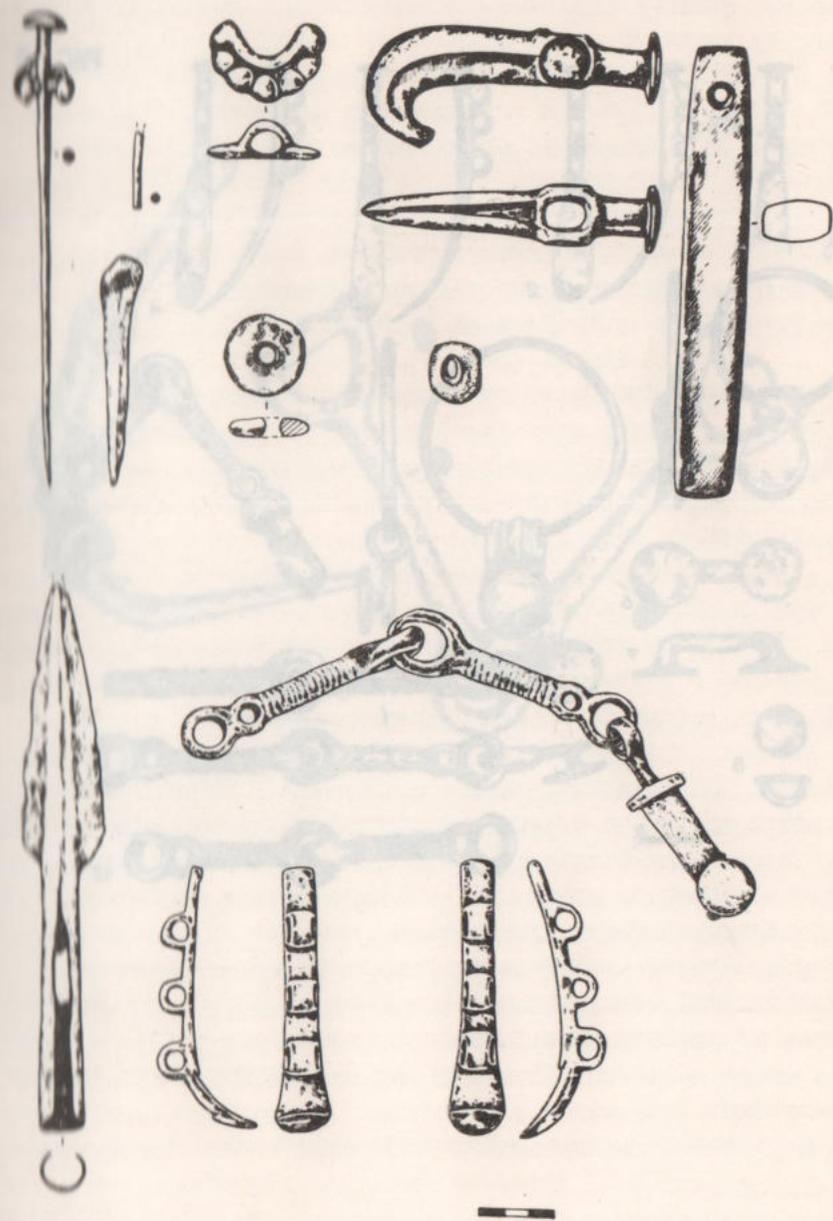
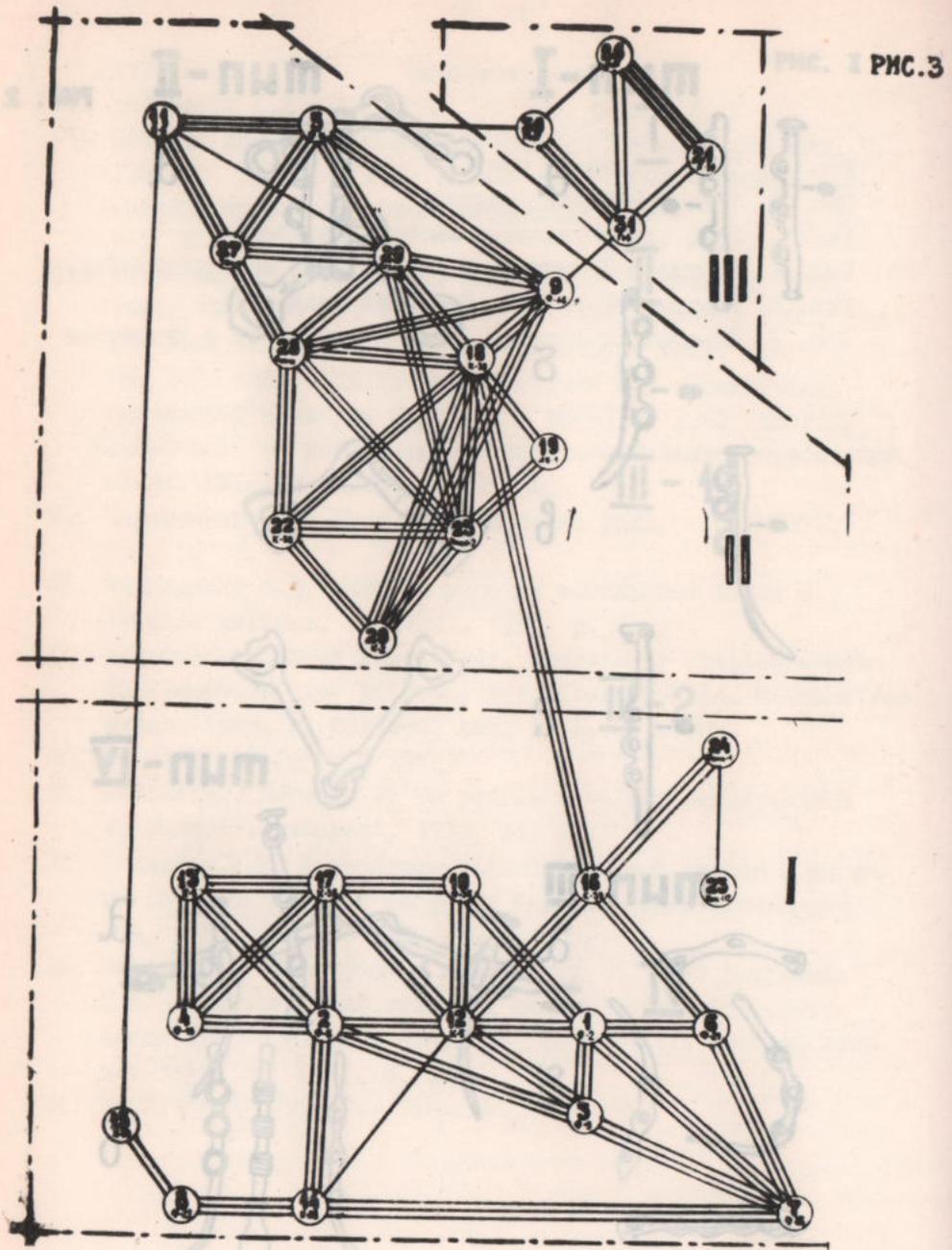

РИС. 2

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ г.КИСЛОВОДСКА

Весной 1989 г. близ известного памятника западного варианта кобанской культуры – могильника у Лермонтовской скалы, на берегу реки Ольховки, было открыто новое погребение¹. Скорченный костяк находился в каменном ящике вместе с набором сопутствующего инвентаря: железным копьем и кинжалом, обсидиановым отщепом, оселком и сосудом. Находки хранятся в фондах Кисловодского краеведческого музея².

Остановимся подробнее на этих предметах.

1. Железный кинжал (рис. 1). Длина – 40,5 см, наибольшая ширина – 4 см. Кинжал имеет ободлоострое линзовидное в сечении лезвие. Рукоять составляет единое целое с клинком, ее верхнее окончание скруглено. Деревянные накладки на рукоять, следы которых хорошо заметны, крепились при помощи четырех пар заклепок.

Находка железного кинжала, не связанного со скифскими формами оружия и, в то же время, не имеющего никакого сходства с биметаллическими кинжалами, распространенными на Северном Кавказе в эпоху раннего железа, является редкостью не только для района Кавказских Минеральных Вод, но и в целом для Центрального Предкавказья. Число подобных находок крайне невелико. Так, железный кинжал архаического типа с треугольной пятой-насадом и парными заклепками у ее основания найден в п.3 могильника Уллубаганалы-2. Схожий кинжал происходит из Сержень-Юртовского могильника. Обломки железного кинжала происходят из Бештаугорского клада. Следует также отметить кинжал с коротким черешком и выделенным ребром жесткости, опубликованный среди материалов к.17 Нартанского могильника, который по колчанному набору стрел может быть датирован временем около рубежа УП-УІ вв. до н.э., и кинжал, найденный в Кисловодске².

Но железные кинжалы различных типов хорошо известны в

² Приношу глубокую благодарность Я.Б.Березину за возможность опубликовать находки.

Закавказье. На примере такого уникального памятника, как Тлийский могильник, существовавшего на стыке культур Закавказья и Северного Кавказа, можно попытаться выделить несколько наиболее ярких комплексов, характеризующих появление и распространение железных кинжалов.

В IX-УІ вв. до н.э. здесь широко использовались железные кинжалы без черешка, рукоять которых изготовлялась из другого материала, типологически непосредственно связанные с многочисленной группой литых бронзовых кинжалов конца II – начала I тис. до н.э. С этими кинжалами можно сопоставить вышеупомянутые находки из Сержень-Юрта, Нартана и из могильника Уллубаганалы-2.

Но одновременно появляются и новые формы железного оружия. Так в п.123 Тлийского могильника были вместе найдены бронзовый кинжал типа 5, по классификации Б.В.Техова, и железный кинжал с рамочной бронзовой обоймой не сохранившейся деревянной рукояти. По особенностям оформления рукояти этот кинжал близок к группе кинжалов из Самтаврского могильника, которые М.Н.Погрехова рассматривает как местный упрощенный вариант оружия со сложными фигурными обоймами на рукояти, находки которого широко представлены в Закавказье, в том числе и в Урартских памятниках. Для комплексов из Самтавро ею предложена дата: конец УІІІ – начало УІ вв. до н.э.³

Не позднее УІІІ в. до н.э. в материалах Тлийского могильника появляются кинжалы с Т-образным навершием-расширением на конце рукояти, заклепками для крепления накладок вдоль рукояти и у основания лезвия, иногда с хорошо выраженными бортиками-закраинами на рукояти, с вытянутым треугольным лезвием, с хорошо выделенным ребром жесткости. Подобные кинжалы достаточно полно воспроизводили особенности кинжалов переднеазиатского типа, выполненных из нового материала и при помощи новой технологии. М.Н.Погрехова считает, что такое оружие быстро распространилось в Закавказье в результате широкого освоения железа. Многочисленные изображения подобного оружия имеются на ассирийских дворцовых рельефах IX-УІІ вв. до н.э. Н.Ф.Смирнов видел его дальнейшую эволюцию в мечях синдо-местного типа⁴.

По-видимому, появление рассматриваемых кинжалов в могильниках Центрального Закавказья отражало усиление военного влияния со стороны Урарту. В п.13 могильника Нарекави подобный кинжал был найден вместе с длинным железным мечом в бронзовых ножнах с рукоятью с бронзовыми фигурными обоями, схожими с описанными выше. В качестве ближайших аналогий ему можно привести мечи из помещений № 13 и № 34 Кармир-Блура⁵. Изображения таких мечей известны на ассирийских барельефах.

Кинжалы этого же типа встречаются и в комплексах со скифским вооружением — например, в п.5 Куланурхвского могильника, где были найдены бронзовые и железные наконечники стрел скифских форм⁶. В п.49 Тлийского могильника такой кинжал найден вместе с бронзовым прямообушным топором и бронзовой вазой, орнаментация которой очень близка к орнаменту на бронзовой чаше из к.20 Нартанского могильника, дата которого, в соответствии с современными представлениями, — середина УП в. до н.э.⁷

Очевидно, почти синхронно с этими кинжалами появилась и другая разновидность этого типа — без навершия, с прямоугольной рукоятью с прямым или чуть скругленным окончанием. Находка из окрестностей Кисловодска наиболее близка именно к ней. Подобный кинжал также найден в помещении № 13 Кармир-Блура⁸.

В Тлийском могильнике схожий железный кинжал в п.215 найден вместе с бронзовым урартским поясом, изображения на котором имеют определенные стилистические параллели как среди изображений на бронзовых изделиях УШ в. до н.э. из Кармир-Блура, так и на золотых ножнах меча из Келермеса. Поэтому дата конец УШ — УП вв. до н.э. представляется для этого комплекса вполне достоверной.⁹

И, наконец, в п. 246 кинжал, принципиально отличающийся от нашего лишь наличием треугольного навершия, имел зооморфное костяное окончание ножен, выполненное в канонах скифского звериного стиля¹⁰.

Таким образом, на материалах Тлийского могильника можно отметить, что процесс формирования основных типов железного оружия, отличного от скифских форм, происходил не только в результате эволюционной смены бронзовых разновидностей воору-

жения железными, но и путем прямого заимствования и, вероятно, постепенного усвоения типов оружия, появившихся в Закавказье в результате урартского влияния.

Сходство кисловодской находки с кинжалами из закавказских памятников позволяет рассматривать эту находку если не как прямой импорт, то как результат культурного влияния Закавказья. Хронологические рамки для большинства предложенных аналогий соответствуют концу УШ — началу УІ вв. до н.э. Особенностью данного экземпляра являются парные заклепки для крепления рукояти, точные аналогии которым не известны. Не противоречит подобным выводам заключение Н.Н.Тереховой, отметившей, что навыки обработки железа появляются на Северном Кавказе в уже сложившемся виде и заимствованы из Закавказья¹¹.

2. Наконечник копья (рис. 2). Его перо имеет вытянутую лановидную форму и линзовидное сечение. Общая длина наконечника — 12,6 см, длина разомкнутой втулки — 7 см, диаметр — 8 см.

Особенностью наконечника являются его небольшие размеры. Очевидно, он предназначался для легкого метательного копья. Среди бронзовых наконечников копий, относящихся к началу I тыс. до н.э., происходящих с Северного Кавказа, известны экземпляры близкие к нашему по размерам и пропорциям¹². Особенно часто миниатюрные наконечники встречаются в памятниках Прикубанья¹³.

В качестве аналогий можно привести наконечники, выполненные из железа, найденные в Цхинвали, в Тлийском могильнике п.41, из к.16 Нартанского могильника и п.4 могильника "Индустрия". Все эти комплексы укладываются в хронологические рамки конца УШ — начала УІ вв. до н.э.¹⁴

3. Оселок (рис. 3). Имеет прямоугольную форму со скругленными боковыми гранями. Его размеры — 10,3 x 2,6 см. Оселок выполнен из камня светло-серого цвета и имеет отверстие диаметром 0,3 см для подвешивания.

Оселки в погребениях начала I тыс. до н.э. становятся почти обязательной принадлежностью погребального инвентаря в захоронениях мужчин-воинов¹⁵. М.П.Грязнов, отметивший, что в ряде случаев оселки не имели следов употребления, предложил

рассматривать их как сакральные предметы¹⁶.

Оселки представлены наряду с другими предметами почти на всех "оленных камнях" Северного Кавказа. Н.Л.Членова предложила интерпретацию этой обязательной принадлежности воинов киммерийской эпохи как атрибута абхазо-адыгского бога грозы¹⁷. А.Б.Техов на материалах Тлийского могильника отметил, что в скифскую эпоху каменные оселки особенно часто встречались в захоронениях, содержащих акинаки¹⁸.

4. Обсидиановый отщеп (рис. 4). Его размеры 4 x 3,3 см. Цвет дымчато-черный, прозрачный на свету.

Находки кремневых и обсидиановых отщепов нередко встречаются в погребениях различных вариантов кобанской культуры. Возможно, они выполняли функцию магических оберегов, связанных с культом камня¹⁹.

5. Лепная миска (рис. 5). Обжиг костровый. Поверхность коричневатого-красного цвета с черными пятнами, имеет следы тщательного горизонтального заглаживания в виде коротких "мазков". Венчик миски отогнут наружу и нависает над плечиками. Перегиб от плечиков к тулову выражен очень резко, образуя скругленное ребро. Переход от стенок тулова к дну также выражен отчетливо. Задний образует здесь своеобразный поддон. На плечиках сосуда размещается прочерченный до обжига знаковый фриз, который будет рассмотрен ниже. Основные размеры сосуда: высота - 12,8 см, диаметр венчика - 18,5 см, диаметр дна - 8,5 см, максимальный диаметр - 22 см, при высоте от дна 6 см.

Подобные миски составляют одну из особенностей культуры западного варианта кобанских памятников. В самостоятельный тип их выделил Е.И.Крупнов²⁰. Форма и особенности обработки поверхности нашего сосуда позволяют соотнести его с керамикой из могильников Кабардино-Пятигорья VIII-IX вв. до н.э., поскольку в IX в. до н.э. происходит заметное огрубление керамики, сказавшееся и на ее основных формах.

Особо следует выделить рисунок, нанесенный на плечики сосуда. Изображение заключено между двух небрежно прочерченных линий и представляет собой неупорядоченную композицию из черточек и изогнутых линий. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с пиктограммой - письмом посредством рисунка,

которое передает содержание фразы как целое, не расчлняя его на отдельные слова графическими элементами. Поэтому отдельные элементы пиктограммы выступают как части единого целого и могут быть правильно поняты только в связи друг с другом²¹. Современная дешифровка такой надписи-рисунка не представляется возможной. Необходимо также отметить, что изображение на нашем сосуде значительно отличается от изображений с календарными знаками, которые опубликованы В.Б.Виноградовым и Б.А.Рыбаковым²². Среди элементов рисунка нельзя однозначно выделить изображение свастики - одного из солярных символов, использованных на Северном Кавказе в VIII-IX вв. до н.э.

Несомненно уникальности находки трудно предположить, был ли сосуд специально изготовлен для погребения и имел определенное магическое значение, или он попал туда случайно.

Подведем некоторые итоги. Анализ предметов вооружения и керамики позволяет датировать комплекс находок у Лермонтовской скалы IX в. до н.э., скорее всего, первой половиной этого столетия. О такой датировке свидетельствует и отсутствие вещей скифского типа в погребении. Можно отметить и исключительную нетипичность самого комплекса, в котором найдены вместе кинжал кабардино-аварского происхождения и местная миска с пиктограммой. Все это пополнило наши знания о материальной культуре племен, населявших окрестности нынешнего Кисловодска в эпоху раннего железа.

1. Ковенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. - САИ вып. 12-6, М., 1989, с. 34.
2. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984, в. 51; Терехова Н.Н. Кузнечная техника у племен кобанской Северного Кавказа в раннескифский период. - СА 1983, № 3, в. 119, рис. 2; Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского периодов. - В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, т. 2, 1985, в. 37-38, табл. 43, рис. 20; Археология СССР. М., 1989, табл. 106, рис. 25; Иессен А.А. Некоторые памятники VIII-IX вв. до н.э. - ВССА, 1954, с. 125, рис. 14.

3. Техов Б.В. Тлийский могильник. Тбилиси, 1981, вып. 2, с. 9, рис. 57; Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984, с. 55-57, табл. I, рис. I7-2I.
4. Погребова М.Н. Указ.соч., с. 6I; Смирнов К.Ф. О мечех синдомеотского типа. - КСИА, 1980, вып. I62, с. 39-40.
5. Каландадзе А.Н. Самтавро. Археологические памятники до-античной эпохи. Мцхета. Тбилиси; 1981, т.5, рис. 72I; Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Ереван, 1950, вып. I, стр. 39, рис. I9; Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Ереван, 1955, вып. III, стр. 42-43, рис. 32.
6. Трапш М.М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. - В кн.: Трапш М.М. Труды. Сухуми, 1970, табл. 5.
7. Техов Б.В. Указ.соч., с. 30-3I, рис. 97; Батчаев В.М. Указ.соч., табл. 48, рис. 38; Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья. - Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990, с. 63-64.
8. Пиотровский Б.Б. Указ.соч., вып. I, рис. 32.
9. Техов Б.В. Указ.соч., с. 46, рис. I26-I29.
10. Техов Б.В. Тлийский могильник. Тбилиси, 1985, рис. I68.
11. Терехова Н.Н. Указ.соч., с. I27.
12. Козенкова В.И. Указ.соч., с. I90, табл. 43, рис. 2.
13. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1885, рис. I3, № 65.
14. Сланов А.Х. Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали, 1989, табл. I3, рис. 5; Техов Б.В. Указ.соч., вып. 3, с. 8, рис. I04; Батчаев В.М. Указ.соч., табл. 4I, рис. 8; Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, рис. 7,26.
15. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. I46.
16. Грязнов М.П. Так называемые оселки скифо-сарматского времени. - Исследования по археологии СССР. Л., 196I, с. I42.
17. Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984, с. 84-87.

18. Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VП-VI вв. до н.э. - В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 252.
19. Техов Б.В. Тлийский могильник. Тбилиси, 1980, вып. I, с. 52-53.
20. Крушнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 194.
21. Павленко Н.А. История письма. Минск, 1987, с. 23-24.
22. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. I93-203; Рыбаков Б.А. Календарный фриз северокавказского сосуда. - В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. I58-I6I.

Рис. 1. Фрагмент керамики. Рис. 2. Фрагмент керамики.
Рис. 3. Фрагмент керамики. Рис. 4. Фрагмент керамики.
Рис. 5. Фрагмент керамики. Рис. 6. Фрагмент керамики.

ВЕНЦЫ I — ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ЗАКУБАНЬЕ

В 1989 г. отрядом КАЭ ГМИНВ проводились охранно-спасательные работы на поселении Венцы-I. Оно расположено на краю левой первой надпойменной террасы древнего русла реки Кубани, в Гулькевичском районе Краснодарского края, в 3-х км к северу от села Венцы.

Поселение представляет собой скопление нескольких холмообразных возвышенностей высотой 0,2-0,7 м, овальных в плане, вытянутых вдоль края террасы, под которой проходит протока. Четко фиксировались три овальных холма в северо-восточной части поселения. Размеры холмов различны, площадь наиболее крупного, на котором был разбит раскоп, 200 x 120 м. Возможно, что на поле находилось еще несколько всхолмлений, обозначенных Э.С.Шарафутдиновой как зольные холмы или пятна, видимые только на свежей пахоте*. Наши работы были начаты сразу после уборки хлеба, до пахоты, и зафиксированные Э.С.Шарафутдиновой объекты не наблюдались. Приблизительная площадь поселения (по распространению подъемного материала) 250 м (З-В) x 400-500 м (С-Ю) (рис. 1).

В 700-800 м к юго-западу от поселения расположена курганная группа, синхронная поселению и исследованная КЭ ЛОИА АН СССР¹.

Для выяснения характера культурного слоя было заложено 3 шурфа размером 2 x 2 м. Первый и второй дали единичные находки фрагментов керамики, третий дал наибольшее количество обломков сосудов, встречались небольшие куски глиняной обмазки и турлучная крошка. На этом месте был разбит раскоп размером 4 x 7,5 м, впоследствии к нему была прирезана траншея № 2 размером 4 x 2 м.

Стратиграфия раскопа: верхний слой — чернозем, мощностью

* Поселение открыто в 1988 г. Кубанской экспедицией ЛОИА АН СССР. В том же году Э.С.Шарафутдинова шурфовала его.

80-90 см; ниже идет слой серо-коричневой супеси, сильно насыщенной золой, мощностью 40-60 см; с уровня 0,8-0,9 м от поверхности появляется ярко-желтый материковый песок. Верхние слои содержат небольшое количество фрагментов керамики, турлучной крошки и обломков костей животных (лошадь, корова, овца, свинья).

Грунт снимался по штыкам. После снятия верхнего слоя чернозема, в северо-западной части раскопа, на глубине 0,4 м была обнаружена небольшая галечная вымостка размером 50 x 80 см. С этого уровня чаще попадались фрагменты турлука. В южной части раскопа на той же глубине обнаружено небольшое скопление обломков керамики и формованных из навоза и сухой толченой глины плиток.

В траншее № 1 на глубине 0,37 м был открыт развал лепного кувшина с ручкой. В северном конце траншеи № 2 на глубине 0,4 м найдены фрагменты лепного горшка с заглаженной и подложенной поверхностью. В тесте большая примесь дресвы и органики.

С уровня 0,5-0,6 м в северной части раскопа появилось зольное пятно размером 2,6 x 1,6 м мощностью до 10 см, ориентированное СЗ-ЮВ. Чуть ниже, на глубине 0,67-0,75 м, обозначилось пятно прокаленной земли. В слое прокала стали чаще встречаться фрагменты керамики, костей животных и формованных плиток. На этом уровне в процессе дальнейшей расчистки локализовались два очажных пятна. Зольная линза, несомненно, была связана с ними. В южной части раскопа на глубине 0,7 м было обнаружено третье очажное пятно.

Очаг № 1 (рис. 2) расположен в центральной части раскопа, ближе к восточной стене. Он представлял собой небольшое углубление с покатыми стенками, в профиле — полусферической формы, в плане — неправильной, округлой. Размер 1,14 м (З-В) x 1,30 м (С-Ю). Яма опущена с уровня 0,5 м, т.е. с уровня зольника и слегка заглублена в материк. Слой прокала, перемеженный с золой и углями в очаге, составлял около 20 см. Он довольно сильно насыщен фрагментами керамики (60 фрагментов), в том числе пережженной. Кроме керамики встречены 6 фрагментов костей животных — лопатки и ребра. В очаге были найдены плитки, оформованные из сухой глины и навоза, слабо обожженные

(рис. 6,2). Размеры их приблизительно: 7 x 12 x 3 см и 15 x 23 x 3 см. Жесткого стандарта нет. Найдено довольно большое количество их фрагментов. В профиле плитки слегка выпуклые. Здесь же были встречены куски глиняной обожженной обмазки со следами выгоревших прутьев или крупных стеблей. На границе пятна прокала были зафиксированы единичные, сохранившиеся фрагментарно Г-образные плитки (рис. 6.1), стоявшие вертикально, их размеры не установлены. 24 фрагмента плиток были сильно ошлакованы. Встречены здесь же и куски керамического шлака, по своему составу отличные от плиток, но аналогичные керамике. Формованные саманные плиты находились в центральной части очага, в основном в его верхнем уровне. Какой-либо определенной системы в их расположении не наблюдалось. В нижнем слое, у самого дна были обнаружены конусы и их многочисленные фрагменты, сделанные из той же массы, что и плитки. Размеры их следующие: высота 6-8 см, диаметр 10-12 см (рис. 5).

В этом же очаге была найдена небольшая конусовидная (рис. 4.6) крышечка. Высота - 4,7 см, диаметр по нижнему краю - 6,7 см, диаметр по верху - 3,3 см. В тесте дресва, шамот (?), органика.

Очаг № 2 находился в 1,5 м к СЗ от очага № 1. Очажное пятно неправильной округлой формы, размером 1,46 (З-В) x 1,30 м (С-Ю). Слой сильного прокала, перемешанного с золой и углями, достигал в центре 20 см. В этом очаге найдено 277 фрагментов керамики, некоторые фрагменты сильно пережженные и ошлакованные. В верхнем уровне найдено 52 фрагмента плиток разного размера, аналогичных плиткам из очага № 1. В нижнем слое найдено около 10 конусов и их фрагментов, размеры аналогичны вышеописанным из очага № 1. Надо отметить, что некоторые скопления плит образовывали нечто вроде монолита и возможно были не оформлены прежде, а являлись кусками обмазки свода или стенок. В этом очаге, как и в предыдущем, были найдены куски шлака, некоторые с зеленоватой остекленной поверхностью, а также куски турлука со следами каркаса из прутьев.

Очаг № 3 расположен в 3 м к югу от очага № 1. Четкие границы пятна прослежены с уровня 0,91-0,94 м. В плане оно овальной формы, размером 0,9 (З-В) x 1,1 м (С-Ю). Мощность

прокала в центре около 20 см. Здесь найдены довольно крупные прямоугольные формованные плитки, размером 40 x 50 см, а также меньшего размера, аналогичные тем, которые были в других очагах. Г-образные плитки находились у края прокаленного пятна. Некоторые фрагменты довольно крупных размеров имели сильно ошлакованную поверхность, местами до стеклообразного состояния. Здесь же находились 170 обломков керамики, в том числе и пережженной, 10 фрагментов костей животных (некоторые сильно пережжены). Надо отметить, что в очаге № 3 завал из плит и обмазки был наиболее мощный, и здесь, как и в очаге № 2, помимо формованных кусков имелись и бесформенные, вероятно от обмазки.

Фрагменты керамики, обнаруженные в слое и в очагах, представляют следующие керамические формы: корчаги, горшки, миски, кувшины и кружки.

Вся посуда, кроме нескольких фрагментов импортной керамики, сделана от руки способом спирального налепа. По заключению А.А.Бобринского, просмотревшего некоторые образцы, в том числе и донные части сосудов, крупные формы типа горшков или корчаг делались по программе донно-емкостного начинания, а мелкие сосуды (кружки) лепились от венчика к горлу (емкостно-донный начин). Так как количество просмотренных фрагментов все-таки невелико, считать это наблюдение окончательным выводом представляется преждевременным²⁶. Основными добавками в формовочную массу являлись дресва и органика (навоз), значительно реже встречается сочетание дресвы, шамота и органики. Поверхность сосудов залощена или заглажена.

Наиболее многочисленной категорией являются горшки, которые по характеру оформления венчика можно разделить на три типа:

- I тип - горшки с отогнутым венчиком (рис. 3.1-8);
- II тип - горшки с вертикальным венчиком (рис. 3.9-15);
- III тип - горшки с загнутым внутрь венчиком (рис. 3.16-21).

Диаметры венчиков горшков всех трех типов колеблются от 8 до 14 см. Дно у сосудов плоское, часто с закраиной в при-

²⁶ Приношу свою благодарность А.А.Бобринскому за оказанную помощь.

донной части.

Наиболее многочисленным является первый тип горшков.

Корчаги (рис. 3. 22-24) имеют высокий отогнутый наружу венчик, переходящий в коническое или воронкообразное горло. Диаметр по венчику от 14 до 16 см.

Крупные кувшины, от которых сохранились вертикальные ручки (рис. 4. 9-10) овальные или подпрямоугольные в сечении, вероятно имели форму верхней части, аналогичную корчагам. В траншее № I в непосредственной близости от очага № 3 был найден развал достаточного крупного кувшина, форма которого полностью не восстанавливается. Диаметр венчика 17 см. Внутренняя поверхность сосуда покрыта полосатым горизонтальным лощением, наружная - вертикальным. Овальная в сечении ручка тщательно заложена снаружи. Горло коническое, слегка припухшее. Дно плоское с закраиной, диаметр - 11 см. Наружная поверхность кувшина черного цвета, внутренняя - неровного коричневого цвета. В тесте примесь дресвы, шамота и органики.

Кружки и небольшие кувшинчики (рис. 4. 4-5) имеют короткий отогнутый венчик, неширокое горло. Диаметр устья 6-10 см. Диаметр дна 4-6 см. Эти сосуды имеют не столь толстые стенки, как у кухонной посуды, поверхность их тщательно заложена. Встречено несколько небольших ручек, подпрямоугольных или округлых в сечении, относящихся к данным формам (рис. 4. 7-8).

Количество фрагментов мисок по сравнению с хозяйственной посудой невелико. Они представлены тремя типами:

I тип - миски с загнутым внутрь бортиком и округлым полусферическим туловом (рис. 4. I-2);

2 тип - миски с вертикальным бортиком и полусферическим или коническим туловом (рис. 4. II);

3 тип - миски конической формы с прямыми стенками (рис. 4.3).

Диаметр устья мисок I и II типов от 16 до 24 см. Миска III типа имеет следующие размеры: диаметр по краю - 18,3 см, диаметр дна - 16,5 см, высота - 4,5 см. Поверхность мисок заложена.

В очаге № I найдена керамическая крышечка, описанная выше.

Практически вся найденная керамика не имеет орнамента, лишь на одном фрагменте стенки черноглиняного толстоотенного сосуда имелся конический налеп.

Среди керамического материала имеется несколько фрагментов импортной керамики, вероятно, амфорной. К этой же группе относится фрагмент стенки красноглиняной хиосской амфоры, украшенный двумя полосами красного лака. Дата амфоры: конец VI - первая половина V в. до н.э.

К импортной керамике относится фрагмент кольцевого поддона гончарного красноглиняного сосуда из тонкоотмученной глины без видимых примесей.

Среди всего керамического материала встречено в разных квадратах 12 обломков стенок сероглиняных (?) сосудов, сделанных на круге. Сохранившиеся фрагменты не дают представления о формах. Гончарная посуда представляет иную керамическую традицию, в корне отличную от местной, представленной подавляющим большинством фрагментов сосудов этого поселения, поэтому сероглиняная круговая керамика была отнесена к группе привозной.

Незначительная площадь раскопа на поселении Венцы-I не позволяет делать окончательные и всеобъемлющие заключения о данном памятнике. Однако, некоторые выводы представляются достоверными.

Стратиграфия шурфов и раскопа позволяет считать памятник однослойным. Не очень мощный и насыщенный культурный слой дает основание предполагать, что памятник существовал непродолжительное время. Датировка его укладывается в рамки конца VI - V вв. до н.э., о чем свидетельствуют находки фрагментов ранних амфор, в том числе хиосской, а также бронзовый базисный трехгранный наконечник стрелы, аналогичный наконечникам из наборов в погребениях курганной группы Венцы, расположенной рядом с поселением.

Особый интерес представляют очаги, обнаруженные в раскопе. О производственных конструкциях для обжига керамики на Кубани до II в. до н.э. сведений у нас нет. Наиболее ранние из специализированных устройств известны на Елизаветинском городище и датируются II в. до н.э.² Они представляют собой двух-

камерные горны 3-х типов³, один из которых является горном со столбовой конструкцией. Он имеет аналогии в античной традиции. Другой тип, под которого состоит из специально формованных овалных блоков-"лепешек", опирающихся на перегородку топочной камеры, считается конструкцией местного типа. Подобное устройство пода известно в Гермонассе - печь I в. н.э. и в Кепях - I в. н.э.⁴ Любопытно, что свод печей Елизаветинского городища делался из прутьев, образывавших каркас свода, который впоследствии обмазывался глиной.

Все вышеназванные горны достаточно удалены во времени от исследованного нами поселения Венцы. В 1965 г. на восточном укреплении Бельского городища была открыта простая однокамерная печь со сводом, вылепленным из глины на каркасе из толстых прутьев⁵. Очажное пятно имело форму неправильного овала размером 1,55 x 1,7 м; высота свода, по мнению Б.А.Шрамко, превышала 1 м. Температура обжига в такой печи, как было установлено экспериментальным путем, достигала 800-850°. Печь датируется IV в. до н.э.

По конструктивным особенностям печь Бельского городища представляется наиболее близкой аналогией публикуемым очагам, которые, вероятно, выглядели следующим образом: обжигательная камера была совмещена с топкой. Нижняя часть стен сложена из Г-образных блоков. Над ними располагались прямоугольные плитки с чуть выпуклой поверхностью, выше которых находился свод, сделанный из прутьев, обмазанных глиной.

Остается неясным назначение формованных конусов, не имеющих аналогий в других памятниках. О производственном их назначении говорит небрежность изготовления и формовочная масса, идентичная по составу массе плиток. Можно предположить, что данные конусы использовались как печной припас при обжиге небольших сосудов, диаметр горла которых не превышал диаметра конусов, т.е. 10-12 см. Они могли располагаться основанием на поде, а на них донцами кверху надевались сосуды. Известно, что в античных горнах в качестве подставок под сосуды во время обжига использовались отбитые донца амфор, на которые надевались некрупные сосуды. О том, что очаги использовались неоднократно, свидетельствует довольно мощный слой прокала - до 20 см толщиной, а также достаточно большой слой зо-

лы и углей. О продолжительном функционировании очагов говорит также большое количество шлака, состав которого, по определению А.А.Бобринского, аналогичен составу глиняного теста фрагментов сосудов, найденных в заполнении очагов.

Аналогии большинству керамических форм были найдены в материалах могильников и городищ Кубани VI-V вв. до н.э., количество которых пока не очень велико. Известную опасность в поисках аналогий содержит фрагментарность и немногочисленность керамического материала пос. Венцы-I.

Горшки I типа наиболее многочисленны и имеют наибольшее количество аналогий. Горшки разных размеров с отогнутым наружу венчиком известны в Келермесском⁶, Уляпских грунтовых некрополях⁷, в погребениях Большого Петропавловского могильника⁸, в объектах Начерзия⁹, на поселении Заслонка¹⁰, Петропавловское¹¹, пос. № 2 Ульского пенькозавода, на пос. Медовка¹², в слое VI-V вв. до н.э. Семибратнего городища¹³, в слое IV в. до н.э. Новолабинского городища¹⁴. В правобережных кубанских памятниках раннемеотского времени тип горшков с отогнутым венчиком встречается несколько реже. Во второй хронологической группе Усть-Лабинского могильника № 2 встречены 2 небольших горшка с короткими отогнутыми венчиками¹⁵, 2 сосуда найдены в разрушенном погребении второй половины VII - начала VI вв. до н.э. у хутора Ленина¹⁶. Достаточно своеобразный горшок с отогнутым высоким венцом происходит из погребения 2 раскопа I могильника городища № 2 у х. Ленина¹⁷.

Видимо, горшки с отогнутым венчиком более характерны для левобережных памятников Кубани, нежели для правобережных.

Горшки II типа с вертикальным коротким венчиком встречены в Келермесском грунтовом могильнике¹⁸ в Ново-Пеховском, на поселении № 2 у Ульского пенькозавода¹⁹. Подавляющая часть фрагментов аналогичных горшкам II типа происходит из поселений. Присутствуя в материалах VI в. до н.э., подобные сосуды живут и позже.

Горшки III типа с загнутым внутрь венчиком чаще встречаются в памятниках Краснодарской группы: могильник городища № 3 у х. Ленина²⁰, могильник городища № 3 у ст. Старокорсунская²¹. На левобережье - они найдены в комплексах могильника

Начерзий²². В памятниках Закубанья восточнее Псекупса этот тип встречается реже: несколько фрагментов подобных горшков найдены в скоплении керамики кургана 13 Уляпского могильника № 2, несколько фрагментов происходят из шурфов пос. № 2 Ульского пенькозавода²³.

Корчаги с отогнутым широким венцом и коническим горлом в Прикубанье встречены в единичных комплексах: в могильнике № 2 у ст. Тбилисской²⁴, в одном из наиболее ранних погребений могильника городища № 3 у х. Ленина²⁵, в материале раннего слоя городища № 6 у ст. Кавказской²⁶. В памятниках Закубанья этот тип появляется во второй половине III в. до н.э. (Келермесский грунтовый могильник), существует он и в памятниках VI–V вв. до н.э. – Уляпский могильник № 2, пос. № 2 Ульского пенькозавода, Большой Петропавловский могильник.

Лепные кружки с биконическим туловом и отогнутым венчиком достаточно типичны для памятников раннемеотского периода на Кубани – могильник у ст. Старокорсунской, ранние комплексы могильников у городищ 1, 3 у х. Ленина, могильник № 2 у аула Уляп, разрушенные погребения VI–V вв. до н.э. из могильника Форштадт под Армавром²⁷.

Миски I и II типов имеют многочисленные аналогии в выше-названных памятниках VI–V вв. до н.э. Аналогии миски III типа мне не известны.

В заключение надо отметить некоторые особенности публикуемого памятника, который является пока единственным в данном районе Закубанья. Он относится к типу степных равнинных неукрепленных поселений или селищ раннего железного века. В результате разведок, произведенных на Кубани в послевоенные годы и раскопок последних лет на многих поселениях отмечалось наличие зольников или зольных ячеек, которые получили также название "жилых холмов". Эти холмы содержат слои, сильно насыщенные золой с прослойками глины. Как считает И.С. Каменецкий, зольники – "это культовые места, связанные с культом очага, который делал священным и золу из очагов"²⁸. Однако представляется, что зольные ячейки поселения Венцы I – это не культовые места, а участки, связанные с комплексом производственных обжитых очагов. Надо отметить, что слои, силь-

но насыщенные золой, на поселении Венцы содержали также фрагменты керамики, турлучной крошки и остеологический материал. О производственном назначении очагов свидетельствовали остатки бракованной посуды и шлаков.

Проблемной остается этническая оценка памятника. Как упоминалось, в непосредственной близости от поселения располагалась курганная группа с погребениями, синхронными поселению. Работы на курганах проводила экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Бочкарева В.С. Материалы погребений пока не опубликованы. Однако, надо отметить в целом кочевнический характер курганных комплексов. В этой связи поселение может являться сезонным селищем, или летовкой данной группы населения степного Закубанья. Вместе с тем, рассмотренный керамический комплекс находит аналогии в меотских памятниках Кубани, поэтому вопрос о культурно-этнической принадлежности поселения Венцы I остается пока открытым.

Дальнейшее изучение памятников этого района, без сомнения, позволит более четко сформулировать специфические особенности региона в эпоху раннего железного века.

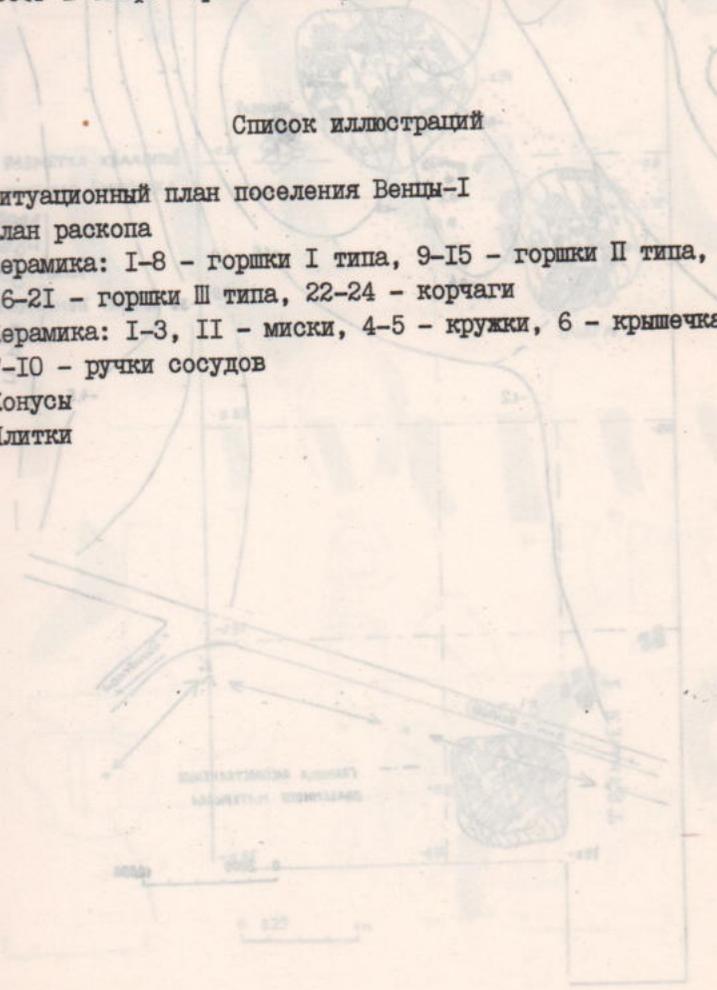
1. Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С. Отчет КЭ ЛОИА АН СССР за 1988 г. – Архив ИА АН СССР, Р-1, № 13419, 13420, рис. II4.
2. Шилов В.Н. Новые данные о Елизаветинском городище. СА, вып. XXIII, 1955, с. 230–235.
3. Городцов В.А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники. – СА, вып. I, 1936, с. 175–176.
4. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. – САИ, Г1–20, 1966, с. 33–34, табл. 25. 2–5.
5. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987, с. II3.
6. Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами. – СА, 1985, № 3, с. 159, рис. 3, 12.
7. Лесков А.М. и др. Отчет о работе КЭ ГМИНВ в 1983 г. – Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9855.

8. Гей А.Н. Отчет о работе Курганинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1982 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9856, рис. 104, 134б, 174.
9. Ждановский А.М. Отчет об исследовании курганного могильника близ аула Начерзий Теучежского района Адыгейской АО, проводившихся в 1976 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6169, с. 118.
10. Фонды Краснодарского государственного музея-заповедника.
11. Гей А.Н. Указ. отчет, рис. 682, 684.
12. Работы КАЗ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
13. Анфимов Н.В. Отчет о работах на Семибратнем городище в 1951 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 622, рис. 14, 15.
14. Анфимов И.Н. Отчет о работе на Новолабинском городище № 2 в 1984 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 105426, рис. 254, 342, 343.
15. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, 23, 1961, с. 164.
16. Каминский В.Н. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара. - СА, 1987, № 2, с. 256, рис. 2, 2-3.
17. Лимберис Н.Д. Отчет Краснодарской археологической экспедиции за 1983 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9462а, рис. 9, 10.
18. Галанина Л.К. Указ. соч., с. 158, рис. 2, 4, с. 159, рис. 3.3.
19. Работы КАЗ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
20. Лимберис Н.Д. Указ. отчет, рис. 6.11.
21. Кондрашев А.В. Отчет о раскопках грунтового могильника в ст. Старонорсуновской в 1986 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 113702, рис. 534.
22. Ждановский А.М. Указ. отчет, с. 118.
23. Работы КАЗ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
24. Анфимов Н.В. Отчет о разведках в Краснодарском крае в 1953 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 822, с. 36, фото.
25. Лимберис Н.Д. Указ. отчет, рис. 5, фото 7, рис. 9.9.

26. Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен. - В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981, с. 63.
27. Материалы хранятся в фондах Армавирского краеведческого музея.
28. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Восточного Кавказа. - В кн.: Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, с. 235.

Список иллюстраций

1. Ситуационный план поселения Венцы-I
2. План раскопа
3. Керамика: I-8 - горшки I типа, 9-15 - горшки II типа, 16-21 - горшки III типа, 22-24 - корчаги
4. Керамика: I-3, II - миски, 4-5 - кружки, 6 - крышечка, 7-10 - ручки сосудов
5. Конусы
6. Плитки

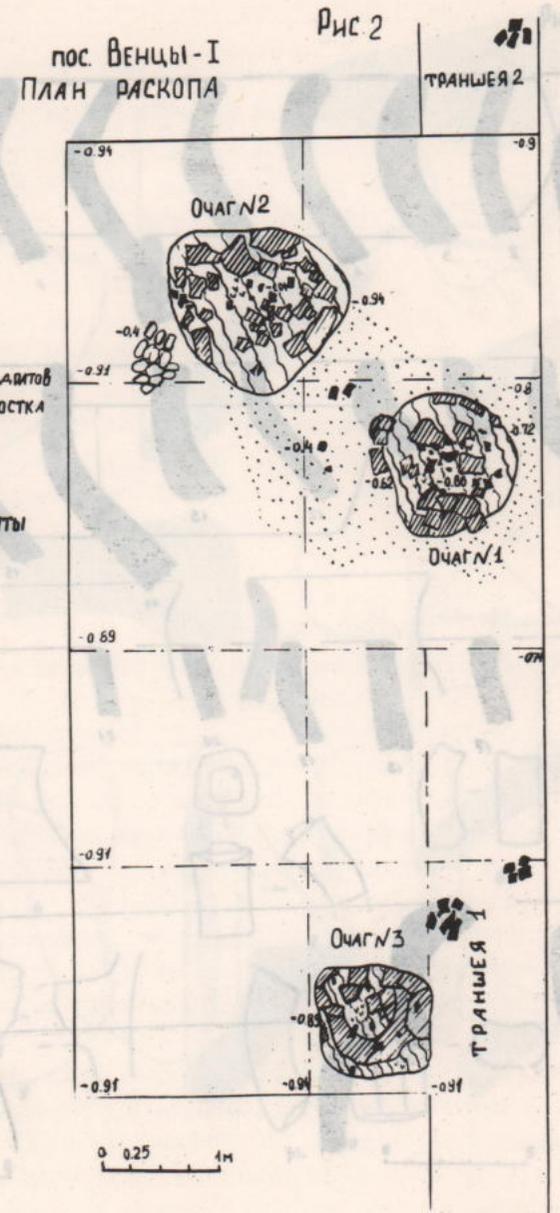
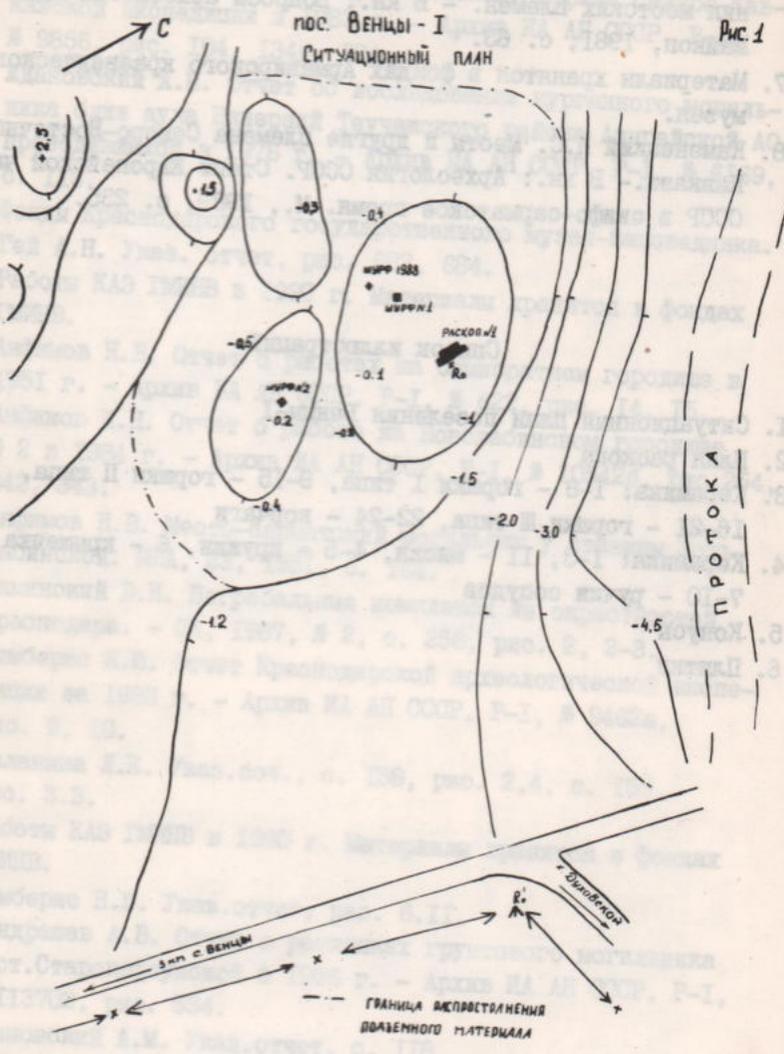

Рис. 3

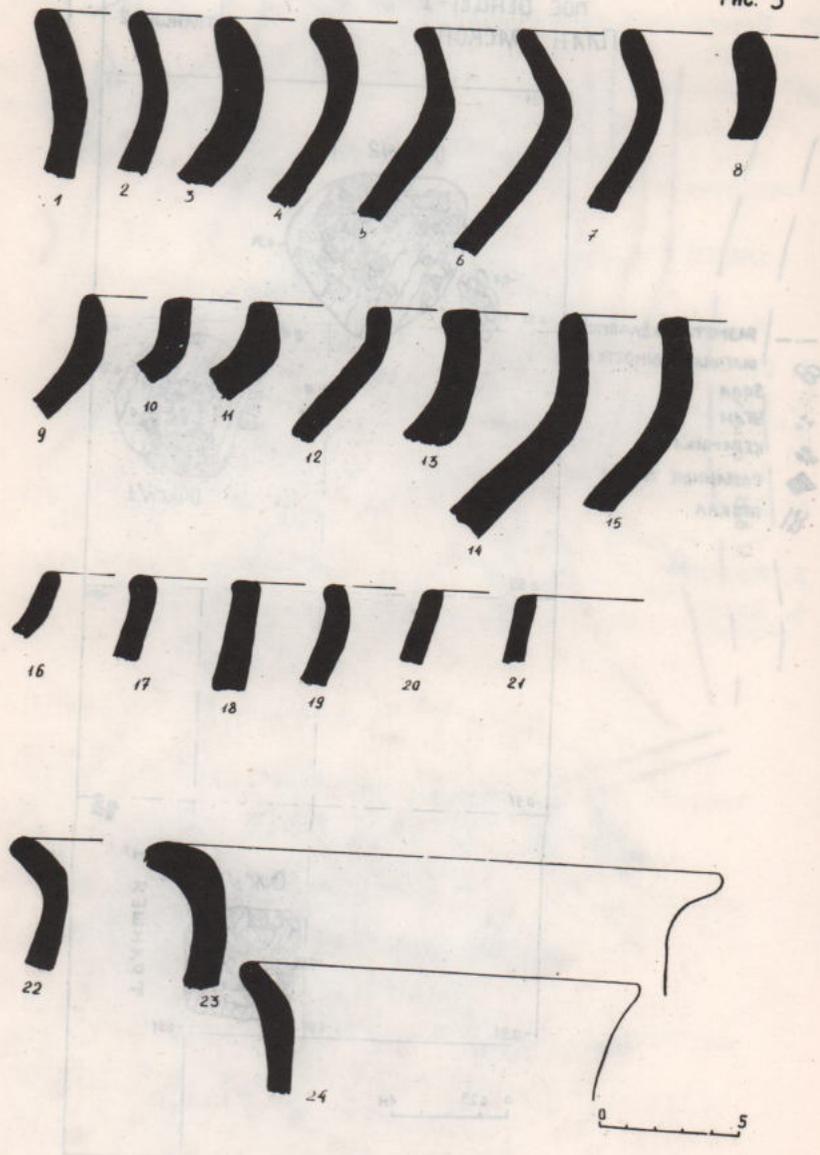
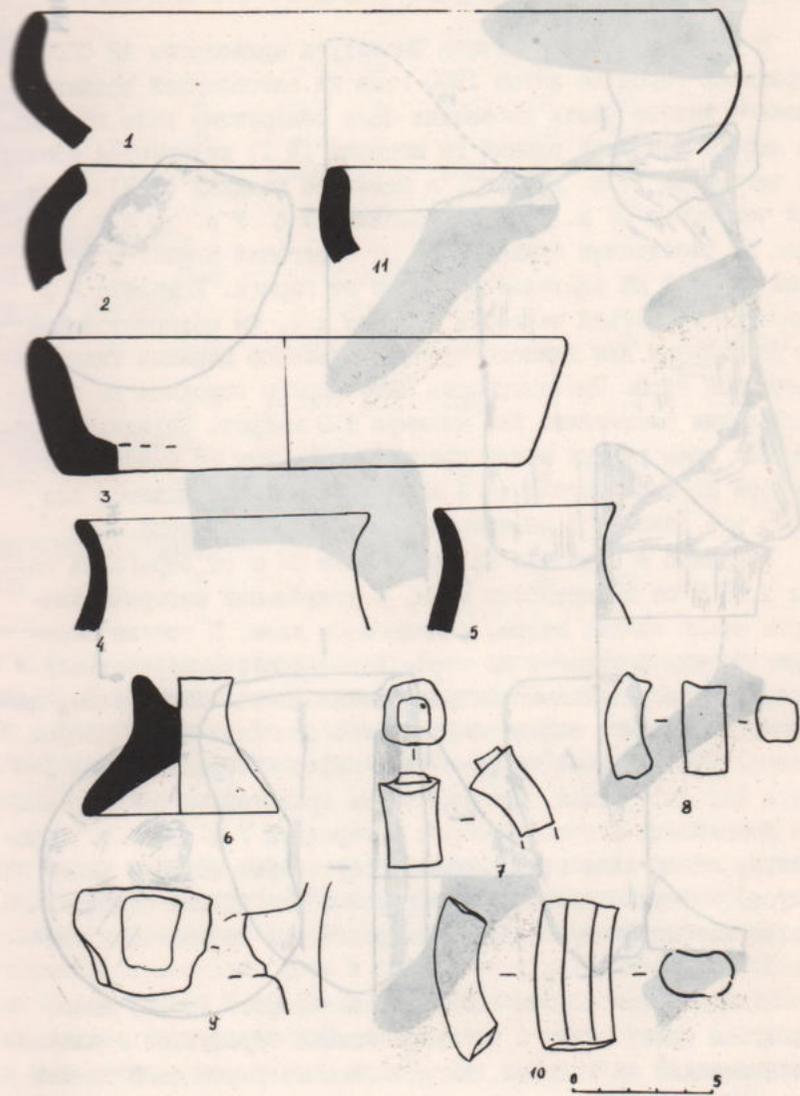

Рис. 4

камерные горны 3-х типов³, один из которых является горном со столбовой конструкцией. Он имеет аналогии в античной традиции. Другой тип, под которого состоит из специально формованных овалных блоков-"лепешек", опирающихся на перегородку топочной камеры, считается конструкцией местного типа. Подобное устройство пода известно в Гермоноссе - печь I в. н.э. и в Кепях - I в. н.э.⁴ Любопытно, что свод печей Елизаветинского городища делался из прутьев, образовавших каркас свода, который впоследствии обмазывался глиной.

Все вышеназванные горны достаточно удалены во времени от исследованного нами поселения Венцы. В 1965 г. на восточном укреплении Бельского городища была открыта простая однокамерная печь со сводом, выложенным из глины на каркасе из толстых прутьев⁵. Очаговое пятно имело форму неправильного овала размером 1,55 x 1,7 м; высота свода, по мнению Б.А.Шрамко, превышала 1 м. Температура обжига в такой печи, как было установлено экспериментальным путем, достигала 800-850°. Печь датируется IV в. до н.э.

По конструктивным особенностям печь Бельского городища представляется наиболее близкой аналогией публикуемым очагам, которые, вероятно, выглядели следующим образом: обжигательная камера была совмещена с топкой. Нижняя часть стен сложена из Г-образных блоков. Над ними располагались прямоугольные плитки с чуть выпуклой поверхностью, выше которых находился свод, сделанный из прутьев, обмазанных глиной.

Остается несомненно названные формованные конусы, не имеющих аналогий в других памятниках. О производственном их назначении говорит небрежность изготовления и формовочная масса, идентичная по составу массе плиток. Можно предположить, что данные конусы использовались как печной припас при обжиге небольших сосудов, диаметр горла которых не превышал диаметра конусов, т.е. 10-12 см. Они могли располагаться основанием на поде, а на них донцами вверх надевались сосуды. Известно, что в античных горнах в качестве подставок под сосуды во время обжига использовались оббитые донца амфор, на которые надевались внутренние сосуды. О том, что очаги использовались неоднократно, свидетельствует довольно мощный слой прокала - до 20 см толщиной, а также достаточно большой слой зо-

лы и углей. О продолжительном функционировании очагов говорит также большое количество шлака, состав которого, по определению А.А.Бобринского, аналогичен составу глиняного теста фрагментов сосудов, найденных в заполнении очагов.

Аналогии большинству керамических форм были найдены в материалах могильников и городищ Кубани VI-V вв. до н.э., количество которых пока не очень велико. Известную опасность в поисках аналогий содержит фрагментарность и немногочисленность керамического материала пос. Венцы-I.

Горшки I типа наиболее многочисленны и имеют наибольшее количество аналогий. Горшки разных размеров с отогнутым наружу венчиком известны в Келермесском⁶, Уляпских грунтовых некрополях⁷, в погребениях Большого Петропавловского могильника⁸, в объектах Начерзия⁹, на поселении Заслонка¹⁰, Петропавловское¹¹, пос. № 2 Ульского пенькозавода, на пос. Медовка¹², в слое VI-V вв. до н.э. Семибратнего городища¹³, в слое IV в. до н.э. Новолабинского городища¹⁴. В правобережных кубанских памятниках раннемеотского времени тип горшков с отогнутым венчиком встречается несколько реже. Во второй хронологической группе Усть-Лабинского могильника № 2 встречены 2 небольших горшка с короткими отогнутыми венчиками¹⁵, 2 сосуда найдены в разрушенном погребении второй половины VII - начала VI вв. до н.э. у хутора Ленина¹⁶. Достаточно своеобразный горшок с отогнутым высоким венцом происходит из погребения 2 раскопа I могильника городища № 2 у х. Ленина¹⁷.

Видимо, горшки с отогнутым венчиком более характерны для левобережных памятников Кубани, нежели для правобережных.

Горшки II типа с вертикальным коротким венчиком встречены в Келермесском грунтовом могильнике¹⁸ в Ново-Пеховском, на поселении № 2 у Ульского пенькозавода¹⁹. Подавляющая часть фрагментов аналогичных горшкам II типа происходит из поселений. Присутствуя в материалах VI в. до н.э., подобные сосуды живут и позже.

Горшки III типа с загнутым внутрь венчиком чаще встречаются в памятниках Краснодарской группы: могильник городища № 3 у х. Ленина²⁰, могильник городища № 3 у ст. Старокорсунская²¹. На левобережье - они найдены в комплексах могильника

Начерзий²². В памятниках Закубанья восточнее Псекупса этот тип встречается реже: несколько фрагментов подобных горшков найдены в скоплении керамики кургана I3 Уляпского могильника № 2, несколько фрагментов происходят из шурфов пос. № 2 Ульского пенькозавода²³.

Корчаги с отогнутым широким венцом и коническим горлом в Прикубанье встречены в единичных комплексах: в могильнике № 2 у ст. Тбилисской²⁴, в одном из наиболее ранних погребений могильника городища № 3 у х. Ленина²⁵, в материале раннего слоя городища № 6 у ст. Кавказской²⁶. В памятниках Закубанья этот тип появляется во второй половине II в. до н.э. (Келермесский грунтовый могильник), существует он и в памятниках VI–V вв. до н.э. – Уляпский могильник № 2, пос. № 2 Ульского пенькозавода, Большой Петропавловский могильник.

Лепные кружки с биконическим туловом и отогнутым венчиком достаточно типичны для памятников раннемеотского периода на Кубани – могильник у ст. Старокорсунской, ранние комплексы могильников у городищ I, 3 у х. Ленина, могильник № 2 у аула Уляп, разрушенные погребения VI–V вв. до н.э. из могильника Форштадт под Армавиром²⁷.

Миски I и II типов имеют многочисленные аналогии в выше-названных памятниках VI–V вв. до н.э. Аналогии миски III типа мне не известны.

В заключение надо отметить некоторые особенности публикуемого памятника, который является пока единственным в данном районе Закубанья. Он относится к типу степных равнинных неукрепленных поселений или селищ раннего железного века. В результате разведок, произведенных на Кубани в послевоенные годы и раскопок последних лет на многих поселениях отмечалось наличие зольников или зольных пятен, которые получили также название "жильх холмов". Эти холмы содержат слои, сильно насыщенные золой с прослойками глины. Как считает И.С. Каменецкий, зольники – "это культовые места, связанные с культом очага, который делал священным и золу из очагов"²⁸. Однако представляется, что зольные пятна поселения Венцы I – это не культовые места, а участки, связанные с комплексом производственных обжигательных очагов. Надо отметить, что слои, силь-

но насыщенные золой, на поселении Венцы содержали также фрагменты керамики, турлучной крошки и остеологический материал. О производственном назначении очагов свидетельствовали остатки бракованной посуды и шлаков.

Проблемной остается этническая оценка памятника. Как упоминалось, в непосредственной близости от поселения располагалась курганная группа с погребениями, синхронными поселению. Работы на курганах проводила экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Бочкарева В.С. Материалы погребений пока не опубликованы. Однако, надо отметить в целом кочевнический характер курганных комплексов. В этой связи поселение может являться сезонным селищем, или летовкой данной группы населения степного Закубанья. Вместе с тем, рассмотренный керамический комплекс находит аналогии в меотских памятниках Кубани, поэтому вопрос о культурно-этнической принадлежности поселения Венцы I остается пока открытым.

Дальнейшее изучение памятников этого района, без сомнения, позволит более четко сформулировать специфические особенности региона в эпоху раннего железного века.

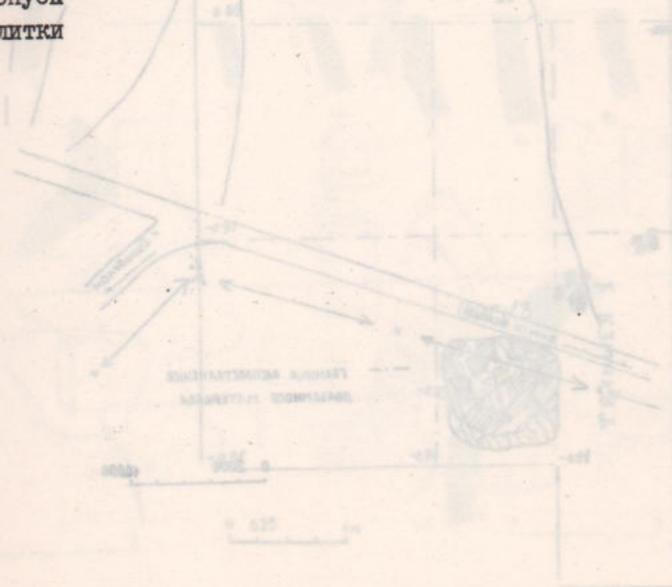
1. Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С. Отчет КЭ ЛОИА АН СССР за 1988 г. – Архив ИА АН СССР, Р-1, № I3419, I3420, рис. II4.
2. Шилов В.Н. Новые данные о Елизаветинском городище. СА, вып. XXIII, 1955, с. 230–235.
3. Городцов В.А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники. – СА, вып. I, 1936, с. I75–I76.
4. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. – САИ, ГI–20, 1966, с. 33–34, табл. 25. 2–5.
5. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987, с. II3.
6. Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с местами. – СА, 1985, № 3, с. I59, рис. 3, I2.
7. Лесков А.М. и др. Отчет о работе КЭЗ ГМИНВ в 1983 г. – Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9855.

8. Гей А.Н. Отчет о работе Курганинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1982 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9856, рис. 104, 134б, 174.
9. Ждановский А.М. Отчет об исследовании курганного могильника близ аула Начерзий Теучежского района Адыгейской АО, проводившихся в 1976 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6169, с. 118.
10. Фонды Краснодарского государственного музея-заповедника.
11. Гей А.Н. Указ. отчет, рис. 682, 684.
12. Работы КАЗ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
13. Анфимов Н.В. Отчет о работах на Семибратнем городище в 1951 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 622, рис. 14, 15.
14. Анфимов И.Н. Отчет о работе на Новолабинском городище № 2 в 1984 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 10542б, рис. 254, 342, 343.
15. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, с. 164.
16. Каминский В.Н. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара. - СА, 1987, № 2, с. 256, рис. 2, 2-3.
17. Лимберис Н.Д. Отчет Краснодарской археологической экспедиции за 1983 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9462а, рис. 9, 10.
18. Галанина Л.К. Указ. соч., с. 158, рис. 2,4, с. 159, рис. 3.3.
19. Работы КАЗ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
20. Лимберис Н.Д. Указ. отчет, рис. 6.11.
21. Кондрашев А.В. Отчет о раскопках грунтового могильника в ст. Старокорсунской в 1986 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 113702, рис. 534.
22. Ждановский А.М. Указ. отчет, с. 118.
23. Работы КАЗ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
24. Анфимов Н.В. Отчет о разведках в Краснодарском крае в 1953 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 822, с. 36, фото.
25. Лимберис Н.Д. Указ. отчет, рис. 5, фото 7, рис. 9.9.

26. Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен. - В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981, с. 63.
27. Материалы хранятся в фондах Армавирского краеведческого музея.
28. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Восточного Кавказа. - В кн.: Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, с. 235.

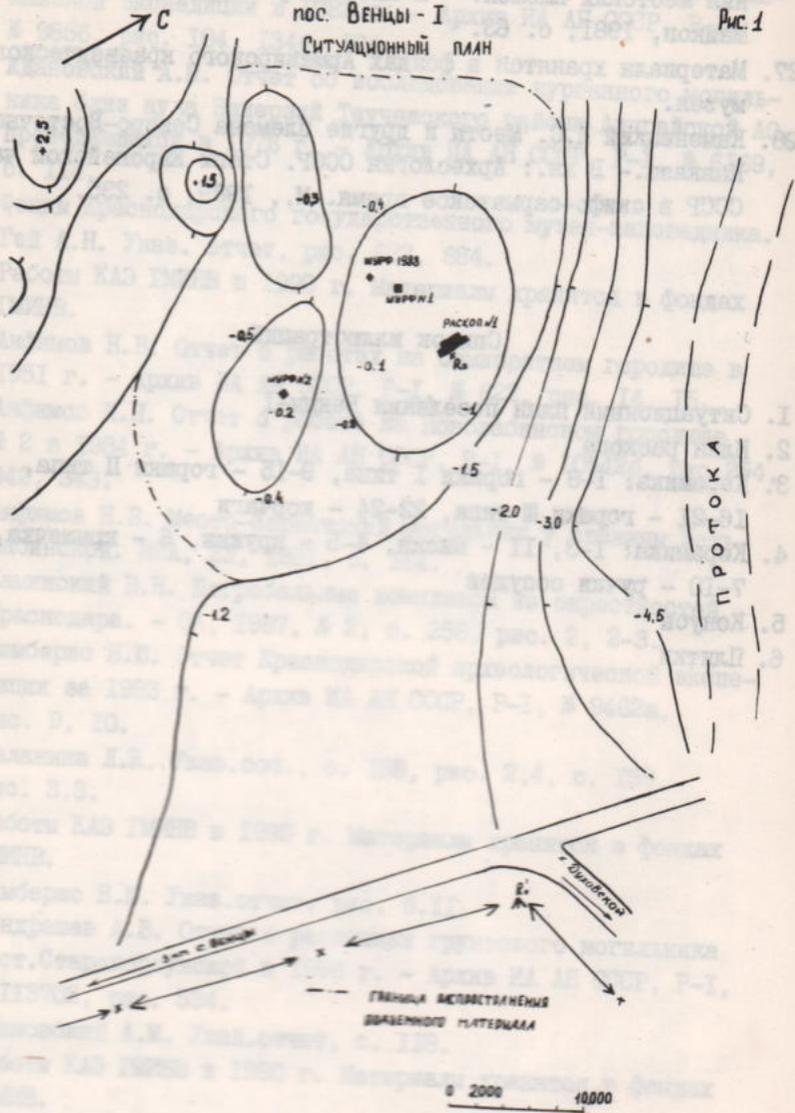
Список иллюстраций

1. Ситуационный план поселения Венцы-I
2. План раскопа
3. Керамика: I-8 - горшки I типа, 9-15 - горшки II типа, 16-21 - горшки III типа, 22-24 - корчаги
4. Керамика: I-3, II - миски, 4-5 - кружки, 6 - крышечка, 7-10 - ручки сосудов
5. Конусы
6. Плитки

пос. Венцы - I
СИТУАЦИОННЫЙ ПЛАН

Рис 1

пос. Венцы - I
ПЛАН РАСКОПА

Рис 2

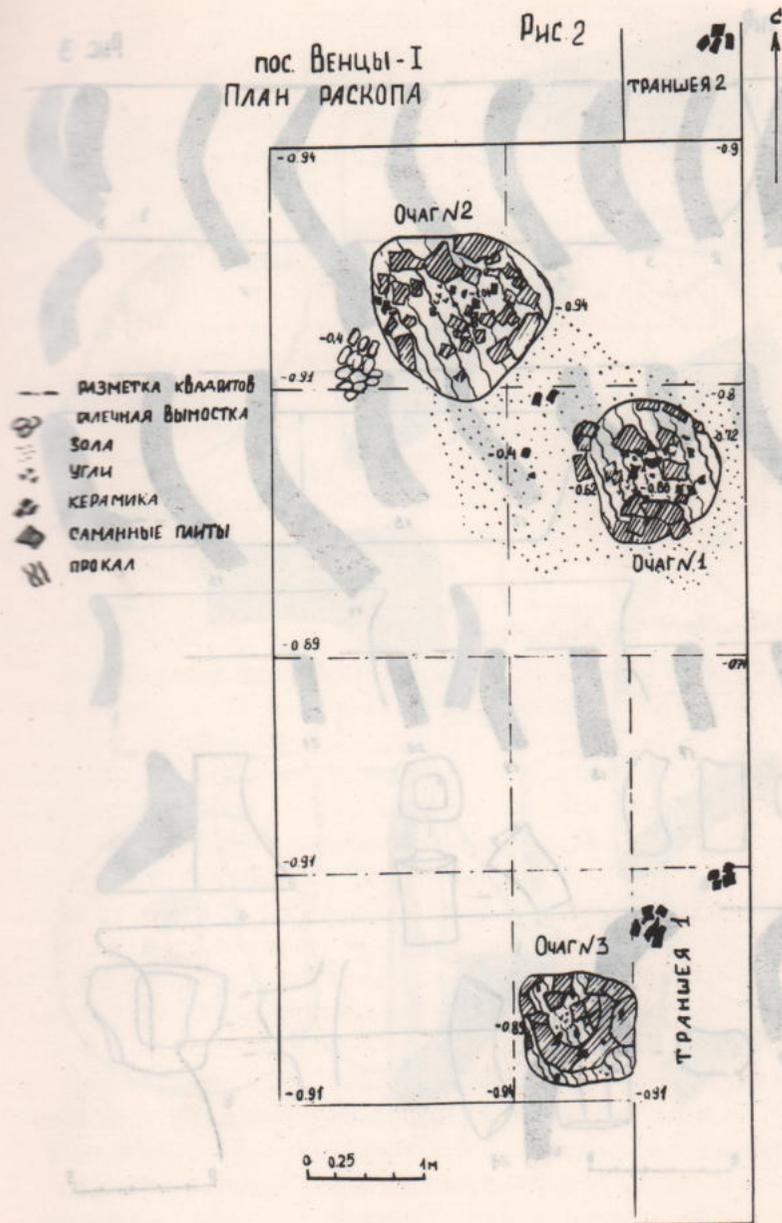

Рис. 3

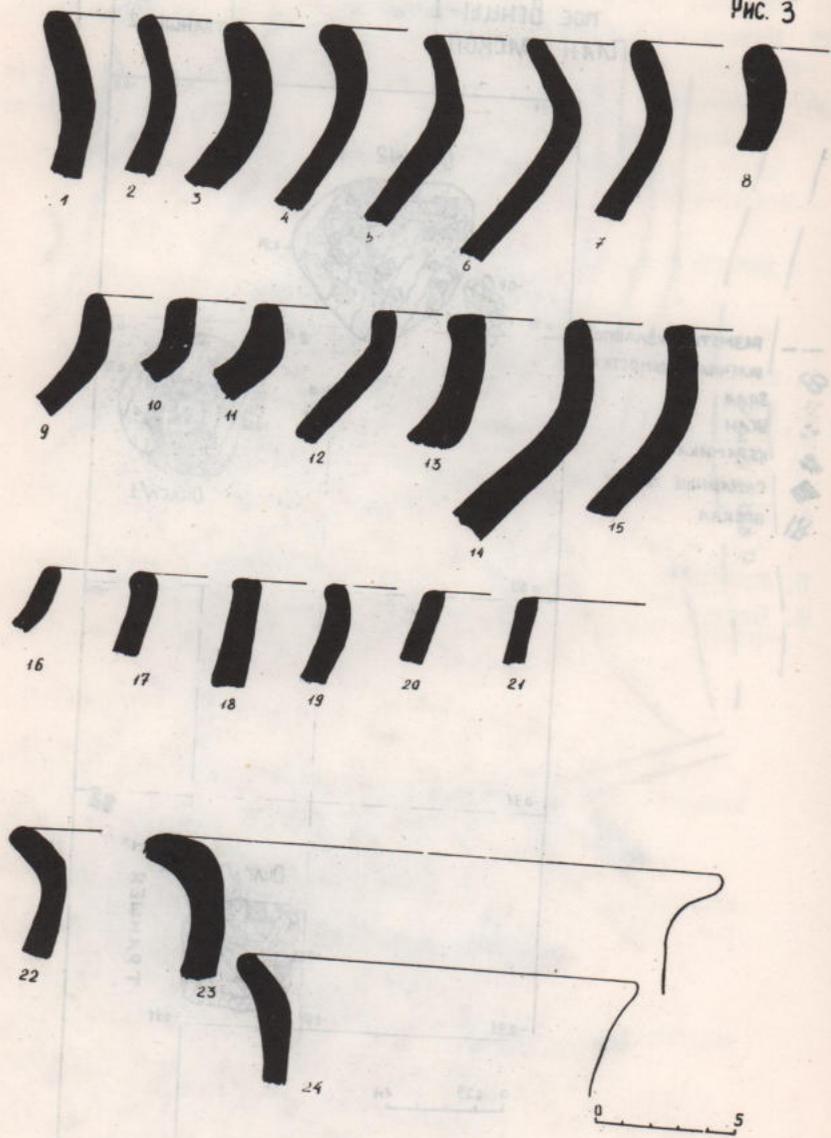

Рис 4

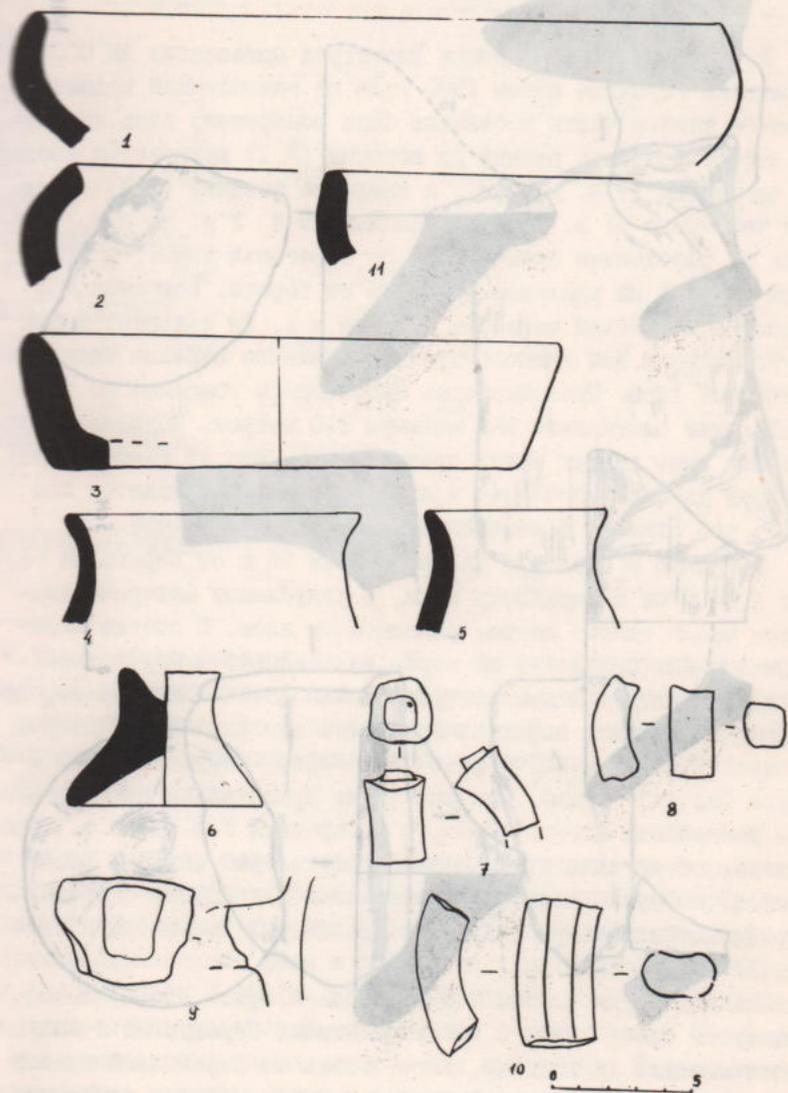

Рис 5

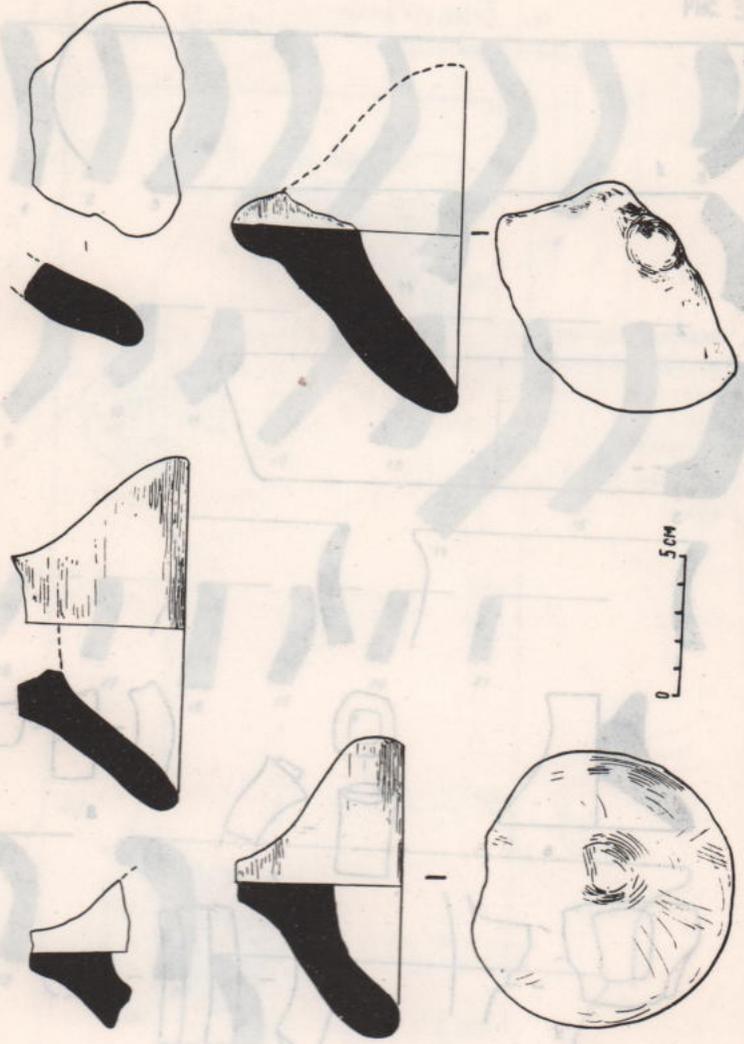
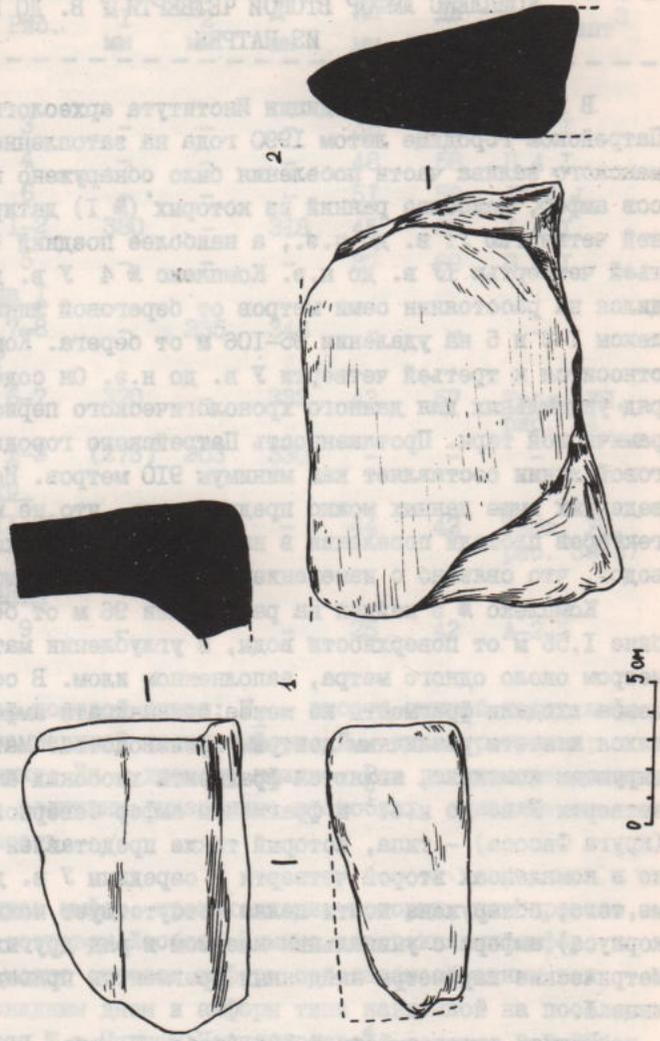

Рис 6

КОМПЛЕКС АМФОР ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ У В. ДО Н.Э.
ИЗ ПАТРЕЯ

В ходе работы экспедиции Института археологии АН СССР на Патрейском городище летом 1990 года на затопленной водами Таманского залива части поселения было обнаружено пять комплексов амфор, наиболее ранний из которых (№ 1) датируется последней четвертью VI в. до н.э., а наиболее поздний (№ 3) — третьей четвертью IV в. до н.э. Комплекс № 4 У в. до н.э. находился на расстоянии семи метров от береговой линии, а комплексы 1-3 и 5 на удалении 95-106 м от берега. Комплекс № 2 относится к третьей четверти У в. до н.э. Он содержит целый ряд уникальных для данного хронологического периода типов керамической тары. Протяженность Патрейского городища по береговой линии составляет как минимум 910 метров. Исходя из приведенных выше данных можно предполагать, что не менее девяти гектаров площади поселения в настоящее время находятся под водой, что связано с изменением уровня Черного моря.

Комплекс № 5 найден на расстоянии 96 м от берега на глубине 1,55 м от поверхности воды, в углублении материка диаметром около одного метра, заполненном илом. В состав комплекса входили фрагменты не менее одиннадцати амфор, относящихся к шести различным центрам производства. Материалом, датирующим комплекс, являются фрагменты хийских амфор второй четверти У в. до н.э.¹ и фрагменты амфор Северной Эгеиды I (круга Фасоса) — типа, который также представлен исключительно в комплексах второй четверти — середины У в. до н.э.² Кроме того, обнаружена почти целая (отсутствует ножка и часть корпуса) амфора с уникальным клеймом и ряд других сосудов. Метрические параметры найденных фрагментов приведены в таблице I.

Нижняя часть амфоры № 583 (табл. II, рис. II-12) имеет сужающуюся книзу ножку с вогнутой нижней образующей и конусовидной выемкой на подошве, изготовлена из коричневой тонкой глины с блестящими слюдами. Сужающаяся книзу ножка в сочетании с "шаровидным" в верхней части корпусом определяют своеобраз-

Таблица I

№ п. оп.	Табл.	Рис.	H ₁ мм	H ₂ мм	Д мм	Hн мм	Дн мм	Вариант ³
<u>Лесос</u>								
195	I	3	-	-	-	36	60	I,4,I
493	I	4	-	-	-	48	58	II,4,I
323	I	6	-	-	-	51	58	IV,4,I
512	I	I-2	380	-	318	45	63	I,4,I
2604	I	5	-	-	-	37	60	III,4,I
<u>Северная Эгеида I</u>								
490	I	7-8	-	235	346	-	-	-
<u>Фивы?, Беотия?</u>								
518	II	6-7	370	-	332	43	57	Табл. УШ, рис. 34
241	II	I-3	(273)	203	330	-	-	-
<u>Эолийский центр</u>								
583	II	II-12	-	-	-	44	42	Табл. УШ, рис. 36-37
<u>Северная Греция А</u>								
411	I	9	-	-	-	25	42	A-2,5

№ п. оп. — номер полевой описи; H₁ — высота нижней части амфоры; H₂ — высота верхней части амфоры; Д — диаметр тулова; Hн — высота ножки; Дн — диаметр ножки. Все данные приведены в миллиметрах, величины, указанные в скобках, означают неполную сохранность.

ную форму корпуса амфор, происхождение которых, как правило, связывается с островом Лесбос. Помимо сероглиняных амфор, к данной группе можно отнести амфоры со стакановидным или усеченноконусовидным дном и амфоры типа найденной на поселении Надлиманское III в Нижнем Поднестровье⁴, которые В.В.Рубан, без достаточных оснований, объединяет в одну группу с амфорами с усеченноконусовидным дном⁵. Для амфор типа Надлиманское III характерно раздутое горло, в то время как амфоры с усеченно-

камерные горны 3-х типов³, один из которых является горном со столбовой конструкцией. Он имеет аналогии в античной традиции. Другой тип, под которого состоит из специально формованных овальных блоков-"лепешек", опирающихся на перегородку топочной камеры, считается конструкцией местного типа. Подобное устройство пода известно в Гермонассе - печь I в. н.э. и в Кепях - I в. н.э.⁴ Любопытно, что свод печей Елизаветинского городища делался из прутьев, образывавших каркас свода, который впоследствии обмазывался глиной.

Все вышеназванные горны достаточно удалены во времени от исследованного нами поселения Венцы. В 1965 г. на восточном укреплении Бельского городища была открыта простая однокамерная печь со сводом, вылепленным из глины на каркасе из толстых прутьев⁵. Очажное пятно имело форму неправильного овала размером 1,55 x 1,7 м; высота свода, по мнению Б.А.Шрамко, превышала 1 м. Температура обжига в такой печи, как было установлено экспериментальным путем, достигала 800-850°. Печь датируется IV в. до н.э.

По конструктивным особенностям печь Бельского городища представляется наиболее близкой аналогией публикуемым очагам, которые, вероятно, выглядели следующим образом: обжигательная камера была совмещена с топкой. Нижняя часть стен сложена из Г-образных блоков. Над ними располагались прямоугольные плитки с чуть выпуклой поверхностью, выше которых находился свод, сделанный из прутьев, обмазанных глиной.

Остается неясным назначение формованных конусов, не имеющих аналогий в других памятниках. О производственном их назначении говорит небрежность изготовления и формовочная масса, идентичная по составу массе плиток. Можно предположить, что данные конусы использовались как печной припас при обжиге небольших сосудов, диаметр горла которых не превышал диаметра конусов, т.е. 10-12 см. Они могли располагаться основанием на поде, а на них донцами кверху надевались сосуды. Известно, что в античных горнах в качестве подставок под сосуды во время обжига использовались отбитые донца амфор, на которые надевались некрупные сосуды. О том, что очаги использовались неоднократно, свидетельствует довольно мощный слой прокала - до 20 см толщиной, а также достаточно большой слой зо-

лы и углей. О продолжительном функционировании очагов говорит также большое количество шлака, состав которого, по определению А.А.Бобринского, аналогичен составу глиняного теста фрагментов сосудов, найденных в заполнении очагов.

Аналогии большинству керамических форм были найдены в материалах могильников и городищ Кубани VI-V вв. до н.э., количество которых пока не очень велико. Известную опасность в поисках аналогий содержит фрагментарность и немногочисленность керамического материала пос. Венцы-I.

Горшки I типа наиболее многочисленны и имеют наибольшее количество аналогий. Горшки разных размеров с отогнутым наружу венчиком известны в Келермесском⁶, Уляпских грунтовых некрополях⁷, в погребениях Большого Петропавловского могильника⁸, в объектах Начерзия⁹, на поселении Заслонка¹⁰, Петропавловское¹¹, пос. № 2 Ульского пенькозавода, на пос. Медовка¹², в слое VI-V вв. до н.э. Семибратнего городища¹³, в слое IV в. до н.э. Новолабинского городища¹⁴. В правобережных кубанских памятниках раннемеотского времени тип горшков с отогнутым венчиком встречается несколько реже. Во второй хронологической группе Усть-Лабинского могильника № 2 встречены 2 небольших горшка с короткими отогнутыми венчиками¹⁵, 2 сосуда найдены в разрушенном погребении второй половины VII - начала VI вв. до н.э. у хутора Ленина¹⁶. Достаточно своеобразный горшок с отогнутым высоким венцом происходит из погребения 2 раскопа I могильника городища № 2 у х. Ленина¹⁷.

Видимо, горшки с отогнутым венчиком более характерны для левобережных памятников Кубани, нежели для правобережных.

Горшки II типа с вертикальным коротким венчиком встречены в Келермесском грунтовом могильнике¹⁸ в Ново-Пеховском, на поселении № 2 у Ульского пенькозавода¹⁹. Подавляющая часть фрагментов аналогичных горшкам II типа происходит из поселений. Присутствуя в материалах VI в. до н.э., подобные сосуды живут и позже.

Горшки III типа с загнутым внутрь венчиком чаще встречаются в памятниках Краснодарской группы: могильник городища № 3 у х. Ленина²⁰, могильник городища № 3 у ст. Старокорсунская²¹. На левобережье - они найдены в комплексах могильника

Начерзий²². В памятниках Закубанья восточнее Псекупса этот тип встречается реже: несколько фрагментов подобных горшков найдены в скоплении керамики кургана 13 Уляпского могильника № 2, несколько фрагментов происходят из шурфов пос. № 2 Ульского пенькозавода²³.

Корчаги с отогнутым широким венцом и коническим горлом в Прикубанье встречены в единичных комплексах: в могильнике № 2 у ст. Тбилисской²⁴, в одном из наиболее ранних погребений могильника городища № 3 у х. Ленина²⁵, в материале раннего слоя городища № 6 у ст. Кавказской²⁶. В памятниках Закубанья этот тип появляется во второй половине VII в. до н.э. (Келермесский грунтовый могильник), существует он и в памятниках VI-V вв. до н.э. - Уляпский могильник № 2, пос. № 2 Ульского пенькозавода, Большой Петропавловский могильник.

Лепные кружки с биконическим туловом и отогнутым венчиком достаточно типичны для памятников раннемеотского периода на Кубани - могильник у ст. Старокорсунской, ранние комплексы могильников у городищ 1, 3 у х. Ленина, могильник № 2 у аула Уляп, разрушенные погребения VI-V вв. до н.э. из могильника Форштадт под Армавиром²⁷.

Миски I и II типов имеют многочисленные аналогии в выше-названных памятниках VI-V вв. до н.э. Аналогии миски III типа мне не известны.

В заключение надо отметить некоторые особенности публикуемого памятника, который является пока единственным в данном районе Закубанья. Он относится к типу степных раринных неукрепленных поселений или селищ раннего железного века. В результате разведок, произведенных на Кубани в послевоенные годы и раскопок последних лет на многих поселениях отмечалось наличие зольников или зольных пятен, которые получили также название "жильх холмов". Эти холмы содержат слой, сильно насыщенный золой с прослойками глины. Как считает И.С. Каменецкий, зольники - "это культовые места, связанные с культом очага, который делал священным и золу из очагов"²⁸. Однако представляется, что зольные пятна поселения Венцы I - это не культовые места, а участки, связанные с комплексом производственных обжигательных очагов. Надо отметить, что слои, силь-

но насыщенные золой, на поселении Венцы содержали также фрагменты керамики, турлучной крошки и остеологический материал. О производственном назначении очагов свидетельствовали остатки обжаренной посуды и шлаков.

Проблемной остается этническая оценка памятника. Как упоминалось, в непосредственной близости от поселения располагалась курганная группа с погребениями, синхронными поселениям. Работы на курганах проводила экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством Бочкарева В.С. Материалы погребений пока не опубликованы. Однако, надо отметить в целом кочевнический характер курганных комплексов. В этой связи поселение может являться сезонным селищем, или летовкой данной группы населения степного Закубанья. Вместе с тем, рассмотренный керамический комплекс находит аналогии в меотских памятниках Кубани, поэтому вопрос о культурно-этнической принадлежности поселения Венцы I остается пока открытым.

Дальнейшее изучение памятников этого района, без сомнения, позволит более четко сформулировать специфические особенности региона в эпоху раннего железного века.

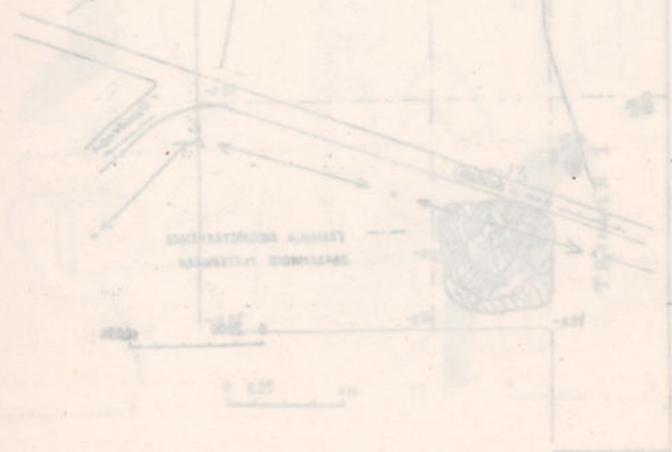
1. Бочкарев В.С., Шарафутдинова Э.С. Отчет КЭ ЛОИА АН СССР за 1988 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 13419, 13420, рис. II4.
2. Шилов В.Н. Новые данные о Елизаветинском городище. СА, вып. XXIII, 1955, с. 230-235.
3. Городцов В.А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники. - СА, вып. I, 1936, с. 175-176.
4. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. - САИ, Г1-20, 1966, с. 33-34, табл. 25. 2-5.
5. Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987, с. II3.
6. Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами. - СА, 1985, № 3, с. 159, рис. 3, 12.
7. Лесков А.М. и др. Отчет о работе КАЭ ГМИНВ в 1983 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9855.

8. Гей А.Н. Отчет о работе Курганинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1982 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9856, рис. 104, 134б, 174.
9. Ждановский А.М. Отчет об исследовании курганного могильника близ аула Начерзий Теучежского района Адыгейской АО, проводившихся в 1976 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6169, с. 118.
10. Фонды Краснодарского государственного музея-заповедника.
11. Гей А.Н. Указ. отчет, рис. 682, 684.
12. Работы КАЭ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
13. Анфимов Н.В. Отчет о работах на Семибратнем городище в 1951 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 622, рис. 14, 15.
14. Анфимов И.Н. Отчет о работе на Новолабинском городище № 2 в 1984 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 10542б, рис. 254, 342, 343.
15. Анфимов Н.В. Место-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, с. 164.
16. Каминский В.Н. Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара. - СА, 1987, № 2, с. 256, рис. 2, 2-3.
17. Лимберис Н.Ю. Отчет Краснодарской археологической экспедиции за 1983 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9462а, рис. 9, 10.
18. Галанина Л.К. Указ.соч., с. 158, рис. 2,4, с. 159, рис. 3.3.
19. Работы КАЭ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
20. Лимберис Н.Ю. Указ.отчет, рис. 6.11.
21. Кондрашев А.В. Отчет о раскопках грунтового могильника в ст. Старокорсунской в 1986 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 113702, рис. 534.
22. Ждановский А.М. Указ.отчет, с. 118.
23. Работы КАЭ ГМИНВ в 1990 г. Материалы хранятся в фондах ГМИНВ.
24. Анфимов Н.В. Отчет о разведках в Краснодарском крае в 1953 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 822, с. 36, фото.
25. Лимберис Н.Ю. Указ.отчет, рис. 5, фото 7, рис. 9.9.

26. Анфимов Н.В. К вопросу о восточной границе распространения местных племен. - В кн.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981, с. 63.
27. Материалы хранятся в фондах Армавирского краеведческого музея.
28. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Восточного Кавказа. - В кн.: Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, с. 235.

Список иллюстраций

1. Ситуационный план поселения Венцы-1
2. План раскопа
3. Керамика: 1-8 - горшки I типа, 9-15 - горшки II типа, 16-21 - горшки III типа, 22-24 - корчаги
4. Керамика: 1-3, 11 - миски, 4-5 - кружки, 6 - крышечка, 7-10 - ручки сосудов
5. Конусы
6. Плитки

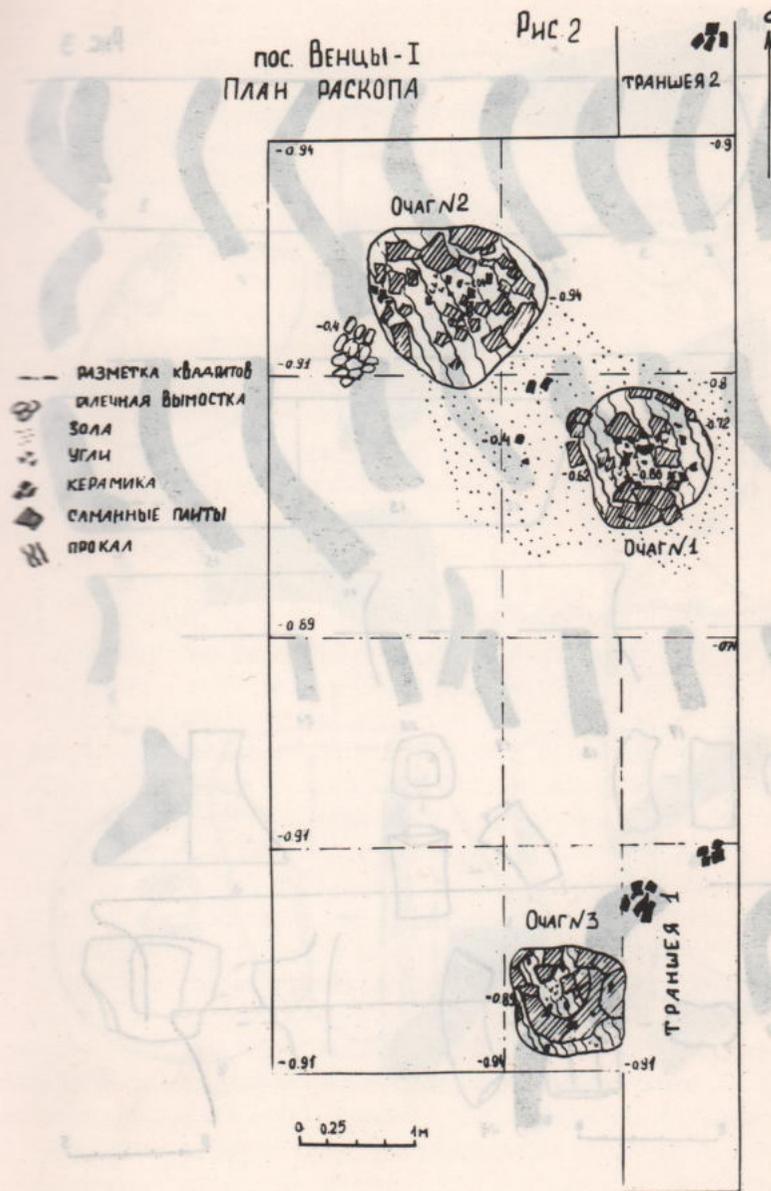
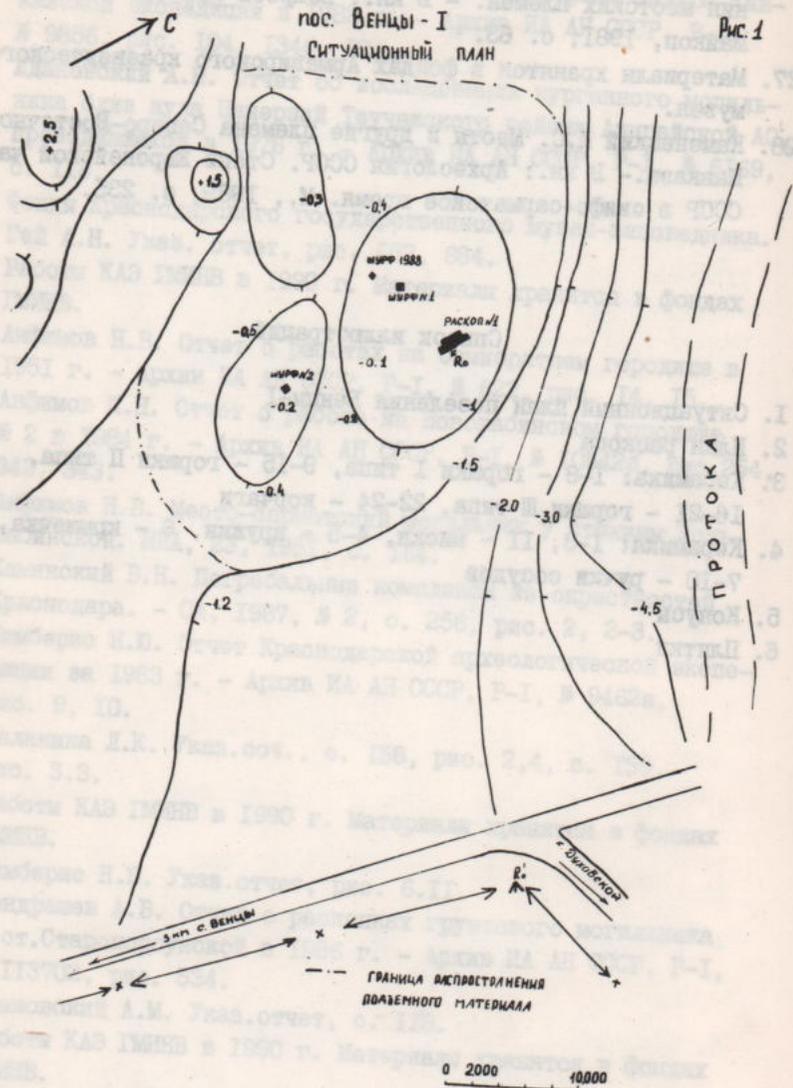

Рис. 3

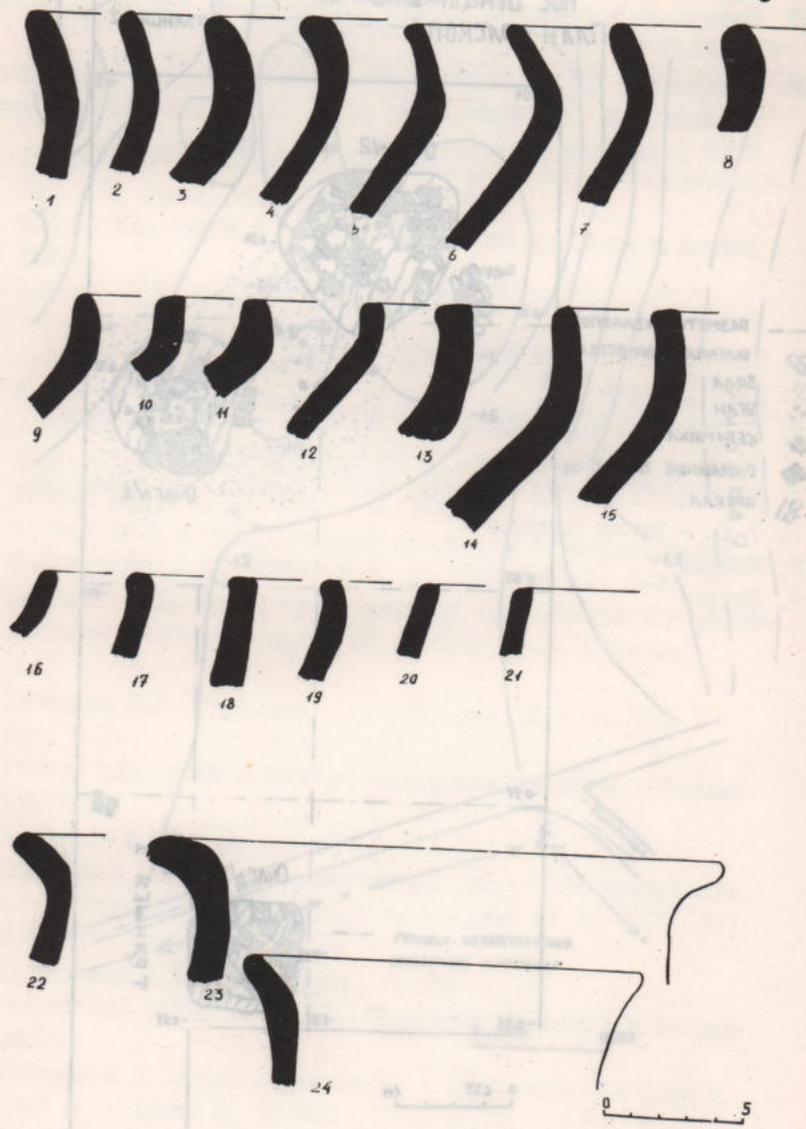

Рис. 4

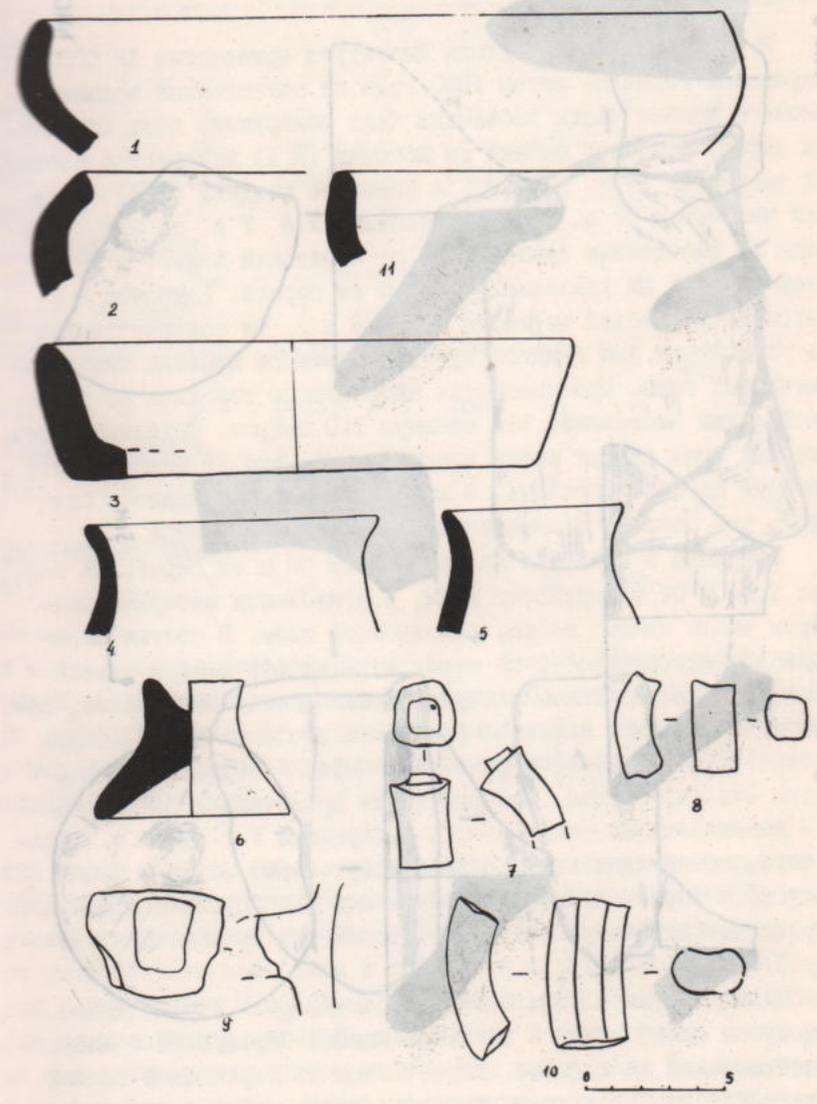

Рис. 5

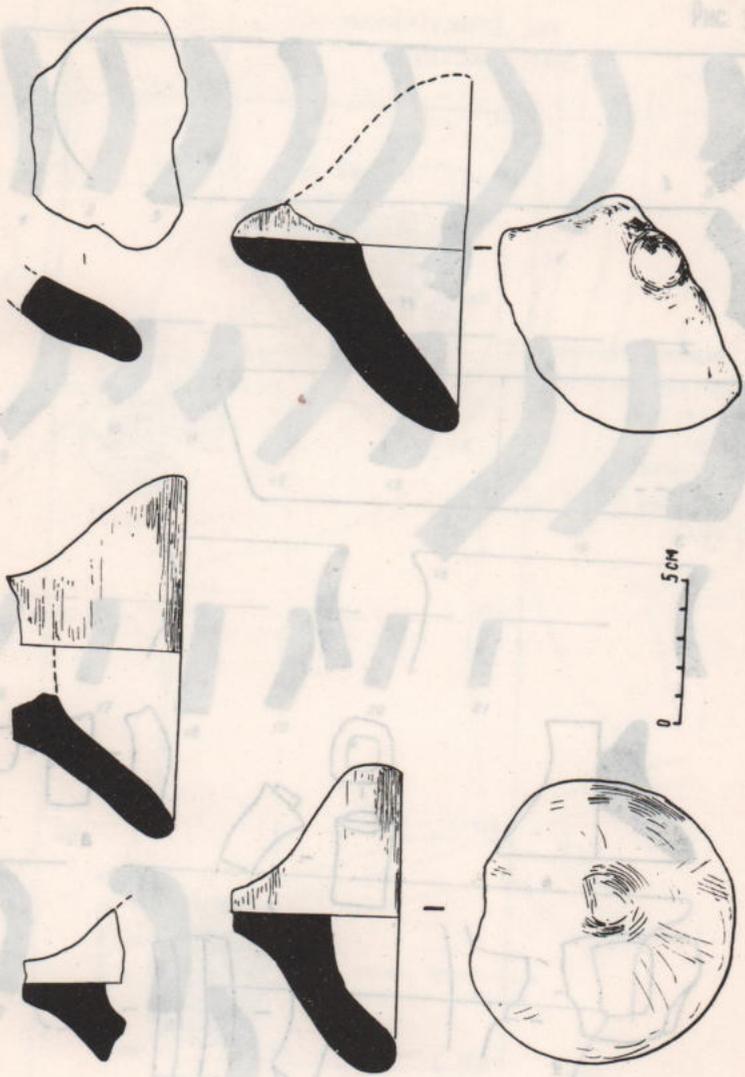
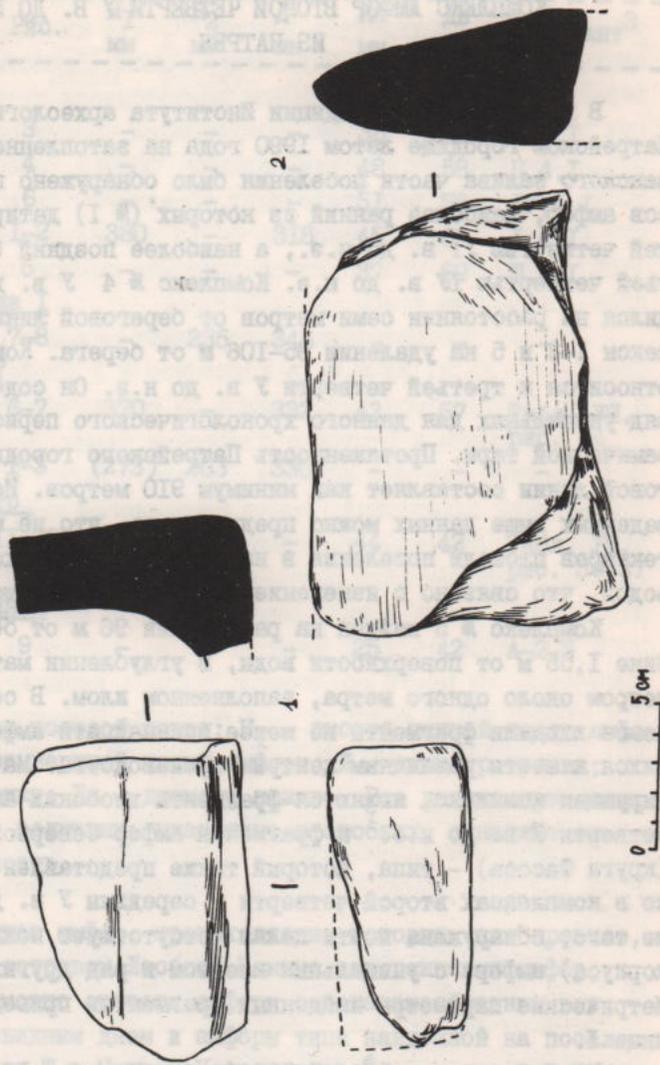

Рис. 4

Рис. 3

Рис. 6

А.П.Авдеев, В.С.Савельев
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100
 101
 102
 103
 104
 105
 106
 107
 108
 109
 110
 111
 112
 113
 114
 115
 116
 117
 118
 119
 120
 121
 122
 123
 124
 125
 126
 127
 128
 129
 130
 131
 132
 133
 134
 135
 136
 137
 138
 139
 140
 141
 142
 143
 144
 145
 146
 147
 148
 149
 150
 151
 152
 153
 154
 155
 156
 157
 158
 159
 160
 161
 162
 163
 164
 165
 166
 167
 168
 169
 170
 171
 172
 173
 174
 175
 176
 177
 178
 179
 180
 181
 182
 183
 184
 185
 186
 187
 188
 189
 190
 191
 192
 193
 194
 195
 196
 197
 198
 199
 200

КОМПЛЕКС АМФОР ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ У В. ДО Н.Э.
ИЗ ПАТРЕЯ

В ходе работы экспедиции Института археологии АН СССР на Патрейском городище летом 1990 года на затопленной водами Таманского залива части поселения было обнаружено пять комплексов амфор, наиболее ранний из которых (№ 1) датируется последней четвертью VI в. до н.э., а наиболее поздний (№ 3) – третьей четвертью IV в. до н.э. Комплекс № 4 У в. до н.э. находился на расстоянии семи метров от береговой линии, а комплексы 1–3 и 5 на удалении 95–106 м от берега. Комплекс № 2 относится к третьей четверти У в. до н.э. Он содержит целый ряд уникальных для данного хронологического периода типов керамической тары. Протяженность Патрейского городища по береговой линии составляет как минимум 910 метров. Исходя из приведенных выше данных можно предполагать, что не менее девяти гектаров площади поселения в настоящее время находятся под водой, что связано с изменением уровня Черного моря.

Комплекс № 5 найден на расстоянии 96 м от берега на глубине 1,55 м от поверхности воды, в углублении материка диаметром около одного метра, заполненном илом. В состав комплекса входили фрагменты не менее одиннадцати амфор, относящихся к шести различным центрам производства. Материалом, датирующим комплекс, являются фрагменты хиосских амфор второй четверти У в. до н.э.¹ и фрагменты амфор Северной Эгеиды I (круга Фасоса) – типа, который также представлен исключительно в комплексах второй четверти – середины У в. до н.э.² Кроме того, обнаружена почти целая (отсутствует ножка и часть корпуса) амфора с уникальным клеймом и ряд других сосудов. Метрические параметры найденных фрагментов приведены в таблице I.

Нижняя часть амфоры № 583 (табл. II, рис. II-12) имеет сужающуюся книзу ножку с вогнутой нижней образующей и конусовидной выемкой на подошве, изготовлена из коричневой тонкой глины с блестками слюды. Сужающаяся книзу ножка в сочетании с "шаровидным" в верхней части корпусом определяют своеобраз-

Таблица I

№ п.оп.	Табл.	Рис.	H ₁ мм	H ₂ мм	Д мм	Hн мм	Дн мм	Вариант ³
<u>Лесос</u>								
195	I	3	-	-	-	36	60	I,4,I
493	I	4	-	-	-	48	58	II,4,I
323	I	6	-	-	-	51	58	IV,4,I
512	I	I-2	380	-	318	45	63	I,4,I
2604	I	5	-	-	-	37	60	III,4,I
<u>Северная Эгеида I</u>								
490	I	7-8	-	235	346	-	-	-
<u>Фивы?, Беотия?</u>								
518	II	6-7	370	-	332	43	57	Табл. УШ, рис. 34
241	II	I-3	(273)	203	330	-	-	-
<u>Эолийский центр</u>								
583	II	II-12	-	-	-	44	42	Табл. УШ, рис. 36-37
<u>Северная Греция A</u>								
411	I	9	-	-	-	25	42	A-2,5

№ п.оп. – номер полевой описи; H₁ – высота нижней части амфоры; H₂ – высота верхней части амфоры; Д – диаметр тулова; Hн – высота ножки; Дн – диаметр ножки. Все данные приведены в миллиметрах, величины, указанные в скобках, означают неполную сохранность.

ную форму корпуса амфор, происхождение которых, как правило, связывается с островом Лесбос. Помимо сероглиняных амфор, к данной группе можно отнести амфоры со стаканообразным или усеченноконусовидным дном и амфоры типа найденной на поселении Надлиманское III в Нижнем Поднестровье⁴, которые В.В.Рубан, без достаточных оснований, объединяет в одну группу с амфорами с усеченноконусовидным дном⁵. Для амфор типа Надлиманское III характерно раздутое горло, в то время как амфоры с усеченно-

конусовидным дном имели горло прямое или в форме усеченного конуса. Кроме того, амфоры типа Надлиманское III характеризуются ножками с округленной подошвой⁶, что никогда не наблюдается у амфор с усеченноконусовидным дном. Представляется более верным рассматривать в данном разнообразии продукцию различных центров производства, выпускавших керамическую тару в различные хронологические периоды. Однако, несомненная близость некоторых черт позволяет объединить их в одну более общую группу, которую возможно более правильно именовать эолийской⁷, наиболее мощные винодельческие центры которой находились, вероятнее всего, на о.Лесбос.

Данное предположение подкрепляет находка почти целой амфоры конца VI в. до н.э. в комплексе № I (табл. II, рис. 8, № п.оп. 24). Амфора изготовлена из светло-коричневой глины с серым закалом в центре и блестками слюды. Поверхность покрыта плотным светлым ангобом. Венчик в форме валика с уплощенной верхней образующей, горло сдавлено со стороны ручек, ручки круглые, снабжены у нижнего места прикрепления рельефным валиком. Максимальный сохранившийся диаметр 260 мм. Корпус шаровидный, ножка в виде расширяющегося книзу кольцевого поддона диаметром 46 мм и высотой 38 мм, выемка в сечении цилиндрическая. На месте соединения горла с верхней частью корпуса и в нижней части ножки по два желобка. Имеется рельефный уступ под венчиком. Высота горла - 126 мм, диаметр по венчику - 110 мм.

Завершая рассмотрение амфор данной группы, попробуем выделить их общие морфологические признаки. В таблице 2 даны также встречающиеся на горлах графито, выполненные по сырой глине.

Сероглиняные лесбосские амфоры известны с VIII по IV вв. до н.э.; амфоры с усеченноконусовидным дном встречаются с VII по начало V вв. до н.э.; амфоры типа Патрей № 27 засвидетельствованы единственным комплексом последней четверти VI в. до н.э.; амфоры типа Надлиманское III и типа Патрей № 583 встречаются в комплексах начиная со второй четверти V в. до н.э.

Особый интерес среди материалов комплекса № 5 представляет амфора (отсутствует ножка и часть корпуса) № 24I с релье-

Таблица 2

Морфологические признаки графито	Сероглиняные	Усеченноконусовидное дно	Тип Надлиманское III	Тип Патрей 583 27	Литература
Рельефный валик под венчиком	+	+	+	?	+
Круглые ручки	+	+	+	?	+
Валик нижнего края ручки	-	+	+	?	+
Суживающаяся книзу ножка	+	+	+	+	-
Шаровидная верхняя часть корпуса	+	+	+	+	+
Сдавленное в центральной части горло	+	-	+	?	-
Графито:					
	2	2	2	-	- 8
	I	-	I	-	- 9
	I	-	-	-	- 10
	I	-	-	-	- 11
	-	2	-	-	- 12
	-	-	I	-	- 13

(+) - наличие; (-) - отсутствие; (?) - целые экземпляры неизвестны; цифры - количество известных экземпляров.

фным анэпиграфным клеймом на ручке (табл. II, рис. I-3). Сохранившаяся высота (без ножки) - 480 мм, глубина - 450 мм. Глина светло-коричневая, иногда розовая. Блестки слюды видны на поверхности. Амфора покрыта красноватым ангобом, поверхность красного - светло-желтый ангоб, менее прочный. Венчик трапециевидной в разрезе формы. Диаметр по венчику - 104 мм. Горло расширяющееся книзу, высотой 120 мм. Ручки в разрезе имеют округлые очертания в верхней части и уплощенные - в нижней. Горло сдавлено со стороны ручек, у основания обеих ручек

пальцевне вдавления. Клеймо располагается в центре вертикального участка ручки с внешней стороны. Клеймо эллипсовидной формы, с изображением сосуда с туловом овальной формы и расширяющимся горлом. Ножка едва намечена (табл. II, рис. 3).

Среди подъемного материала, найденного на Патрейском городище в 1990 году, присутствует клеймо с изображением амфоры. Клеймо рельефное, оттиснуто на вертикальной части ручки с внешней стороны. Изображенная на клейме амфора имеет овальное тулово с наибольшим расширением в средней части, широкое воронкообразное горло, ручки, высоко поднятые над венчиком и соединяющиеся с краем горла характерным спиралевидным завитком. Ножка едва намечена. Размеры клейма 23 x 15 см. Ручка, на которой нанесено клеймо, овальная в разрезе, уплощенная, глина с включениями слюды (табл. II, рис. 4).

Сходство клейма, найденного на Патрейском городище, с оттиснутым на ручке почти целой амфоры из комплекса № 5 не вызывает сомнения. Таким образом, мы имеем дело с группой клейменной керамической тары второй четверти V в. до н.э., которая до сих пор не привлекала внимание исследователей.

Известно, что клейма на амфорах V в. до н.э., как правило, дублируют монетные эмблемы полисов, их выпускавших¹⁴. Опираясь на данное обстоятельство, получаем возможность определения центра производства амфор рассматриваемого типа. При этом необходимо учитывать следующие моменты. Во-первых, амфоры с высокоподнятыми над верхним краем горла ручками со спиралевидным завершением встречаются на керамических клеймах в эпоху эллинизма довольно часто, например, на клеймах Фасоса¹⁵ и Коринфа¹⁶. Во-вторых, сравниваемые эмблемы на монетах и клеймах должны быть синхронны. Кроме того, монетная эмблема должна иметь широкое распространение, то есть в определенной мере являться символом определенного полиса.

Наиболее близка эмблема встречена на дидрахме Фив, датированной ок. 455 г. до н.э.¹⁷ Амфора, изображенная на монете, имеет почти шаровидный корпус, с которым соединяется воронкообразное горло. Ручки аналогичны ручкам амфоры на клейме из Патрея. Однако амфора, изображенная на фиванской монете, имеет четко выделенную ножку в виде широкого поддона, которо-

го нет на наших клеймах (табл. II, рис. 5). Однако, можно попытаться объяснить данное несоответствие. Клейма оттиснуты небрежно, в одном случае не поместилась правая ручка (табл. II, рис. 4), во втором не осталось места для левой (табл. II, рис. 3), так что первой причиной ее отсутствия может являться простая случайность. Не возникает сомнения в том, что на монете изображена "столовая", а отнюдь не тарная амфора. Об этом говорит не только широкая ножка, но и необычная для тарной керамики форма ручек, не встречающихся у амфор как рассматриваемого, так и последующего периодов. Данная эмблема имела достаточно широкое распространение в монетной чеканке Фив и в IV в. до н.э.¹⁸ Однако, амфоры на монетах IV в. до н.э. имеют корпус с максимальным расширением в верхней части, сохраняя все остальные признаки. Место расположения клейма на ручке амфор также является отличительным признаком данной группы керамической тары.

Учитывая приведенные выше данные, говорящие как за, так и против сопоставления вышеописанной группы клейм с фиванскими монетами и, помимо всего прочего, их синхронность, можно предположить происхождение и монет, и амфор из одного центра.

По характеру глины, наличию двухслойного ангоба и по метрическим параметрам к данной группе принадлежит и нижняя часть амфоры № 518 из комплекса № 5. В итоге мы получаем возможность судить о характере всех профилированных частей рассматриваемой группы амфор, включая ножку, которая расширяется книзу и имеет вогнутую нижнюю образующую и глубокую конусовидную выемку на подошве (табл. II, рис. 6-7). Целая амфора данного типа происходит из комплекса № 7:3 афинской Агоры, датированного серединой V в. до н.э., кроме того, В.Грейс указывает на наличие подобной амфоры и в комплексе второй четверти V в. до н.э.¹⁹

Таким образом, помимо локализации и хронологического определения одной из ранних для Северного Причерноморья групп клейм на ручках амфор, можно сделать следующие выводы. В материале Патрея и Афин выделяется группа амфор второй четверти V в. до н.э., которая имеет следующие отличительные морфологические признаки. Наличие расширяющейся книзу ножки с вогну-

той нижней образующей и глубокой конусовидной выемкой на подошве, что никогда не встречается у одновременных амфор Фассоса и Менды, с которыми рассматриваемая группа имеет определенные черты сходства. Кроме того, эти амфоры имеют высоту ок. 500 мм, максимальный диаметр 316-332 мм и конусовидную форму тулова. Клейма располагаются в центре вертикальной части ручки, у нижнего основания ручек наблюдаются пальцевые вдавления. Есть основания считать центром производства рассматриваемой группы амфор Беотию.

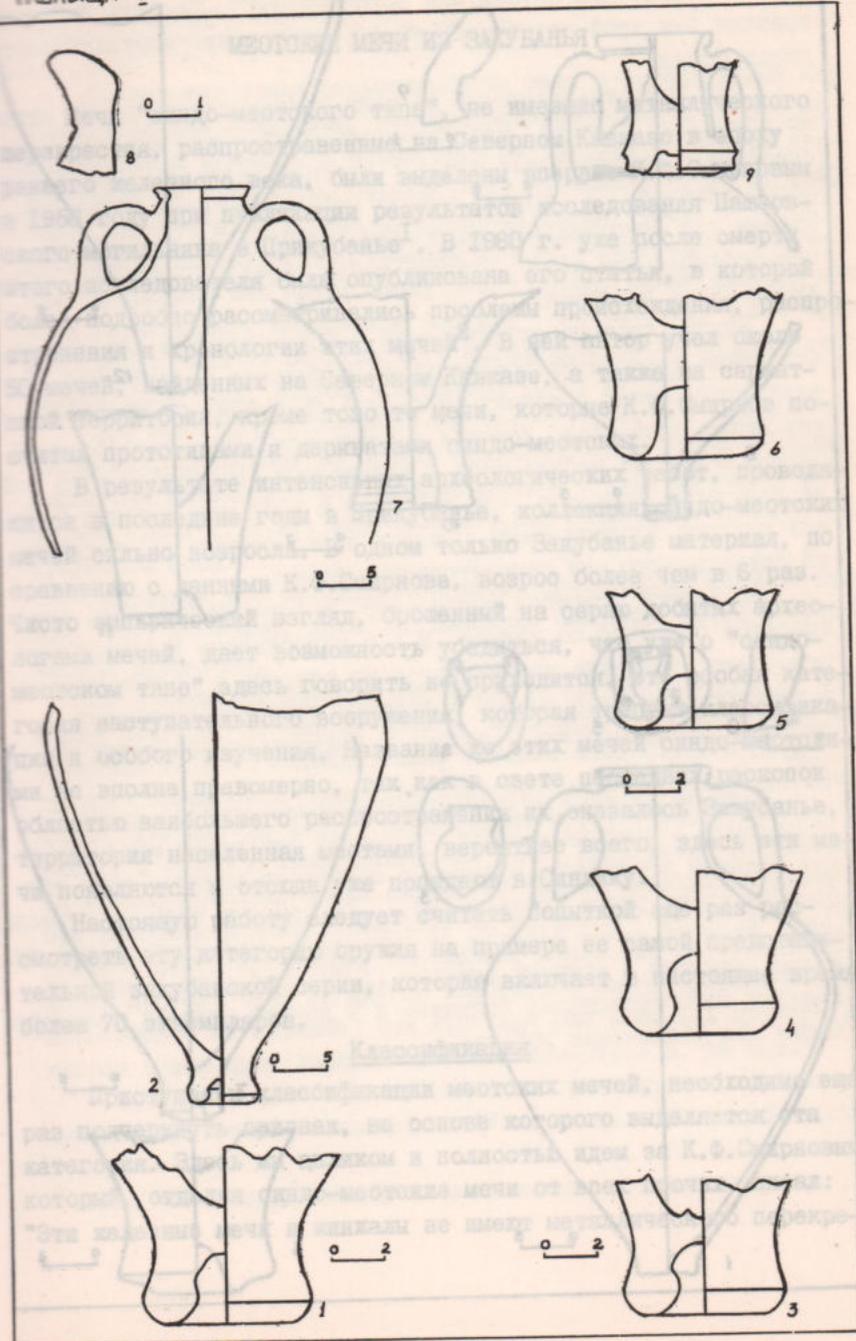
Наличие в составе комплекса ножки амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне (Северная Греция А) только подтверждает датировку данного комплекса. Представляется, что эти амфоры не поступали в Северное Причерноморье позднее середины V в. до н.э. (табл. I, рис. 9, № 4II)²⁰.

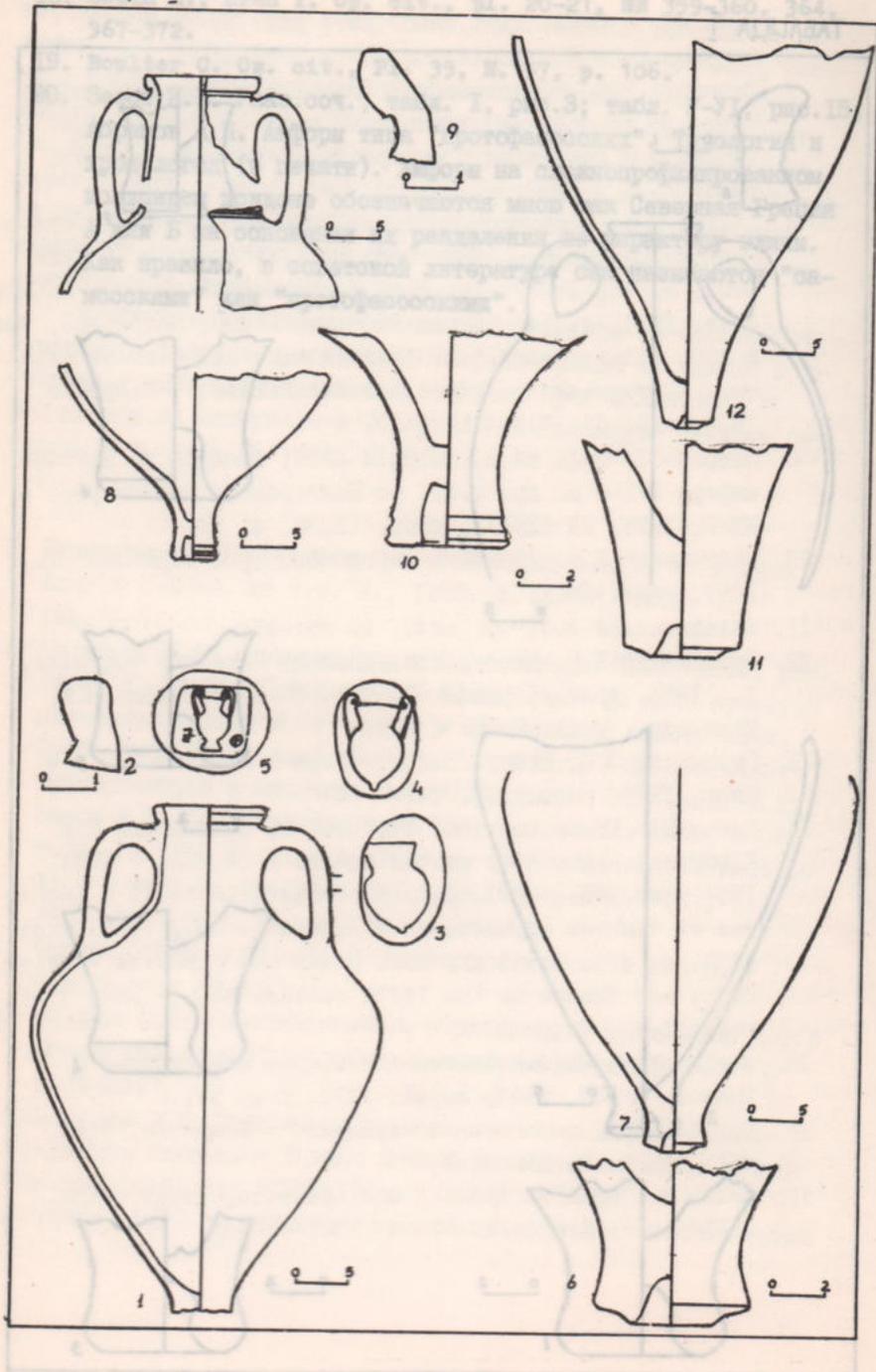
1. Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V-III вв. до н.э. Л., 1980, с. 15-16, табл. I, рис. 2-3.
2. Кутайсов В.А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990, рис. 14.3, с. 38-29; Лейпунская Н.А. Амфоры. - В кн.: Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987, рис. 32.9; рис. 33.2, с. 94; Кажидзе А. Восточное Причерноморье в античную эпоху. Батуми, 1981, табл. X.I; Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. - МИА, 1960, № 83, табл. VII.186; Boulter C. Pottery of the mid-fifth century from a well in the Athenian Agora. *Hesperia*, 1953, vol. XXII, N. 2, pl. 39, N. 158, с. 106.
Термин Северная Эгеида I обозначает в данной статье амфоры этой группы.
3. Абрамов А.П. Классификация и периодизация фрагментов амфор второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. - СА (в печати).
4. Мелюкова А.И. Поселение Надлиманское III на берегу днестровского лимана. - В кн.: Исследования по античной археологии юго-запада УССР". Киев, 1980, рис. 3.7.
5. Рубан В.В. О хронологии красноглиняных амфор с коническими

- ножками. - КСИА, 1990, вып. 197, рис. 3, с. 17-18.
6. Абрамов А.П. Указ.соч., табл. IV, группа В.
 7. Завойкин А.А. Некоторые методические проблемы изучения торговли товарами, перевозимыми в керамической таре. - Традиции и инновации с материальной культуре древних обществ. М., 1990, с. 89.
 8. Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на Северо-Востоке Понта. М., 1980, табл. IV.45; Зеест И.Б. Указ. соч., с. 74; Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981, с. 54; Патрей-85, пмм, № 209; Патрей-85, пмм, № 208; Clinkenbeard V.G. Lesbian wine and storage amphoras. A progress report on identification. - *Hesperia*, 1982, vol. 51, N.2, Pl. 71,7.
 9. Патрей-86, P-I, кв.2, шт.8, № 150I; Лазаров М. Античные амфоры (VI-I в. пр. н.э.) от Българското Черноморие. - ИИМВ, 1973, IX (XXIV), табл. IX,88, с. 19.
 10. Гайдукевич В.Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. М., 1987, табл. 78,1.
- II. Clinkenbeard V.G. Op. cit., с. 251-252.
12. Брашинский И.Б. Методы исследования античной торговли. Л., 1984, прил. I, табл. 4, № I, с. 177; Онайко Н.А. Указ.соч., табл. III.6I.
 13. Охотников С.Б. Нижнее Поднестровье в VI-V вв. до н.э. Киев, 1990, рис. 9,16.
 14. Зеест И.Б. Указ.соч., с. 77, рис. 3; Брашинский И.Б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной. - КСИА, 1963, вып. 95, с. 21, рис. 6; Peristeri-Ototzi C. Amphores et timbres amphoriques d'Abdere. - BCH, 1986, suppl. XIII, с. 491; Mattingly H.V. Goins and amphoras - Chios, Samos and Thasos in the fifth century B.C. - JHS, 1981, vol. CI, с. 78.
 15. Garlan Y. Quelques nouveaux ateliers amphoriques a Thasos. - BCH, 1986, suppl. XIII, fig. 37.
 16. Koehler C.G. Amphoras on amphoras. - *Hesperia*, 1982, vol. 51, N. 2, Pl. 78,8.
 17. Colin H., Krau Y. Archaic and classical Greek Goins. California, 1976, Pl. 19, N. 350, с. 359.

18. Colin H., Krau Y. Op. cit., pl. 20-21, NN 359-360, 364, 367-372.
19. Boulter C. Op. cit., Pl. 39, N.157, p. 106.
20. Зеест И.Б. Указ.соч., табл. I, рис.3; табл. У-УІ, рис.15; Абрамов А.П. Амфоры типа "протофасосских". Типология и хронология (в печати). Амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне обозначаются мною как Северная Греция А или Б на основании их разделения по характеру глины. Как правило, в советской литературе они называются "самосскими" или "протофасосскими".

ТАБЛИЦА I

МЕОТСКИЕ МЕЧИ ИЗ ЗАКУБАНЬЯ

Мечи "синдо-меотского типа", не имевшие металлического перекрестия, распространенные на Северном Кавказе в эпоху раннего железного века, были выделены впервые К.Ф.Смирновым в 1958 году при публикации результатов исследования Пашковского могильника в Прикубанье¹. В 1980 г. уже после смерти этого исследователя была опубликована его статья, в которой более подробно рассматривались проблемы происхождения, распространения и хронологии этих мечей². В ней автор учел около 50 мечей, найденных на Северном Кавказе, а также на сарматской территории, кроме того те мечи, которые К.Ф.Смирнов почитал прототипами и дериватами синдо-меотских.

В результате интенсивных археологических работ, проводящихся в последние годы в Прикубанье, коллекция синдо-меотских мечей сильно возросла. В одном только Закубанье материал, по сравнению с данными К.Ф.Смирнова, возрос более чем в 6 раз. Чисто эмпирический взгляд, брошенный на серию добытых археологами мечей, дает возможность убедиться, что уже о "синдо-меотском типе" здесь говорить не приходится, это особая категория наступательного вооружения, которая требует классификации и особого изучения. Название же этих мечей синдо-меотскими не вполне правомерно, так как в свете последних раскопок областью наибольшего распространения их оказалось Закубанье, территория населенная меотами, вероятнее всего, здесь эти мечи появляются и отсюда уже попадают в Синдику.

Настоящую работу следует считать попыткой еще раз рассмотреть эту категорию оружия на примере ее самой представительной закубанской серии, которая включает в настоящее время более 70 экземпляров.

Классификация

Приступая к классификации меотских мечей, необходимо еще раз подчеркнуть признак, на основе которого выделяется эта категория. Здесь мы целиком и полностью идем за К.Ф.Смирновым, который, отделяя синдо-меотские мечи от всех прочих, писал: "Эти железные мечи и кинжалы не имеют металлического перекре-

стия. Навершия у них в виде короткого прямоугольного, редко слегка изогнутого бруска или серповидные³. То есть основной признак для этой категории мечей — отсутствие металлического перекрестия.

Для наиболее крупного деления внутри категории на отделы мы применили принцип, уже использовавшийся для классификации скифских и савроматских мечей^{4,5}, то есть деление на отделы по форме навершия. К первому отделу мы отнесли мечи с сегментовидным или брусковидным навершием, ко второму и третьему — те немногочисленные мечи, которые имели антенные навершия, и полдукольцевые навершия.

Внутри первого отдела мечей с брусковидными или сегментовидными навершиями производится и деление на подотделы по технологическому признаку. В основе брусковидной формы навершия лежит одна идея, которая воплощается двумя способами. В первый подотдел входят мечи с навершиями, откованными из той же железной заготовки, что и клинок с рукоятью. Кузнец зажимал клещами верхнюю часть рукояти и расковывал ее, придавая ей брусковидную или сегментовидную форму.

Во второй подотдел вошли мечи, у которых навершие отковывается отдельно от клинка. В нем пробойником пробивается отверстие, навершие насаживается на рукоять и проковывается в горячую. Подобный способ крепления наверший отмечался у скифских, савроматских, северо- и центральнокавказских мечей⁶.

Деление на типы внутри отделов происходит по форме оформления основания клинков. В первый тип вошли мечи, имеющие плавный переход от рукояти к основанию клинка, либо под большим тупым углом (больше 130°). Ко второму типу мы отнесли мечи, которые имеют переход от рукояти к основанию клинка под углом, близким к прямому (меньше 110°). Вероятно, такой же принцип типобразования применим и в других отделах классификации при увеличении выборки.

ОТДЕЛ I. Мечи с брусковидным навершием.

Подотдел I.

Тип I (табл. I, рис. I)^{*}

В этот тип вошли цельнокованные мечи с брусковидным или сегментовидным навершием, имеющие плавный переход от основания клинка к рукояти. К этому типу мы отнесли 30 мечей, происходящих из Уляпского, Серегинского могильников, из Курджипского кургана и из других пунктов Закубанья (табл. I). Эти мечи имеют вытянутое треугольное лезвие, линзовидное в сечении. В среднем они имеют длину около 65 см, самый длинный меч — из Серегинского могильника к.2 п.1 — 74 см (рис. I.6). Три меча этого типа из Серегинского могильника имеют нервы на клинке (к.2, п.1, п.198, к.2, п.10) (рис. I.5,6).

Два меча из могильника Уляп (к.12, п.14; к.13, п.3), а также меч, найденный на берегу Краснодарского водохранилища, имеют еле намеченное слабоборазширяющееся в верхней части навершие (рис. I.2,3). Подобный меч был найден и в Абхазии на Сухумской горе^{6а}.

Короткий меч из Курджипса имеет центральный желобок рукояти, это, возможно, является влиянием скифских мечей с желобчатыми рукоятями.

Что касается времени бытования мечей этого типа, то наиболее ранними, по нашему мнению, являются мечи, найденные в курганах I2 и I3 Уляпа, в полых которых были впущены наиболее древние погребения Уляпского грунтового могильника, датирующиеся VI-V вв. до н.э.⁷ Несмотря на то, что импортных вещей вместе с этими мечами найдено не было, погребения не выходят за хронологические рамки этого участка могильника. Поэтому эти наиболее ранние экземпляры мы датируем V в. до н.э., вероятнее всего его второй половиной. Появление цельнокованных мечей первого типа на другой территории зафиксировано в Елизаветовском могильнике, там этот меч был найден в кургане 24 вместе с хисской амфорой третьей четверти V в. до н.э.⁸

Остальные мечи первого типа, которые встречены с датируемыми импортами, относятся к IV в. до н.э. Меч п.46 курга-

^{*} Здесь мы приводим номер таблицы сводки и номер рисунка.

на 2 Серегинского могильника найден вместе с краснофигурным скифосом середины IV в. до н.э., а мечи из кургана 4 Уляпского могильника датируются амфорой круга Менды IV в. до н.э. Два меча из Курджипского кургана по многочисленным импортам Л.К.Галанина датирует последней четвертью IV в. до н.э.⁹

Интересен меч, найденный на землях совхоза "Труд" Гиагинского р-на Адыгейской АО (рис. I.4), а также меч из п.60 Серегинского могильника (рис. I.I). Их можно рассматривать как переходный вариант от меча скифского облика. Это мечи со слабовыраженным навершием и плавным переходом от рукояти к основанию клинка, которое имеет расширение, имитирующее перекрестие скифских "акинаков".

Эта имитация перекрестия после отковки была подчеркнута забором.

Итак, время появления мечей первого типа – вторая половина V в. до н.э., время наибольшего распространения – IV в. до н.э.

Тип II (табл. 2, рис. 2)

К этому типу мы отнесли цельнокованные мечи, имеющие переход от основания клинка к рукояти, под углом, близким к прямому.

В Закубанье нам известно 8 мечей, относящихся к этому типу. Шесть из них происходят из Серегинского могильника, два – из Уляпского могильника. В среднем мечи этого типа имеют длину 60 см, самый длинный – из погребения I44 Серегинского могильника имеет длину 73 см. Ширина лезвия в основании – 5-6 см.

Меч из кургана 5 Уляпа надежно датируется по греческим импортам первой половиной IV в.¹⁰ Остальные мечи – IV-III вв. до н.э. по суммарной дате ранней хронологической группы Серегинского могильника.

Подотдел П

В этот подотдел мы отнесли мечи, имеющие брусковидное навершие, которое отковано отдельно, насажено на черенок рукояти и проковано в горячую.

ТИП I (табл. 3, рис. 3,4)

Мечи этого типа имеют плавный переход от рукояти к основанию клинка, либо под большим тупым углом. В Закубанье мы знаем I4 таких мечей, происходящих из Уляпского, Начерзийского и Серегинских могильников, из устья р. Псекупс и с территории совхоза "Труд" Гиагинского р-на. Все мечи этого типа в среднем имеют длину около 60 см и ширину основания клинка 5-6 см. Массивный меч из к.30 Начерзийского могильника имеет длину 70 см и ширину клинка в основании II см. Этот меч принадлежал тяжеловооруженному конному воину и был встречен вместе с панцирным доспехом¹¹.

Лезвия мечей этого типа – в виде вытянутого треугольника, линзовидные в сечении, за исключением одного небольшого кинжала, происходящего с участка УI-У вв. до н.э. Уляпского могильника (к.I2, п.2I), сечение клинка которого – ромбическое. Этот кинжал по размеру и по сечению лезвия близок к мечам скифского облика, найденным в этой же части могильника. Однако, вероятнее всего он не имел перекрестия, что дает возможность отнести его к наиболее раннему варианту меотских мечей этого типа и датировать финальным временем использования этого участка могильника – концом V в. до н.э.

Все остальные мечи укладываются по надежно датирующим импортам в IV – начало III вв. до н.э. Меч из кургана 5 Уляпа датируется первой половиной IV в. до н.э. Наиболее поздним является меч из скопления 23 Серегинского могильника, который по амфоре, являющейся вариантом Усть-лабинского типа, можно датировать концом IV – началом III в. до н.э.¹²

ТИП II (табл. 4, рис. 5)

Мечи этого типа имеют отдельно откованное и насаженное навершие и переход от рукояти к клинку под углом, близким к прямому. Мы учли I2 мечей из Закубанья, относящиеся к этому типу. Меотские мечи этого типа наиболее длинные, достигающие длины более метра, как, например, меч из погребения 20 кургана 2 Серегинского могильника, имеющий длину I05 см (рис.5.5). В среднем же длина мечей этого типа 70-80 см, ширина основания клинка от 4 до 8 см. Наиболее массивным в нашей серии

является второй меч из к.30 Начерзийского могильника длиной 86 см, имеющий ширину основания клинка II см.

Интересен меч из п.86 (1986 г.) Серегинского могильника. У него навершие меча имеет не брусковидную, а цилиндрическую форму (рис. 5.4)¹³.

Мечи этого типа встречаются в Прикубанье: в Пашковском¹⁴, Усть-Дабинском¹⁵ могильниках. Встречены они и на Нижнем Дону¹⁶.

Наиболее ранний меч этого типа в нашей серии имеет нервы на клинке и происходит из п.II кургана 4 Уляпа, сооруженного в I половине IV века до н.э. Остальные мечи следует суммарно датировать IV—III вв. до н.э.

ОТДЕЛ П. Мечи с антенным навершием

Подотдел I

В первый подотдел этого отдела мы отнесли два меча, имеющие собственно антенные навершия. Это меч из п.3I раскопа 2 Серегинского могильника и меч из погребения 59 Курганинского кургана-кладбища. Еще один меч с навершием в виде волют найден на правом берегу р.Кубани в могильнике Старокорсунского городища (раск. А.Кондрашова, 1986 г.). Меч из Серегинского кургана имеет антенное навершие в виде простых волют, распространенное у скифских мечей; у него нет металлического перекрестия, переход от рукояти к клинку — под углом, близким к прямому. Длина меча 70 см. Ширина основания клинка 6 см (рис. 6.I).

Навершие меча из Курганинска является модификацией простого антенного навершия. Этот экземпляр также имеет переход от рукояти к клинку под углом, близким к прямому.

Меотские мечи с простым антенным навершием достаточно редки и на других территориях. Из Нижнего Подонья происходит меч, найденный в кургане 2 у поселка Северный¹⁷. Он имеет комбинированное навершие: к брусковидному дополнительно наварины две волюты, что по форме воспроизводит навершие скифского меча в виде простых волют. Дата комплекса — IV в. до н.э.

Из Пятигорья (ущелье Каррас) происходит небольшой меч с четко выделенным центральным ребром, свойственным скорее

клинку меча скифского облика, и антенным навершием, близким скорее к когтевидному, или простому антенному. Как утверждает опубликовавший этот меч Б.В.Виноградов, он изначально не имел металлического перекрестия¹⁸.

Еще один меч, навершие которого можно отнести собственно к антенным, происходит из Кабардино-Балкарии, из могильника Чегем II¹⁹, из комплекса, датирующегося не позднее II в. до н.э.

При публикации меча из Чегема Б.М.Керефов привел в качестве аналогий сарматские мечи с антенным навершием I в. до н.э. — первых веков н.э.²⁰ Эти мечи происходят с территории Украины и Поволжья. Украинский меч из с.Новолуганского сохранился фрагментарно и нельзя определенно сказать имел или не имел он металлическое перекрестие²¹. Мечи из с.Сидоры²² и Барановского могильника²³ в Поволжье имеют металлические перекрестия и восходят к прохоровским мечам, а когтевидная форма навершия — к савроматским прототипам. В целом, как считает автор публикации одного из мечей, этот тип характеризует "тенденция нарочитой архаизации предметов, которые, по-видимому, имелись в позднесарматском обществе"²⁴.

Что касается северокавказских мечей с антенным навершием, то они не имеют металлического перекрестия и встречаются в более древних комплексах. Меч из Серегинского могильника найден вместе с большим одноставным зеркалом с боковой ручкой, что позволяет его датировать не позже IV в. до н.э.²⁵ Судя по обряду, погребение, в котором был найден меч из Курганинска не выходит за хронологические рамки могильника, датирующегося IV—II вв. до н.э.²⁶ Наиболее вероятные прототипы этих мечей — мечи скифского облика с антенным навершием, широко распространенные на этой территории в предшествующую эпоху.

Подотдел II (табл. 6, рис. 6)

Сюда мы включили мечи с полукольцевидным или серповидным навершием, не имеющие металлического перекрестия. В Закубанье нам известно на сегодняшний день пять таких мечей. Эти мечи имеют переход от рукояти к клинку под углом, близким к прямому, и полукольцевые навершия, которые иногда оканчиваются двумя шариками на концах. Эти мечи наиболее поздние среди

меотских мечей и встречаются в комплексах III-II вв. до н.э.

Мечи с полукольцевыми навершиями распространены и в Прикубанье. В могильнике городища № 3 у хутора Ленина такой меч встречен вместе с родосской амфорой и краснолаковым канфаром III-II вв. до н.э.²⁷ Еще один однотипный меч был найден в 1979 году в курганной группе Батуриная 2, к.2, п.5 вместе с удилами с крестовидными псалиями III-II вв. до н.э.²⁸

Такой же меч был найден в могильнике Чегем в Кабардино-Балкарии в комплексе, датирующемся II-I вв. до н.э.²⁹ В Карачаево-Черкессии меч этого типа был обнаружен в Коби-Башинском склепе, в котором, вероятно, производились захоронения на протяжении нескольких веков³⁰. Здесь мы встречаем три бронзовых зеркала с орнаментом в виде концентрических кругов, которые характерны для меотских могильников III-II вв. до н.э.³¹ В то же время там найдены бронзовые лучковые фибулы первых веков н.э.³² Вероятно, меч следует отнести все-таки к нижнему горизонту склепа.

Мечи с полукольцевым навершием на Северном Кавказе существуют до I в. до н.э. - II в. н.э., судя по дате, предложенной М.П.Абрамовой для двух мечей из могильника Корца в Северной Осетии³³. Нам представляется абсолютно правильным ее мнение об обособленности этой группы северокавказских мечей от синхронных прохоровских мечей с серповидным навершием³⁴. Поэтому, очевидно, следует эту обособленность подчеркнуть и терминологически, назвав ее группой мечей с полукольцевым навершием.

К.Ф.Смирнов рассматривал подобные мечи в своей сводке как дериваты "синдо-меотских" мечей, сформировавшиеся под влиянием прохоровских³⁵. Вне сомнения, что этот особый вид меча возник на основе меотского меча, возможно, не без прохоровского влияния в период сарматизации в Прикубанье.

Наиболее сложной и неразработанной нам представляется проблема происхождения меотских мечей. К.Ф.Смирнов вероятными прототипами этих мечей считал бронзовые и железные кинжалы из Закавказья, которые встречены в комплексах V-IV вв. в Азербайджане, Западной Грузии и Абхазии³⁶. Все они не имеют железного перекрестия. Однако мечи этого типа ни разу не встре-

чены ни в Закубанье, ни в Прикубанье - местах впоследствии ставшими центром наибольшего распространения меотских мечей. Также и наоборот: меотские мечи крайне редко встречаются в Закавказье. Незначительное число экземпляров этих мечей найдено в Абхазии³⁷. Мечи этой категории появляются во второй половине V в. до н.э. в период, достаточно отстающий во времени от скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию. Закавказское влияние в это время практически не ощущается в погребальных памятниках меотов. Поэтому мы вполне можем исключить "закавказскую" линию происхождения меотских мечей, т.к. закавказские кинжалы и меотские мечи не стыкуются ни во времени, ни в месте.

Мы предлагаем гипотезу местного происхождения меотских мечей, как наиболее возможную.

В VI-V вв. до н.э. в Закубанье в ходу были небольшие мечи скифского облика длиной 35-40 см. В настоящее время на этой территории их известно более 40 экземпляров. Как и рассматриваемые нами мечи, "акинаки" были оружием рядовых воинов и являлись одним из основных видов вооружения. Например, только в ранней хронологической группе Уляпского могильника встречено 24 таких меча³⁸.

Скифские и меотские мечи в Закубанье, возможно, сосуществуют, но очень недолго во второй половине V в. Хотя нам не известен ни один комплекс, где бы они были встречены вместе. Меотские мечи в конце V в. до н.э. вытесняют "акинаки", в то время как на территории Скифии скифский меч еще долго был в ходу.

Несмотря на такую быструю смену, мы, тем не менее, можем выделить несколько экземпляров, которые имеют общие черты обоих видов мечей.

Прежде всего это короткие кинжалы, не имеющие перекрестия, которые встречены в Уляпском и Начерзийском могильниках. По своим размерам они соответствуют "акинаку" и встречаются в комплексах V в. до н.э. Один такой меч был опубликован вместе с серией уляпских мечей скифского облика, где нами было высказано сомнение в том, имел ли он первоначально перекрестие³⁹. Подобные короткие мечи были найдены и в Начерзийском

могильнике, поэтому представляется маловероятным, что все они имели перекрестия, а потом их утратили, так как перекрестие крепилось к клинку кузнечной сваркой достаточно прочно, и утрата его оставила бы заметный след на хорошо сохранившемся клинке.

В Центральном Предкавказье В.Б.Виноградов также выделяет три коротких меча, не имеющих металлического перекрестия, происходящих из окрестностей Пятигорска и из Северной Осетии⁴⁰.

Отказ от металлического перекрестия, на наш взгляд, следует рассматривать как сознательное упрощение технологического процесса — отказ от кузнечной сварки при его креплении.

Интересен один короткий меч из Начерзия. Слабовыраженное навершие его отковано вместе с клинком. Подобный способ оформления навершия мы встречаем и у двух меотских мечей из Уляпского могильника и меча из совхоза "Труд", относящихся к наиболее ранним образцам, рукояти которых имеют лишь слабое расширение в верхней части.

С.В.Махортых и С.А.Скорым была выделена серия мечей скифского времени, в которых из-за технологической сложности изготовления наверший, мастера от последних отказывались⁴¹. Четыре наиболее ранних экземпляра таких мечей происходят с Кавказа⁴². Они также имеют слабое расширение рукояти в верхней части. Мы не исключаем возможности, что вышеприведенные мечи нашей серии восходят к этой традиции.

Еще одна черта так или иначе свидетельствующая о морфологической и технологической связи между мечами скифского облика с меотскими. Клинки "акинаков" как и клинки коротких мечей без перекрестия и клинки наиболее ранних меотских мечей имеют плавный переход от рукояти. Лишь не раньше IV в. до н.э. появляется переход от рукояти к основанию клинка под прямым углом.

В нашей серии можно выделить ряд мечей, которые несут в себе в качестве "рудимента" черты мечей скифского облика. Это прежде всего мечи с антенным навершием из Серегинского могильника и Курганинского кургана-кладбища, а также из ущелья Каррас в Пятигорье.

Мечи из совхоза "Труд" и из Серегинского могильника п.60, сделанные в целом по технологической схеме меотского меча, имеют расширение в верхней части клинка, имитирующее перекрестие. Для лучшего сходства расширение снизу подработано зубильцем. Эти мечи как и ранние уляпские меотские мечи, имеют чуть расширяющуюся рукоять и слаботампеченное навершие.

Имеющиеся у некоторых мечей нашей серии нервыры, встречаемые не только у закубанских мечей, а, например, на мече из Ставропольского музея⁴³, также являются "рудиментом" происхождения этих мечей от мечей скифского облика. Нервыры характерны для северо-кавказских "акинаков" из Ялхой-Мохского⁴⁴, Лугового могильника⁴⁵ в Чечено-Ингушетии, их имеет и парадный меч из Елизаветовского могильника в дельте Дона⁴⁶.

Е.И.Крупнов считал, что "желобчатость" "акинаков" из Лугового могильника имеет древние корни и восходит к желобчатым клинкам некоторых бронзовых кобанских и центральнокавказских кинжалов⁴⁷.

Поздней репликой на рукояти мечей скифского облика с валиками, в свою очередь, восходящими к биметаллическим кинжалам, являются валики у рукоятей курджипских мечей, на которые указывала Л.К.Галанина⁴⁸.

В целом, подводя итоги нашим соображениям, позволяющим выводить меотский меч от скифского "акинака", необходимо подчеркнуть и те технологические и боевые инновации, которые отличают рассматриваемую серию от предшествующего вида вооружения.

1. Увеличение среднего размера мечей с 35-45 см до 60-70 см и превращение его из колюще-рубящего в рубяще-колющее. Некоторые мечи, судя по своей длине, вполне могли быть употребимы и в конном бою. Самый длинный меч нашей серии достигает 105 см. Еще один меч длиной 102 см нам известен в Прикубанье. В раннескифское же время в Закубанье самым длинным является Келермесский меч, длина которого достигала 60-62 см, что даже ниже средней длины некоторых типов меотских мечей.

2. В целом упрощена технологияковки меча, очевидно, вызванная потребностью в более массовом производстве этого оружия. Из технологической схемы исчезают такие трудоемкие опе-

рации, как отковка и наварка металлического перекрестия и заменяются расковкой верхней части клинка. В большинстве случаев упрощается и технология изготовления наверший – возникают цельнокованные мечи⁴⁹.

Все эти технологические изменения, произошедшие с мечом скифского облика, объясняются, вероятно, изменением в военном деле местного населения и в частности в тактике ближнего боя.

В Прикубанье, как отмечал К.Ф.Смирнов, мечи как и у скифов встречаются у рядового населения редко, главным образом у более зажиточных представителей общества. Из 10 погребений с оружием Пашковского могильника мечи были встречены только в 3, причем только в тех погребениях, где уже были копья и стрелы⁵⁰.

В Усть-Лабинском могильнике среди достаточно большого количества погребений с оружием, встречен только один меч⁵¹. Мечи достаточно редки и в других недавно открытых прикубанских могильниках, за исключением, пожалуй, могильника Лебеди⁵².

В Закубанье мечи в погребениях с оружием встречаются гораздо чаще. Однако на протяжении VI–III вв. до н.э. значимость, а вероятно и способ применения меча постепенно меняется.

Если в ранней группе Уляпского могильника (VI–V вв. до н.э.), когда в ходу были еще короткие колюще-рубящие мечи-"акинаки", то из 24 экземпляров – 15 оказались единственным в погребении видом вооружения. 4 меча найдены со стрелами и копьями и 7 мечей – только с копьями⁵³.

В еще более позднем Серегинском могильнике, в хронологической группе IV–III вв. до н.э. из 33 погребений с мечами лишь в трех случаях меч был единственным оружием, 3 меча встречены только со стрелами, 15 – с копьями, 12 – вместе с копьями и стрелами.

Такие цифры свидетельствуют о явных изменениях, происшедших в войске местов в это время, и о господстве двух основных видов тактики ближнего боя, при которых использовались копья и мечи.

Еще ряд цифр свидетельствует о возрастающей роли меча в паноплии всадников. Если короткие мечи-"акинаки" были найдены

исключительно в погребениях пеших воинов в Уляпском могильнике, то уже меотские мечи этого могильника в 5 случаях из 23 были встречены с костями лошади, либо с уздечкой.

Гораздо больший процент всаднических погребений с мечами дал Серегинский могильник, там 15 мечей из 33 принадлежали всадникам.

К концу IV в. до н.э. мы наблюдаем и тенденцию к увеличению размеров меотских мечей. Если наиболее ранние мечи (I отдел, I подотдел, I тип) имели в среднем длину 65 см, то один из поздних типов (II подотдел, II тип) имеют в среднем длину 70–80 см, а максимальная длина меча достигает 105 см. Это уже ставит меотские мечи в один ряд с длинными скифскими мечами, предназначенными для ближнего конного боя.

Таблица I

Мечи I отдела, I подотдела, тип I

№ пп	Место находки	Размеры	Место хранения, источник	Примечание
1	2	3	4	5
1.	Уляп, к.7	Длина 67 см, ширина основания клинка 6 см	ГМИНВ	
2.	Серегинский могильник, к.2, п.16	Длина 64 см, шир. основания клинка 5,5 см	ГМИНВ	
3.	Уляп, к.13, п.13	Длина 71 см, шир. основания клинка 3,5 см	ГМИНВ	
4.	Уляп, к.12, п.14	Длина около 60 см, шир. основания кл. 3 см	ГМИНВ	
5.	Серегинский могильник, к.2, п.1	Длина 74 см, шир. основания клинка 4,7 см	ГМИНВ	Клинок имеет нервы
6.	Уляп, к.7, п.11	Длина бол. 51 см, ширина кл. 5,5 см	ГМИНВ	

1	2	3	4	5
7.	Уляп, к.7, п.6	Длина 45 см, шир. основания клинки 4 см	ГМИНВ	
8.	Уляп, к.7, п.18	Длина 48-50 см, шир. осн. клинка 4,7 см	ГМИНВ	
9.	Уляп, к.4, п.17	Длина 70 см, шир. осн. клинка 5,6 см	ГМИНВ	
10.	Уляп, к.4, п.29	Длина 67,4 см, шир. осн. клинка 6,4 см	ГМИНВ	
11.	Уляп, к.4, п.7	Длина 72,5 см шир. осн. клинка 4,8 см	ГМИНВ	
12.	Уляп, к.1, ритуальная площадка		ГМИНВ	
13.	Серегинский могильник, 1986 г., п.60		ГМИНВ	
14.	Серегинский могильник, к.2, п.46	Длина 60 см, шир. осн. клинка 6,5 см	ГМИНВ	Найден со скифосом, сер. IV в.
15.	Серегинский могильник, 1987 г., п.198		ГМИНВ	Клинок имеет нервюры
16.	Совхоз "Труд" Гиагинский р-н, Адыгей- ская АО	Длина 70 см, шир. осн. клинка 70 см	АСМ	
17.	Курджипский курган	Длина 67 см, шир. осн. клинка 2 см	ГЭ, Галанина, с.96, № 60	Желобча- тая рукоять
18.	Курджипский курган (обломок)	Дл. обломка 18 см, ширина клинка 2-3 см	ГЭ, Галанина, с.96, № 61	"-

1	2	3	4	5
19.	Серегинский могильник, 1986 г., п.33	Длина 59 см, шир. осн. клинка 5,5 см	ГМИНВ	
20.	Уляп, к.1, п.7	Длина 67 см, шир. осн. клинка 6 см	ГМИНВ	
21.	Уляп, к.4, п.32	Длина 56 см, шир. осн. клинка 4,6 см	ГМИНВ	
22.	Псекупский могильник	Длина - ?, шир. осн. клинка 5,5 см	Фонды АНИИ	
23.	Совхоз "Труд", Гиагинский р-н, Адыгей- ская АО	Длина 66,5 см, шир. осн. клинка 3,8 см	АСМ, без номера	
24.	Псекупский м-к, подъемный материал		ГМИНВ	
25.	Серегинский могильник, к.2, п.10	Длина 61 см, шир. осн. клинка 6 см	ГМИНВ	Нервюры
26.	Серегинский могильник, к.2, п.10		ГМИНВ	
27.	Могильник на р. Чалмык, Лабинский р-н, ст. Вознесен- ская	Дл. около 55 см, ширина основания клинки 4,5 см	ГИМ, Гущина, 1970 г., с. 242, рис. 1,3	
28.	Серегинский могильник, Р-1, случ. находка	Длина 54 см, ширина 4,5 см	ГМИНВ	
29.	Уляп, к.12, п.21		ГМИНВ	
30.	Уляп, к.4, п.17	Длина 67 см, ширина клинка в основании 6,3 см	ГМИНВ	

Таблица 2

Мечи I отдела, I подотдела, тип II

№ пп	Место находки	Размеры	Место хранения, источник	Примечание
I	2	3	4	5
1.	Серегинский могильник, 1987 г., п. II7	Длина больше 55, ширина основания клинка 5,5 см	ГМИНВ	
2.	Серегинский могильник, 1987 г., п. II4	Длина 58 см, ширина основания клинка 5,6 см	ГМИНВ	
3.	Серегинский могильник, 1987 г., п. I44	Длина 73 см, ширина основания клинка 5,5 см	ГМИНВ	
4.	Серегинский могильник, 1986 г., п. 66		ГМИНВ	
5.	Серегинский могильник, к. 2, п. I2	Длина ок. 60 см, ширина клинка 5 см	ГМИНВ	
6.	Серегинский могильник, к. 2, п. 33	Ширина меча 54,5 см, ширина у перекрестия 5 см	ГМИНВ	
7.	Уляп, к. 5	Длина 60 см, ширина осн. клинка 6,3 см	ГМИНВ	
8.	Уляп, к. 7, п. 23	Дл. больше 50 см, ширина основания клинка 6,0 см	ГМИНВ	
9.	Курдановский могильник	Длина 67 см, ширина основания клинка 2 см		
10.	Курдановский могильник (обломки)	Дл. основания 15 см, ширина клинка 2-3 см		

Таблица 3

Мечи I отдела, II подотдела, тип I

№ пп	Место находки	Размеры	Место хранения, источник	Примечание
I	2	3	4	5
1.	Уляп, к. 4, п. 28	Длина 65,3 см, ширина основания клинка 6,8 см	ГМИНВ	
2.	Уляп, к. 4, п. 33	Длина ок. 70 см, ширина основания клинка 5 см	ГМИНВ	
3.	Серегинский могильник, 1986 г., п. 6I	Длина - ?, шир. осн. клинка 6,3 см	ГМИНВ	
4.	Уляп, к. 6, п. 7	Длина 56 см, ширина основания клинка 6,3 см	ГМИНВ	
5.	Серегинский могильник, 1987 г., ск. 23	Длина ширина осн. клинка 5,5 см	ГМИНВ	
6.	Серегинский могильник, к. 2, п. 35	Длина 65 см, ширина 6 см	ГМИНВ	
7.	Совхоз "Труд", Гиагинский р-н, Адыгейская АО	Длина ширина основания клинка 7 см	АОМ	
8.	Посекупский могильник	Длина ок. 58 см, ширина основания клинка 8 см	АОМ	
9.	Серегинский могильник, 1986 г., п. 85		ГМИНВ	
10.	Уляп, к. I2, п. 2I		ГМИНВ	Сечение клинка ромбическое
II.	Уляп, к. 4, п. I7	Длина 67 см, ширина клинка в основании 6,3 см	ГМИНВ	

1	2	3	4	5
12.	Серегинский могильник, 1987 г.		ГМИНВ	
13.	Уляп, курган 5	Длина 63 см, ширина основания клинки 4,5 см		
14.	Начерзий, курган 30	Длина 70 см, ширина основания клинки 11 см	КГМЗ	

Таблица 4

Мечи I отдела, II подотдела, тип II

№ пп	Место находки	Размеры	Место хранения, источник	Примечание
1	2	3	4	5
1.	Уляп, к.4, п.11	Длина 79 см, ширина основания клинки 4,5 см	ГМИНВ	Нервюры
2.	Уляп, к.4, п.11	Длина 76 см, ширина основания клинки 3,8 см	ГМИНВ	Нервюры
3.	Серегинский могильник, 1987 г., п.104	Длина 88 см, ширина основания клинки 5 см	ГМИНВ	
4.	Серегинский могильник, 1986 г., п.86		ГМИНВ	Навершие цилиндр.
5.	Серегинский могильник, к.2, п.20	Длина 105 см, ширина основания клинки 7 см	ГМИНВ	
6.	Уляп, к.11, ск.8		ГМИНВ	

1	2	3	4	5
7.	Серегинский могильник, к.2, п.9	Длина больше 50 см, ширина основания клинки 5,2 см	ГМИНВ	
8.	Начерзий, курган 30	Длина 75 см, ширина основания клинки 8 см	КГМЗ	
9.	Начерзий, курган 30	Длина 86 см, ширина основания клинки 11 см	КГМЗ	
10.	Начерзий, курган 30	Длина более 90 см, ширина основания клинки 4,5 см	КГМЗ	
11.	Начерзий, курган 30	Длина 65 см, ширина основания клинки 8 см	КГМЗ	
12.	Могильник на р. Чалмык, Лабинского р-на, ст. Вознесенская	Длина 73 см, ширина основания клинки 8 см	ГИМ, Гушина, 1970 г., с.242, рис. 1,1	

Таблица 5

Мечи II отдела с антенным навершием

№ пп	Место находки	Размеры	Место хранения, источник	Примечание
1	2	3	4	5
1.	Серегинский могильник, 1987 г., Р-2, п.31		ГМИНВ	
2.	Курганинск, курган-кладбище, п.59		КГМЗ	

Таблица 6

Мечи III отдела с полукольцевым навершием

№ пп	Место находки	Размеры	Место хранения, источник	Примечание
1	2	3	4	5
1.	Курганинск, курган-кладбище, п.108		КТЭМ	
2.	Ст. Михайловская, к.7, п.7		КТЭМ	
3.	Ст. Псебайская		ОАК, 1895, рис. 324	
4.	Серегинский могильник, Р-2, п.54		ГМИНВ	
5.	Псекупский могильник		Фонды АНИИ	Главный переход от клинка к рукоятки

1. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской. - МИА, 64, 1958, с. 304-305.

2. Смирнов К.Ф. О мечях синдо-меотского типа. КСИА, 1980, вып. 162, с. 38-45.

3. Там же, с. 38.

4. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. САИ, вып. ДП-4, 1964, с. 47.

5. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. - МИА, 101, 1962, с. 10.

6. Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Новые исследования техники обработки железа в Скифии. - СА, 1971, № 4, с. 144-146; Вознесенская Г.А. Технология производства железных предметов Тлийского могильника. В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М., 1975, с. 90.

6. Воронов Ю.В. Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н.э. - В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 223, рис. 5. 22.
7. Лесков А.М. Отчет Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ за 1983 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9855.
8. Брашинский И.Б. Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции в 1966 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3317.
9. Галанина Л.К. Курджипский курган. Л., 1980, с. 55.
10. Лесков А.М. Отчет КАЭ ГМИНВ за 1982 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 8672.
11. Едановский А.М. Отчет об исследовании курганного могильника близ аула Нечерзий в 1976 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6169.
12. Лесков А.М. и др. Отчет КАЭ ГМИНВ за 1987 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 12383.
13. Лесков А.М. и др. Отчет КАЭ ГМИНВ за 1986 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 10973.
14. Смирнов К.Ф. О мечях синдо-меотского типа, с. 40, рис. 2, 27 а-в.
15. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951, с. 167, рис. 5.
16. Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. - Ростов-на-Дону, 1983, с. 188, рис. 34.3.
17. Максименко В.Е. Указ.соч., с. 188, рис. 34.3.
18. Виноградов В.Б. Указ.соч., с. 106, рис. 19,25.
19. Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени. - В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, вып. 2, Нальчик, 1985, рис. 4, 25.
20. Керефов Б.М. Указ.соч., с. 194-195.
21. Шаповалов Г.О. Сарматские похоронения поблизу с. Новолуганьско. Археология, вып. 8, Киев, 1973.
22. Скрипкин А.С., Мамонтов В.И. Об одном новом типе сарматских кинжалов. - СА, 1977, № 4, с. 285-287.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника. - СА, 1980, № 2, с. 236, рис. 1,2.
24. Федоров-Давыдов Г.А. Указ.соч., с. 238.

25. Кузнецова Т.М. в своей типологии скифских зеркал относит подобные зеркала к I типу I отдела однооставных зеркал, которые она датирует концом VI – V вв. до н.э. (Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. – СА, 1987, № I, с. 36). Однако у нас нет других данных, подтверждающих столь раннюю дату Серегинского могильника. Судя по тому, что однотипные зеркала встречаются и в других комплексах Серегинского могильника, верхняя дата их бытования захватывает IV век до н.э.
26. Каминский В.Н. Отчет о раскопках Курганинского кургана-кладбища. – Архив ИА АН СССР, Р-I, № II4I5.
27. Лимберис Н.Ю. Отчет Краснодарской археологической экспедиции за 1983 г. – Архив ИА АН СССР, Р-I, № 9462,2, рис. I6I.
28. Бочкарев В.С. Отчет Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР. – Архив ИА АН СССР, Р-I, № 758Iа, л. IO, рис. 57.
29. Керефов Б.М. Указ.соч., рис. II,I7.
30. Алексеева Е.П. Памятники меотской и сарматской культуры Карачаево-Черкессии. – Труды КЧНИИ, Ставрополь, 1966, вып. 5, с. I5I, табл. 9, рис. 2.
31. Алексеева Е.П. Указ.соч., с. I55, рис. 2.
32. Алексеева Е.П. Указ.соч., с. I54, рис. I9,2I.
33. Абрамова М.П. Мечи и кинжалы Центральных районов Северного Кавказа в сарматское время. – В сб.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 5, 6, рис. I,7,8.
34. Абрамова М.П. Указ.соч., с. 4.
35. Смирнов К.Ф. О мечах синдо-меотского типа, с. 43.
36. Там же, с. 40–4I.
37. Воронов Ю.Н. Указ.соч., с. 223, рис. 5.
38. Эрлих В.Р. Мечи скифского облика из могильника у аула Уляп. – В сб.: Древний и Средневековый Восток. М., 1988, с. 4I3–428.
39. Эрлих В.Р. Указ.соч., с. 4I6, рис. I,9.
40. Виноградов В.Б. Указ.соч., с. IO6.
- 4I. Махортых С.В., Скорый С.А. Мечи и кинжалы скифского времени без наверший. Археология, вып. 56, Киев, 1986, с. 72–77.

42. Махортых С.В., Скорый С.А. Указ.соч., рис. I. 2,2,3,4.
43. Игнаева Т.М. Железный меч из коллекции Ставропольского музея. – СА, 1958, № I, с. 23I, рис. I.
44. Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах. – В сб.: Скифы Северного Причерноморья. – Киев, 1987, с. 56, рис. 2. I,7.
45. Мунчаев Р.М. Луговой могильник. – ДЧИ, М., 1963, с. 203–204.
46. Сокольский Н.И. Боспорские мечи. – МИА, 38, 1954, с. I4I, рис. 4.
47. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960, с. 28I.
48. Галанина Л.К. Указ.соч., с. 63.
49. Четыре меча из Серегинского могильника были исследованы в секторе металлографии ИА АН СССР Н.Н.Тереховой. Основной ее вывод, то что IV–III вв. до н.э. в Закубанье по сравнению с раннескифским временем (Келермесские курганы и могильник) шел процесс упрощения технологии и в металлообработке. См. Приложение Н.Н.Тереховой к настоящей статье.
50. Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской, с. 304.
51. Анфимов Н.В. Указ.соч., с. I6I–I62.
52. Сообщение И.С.Каменецкого.
53. Эрлих В.Р. Указ.соч., с. 4I3.

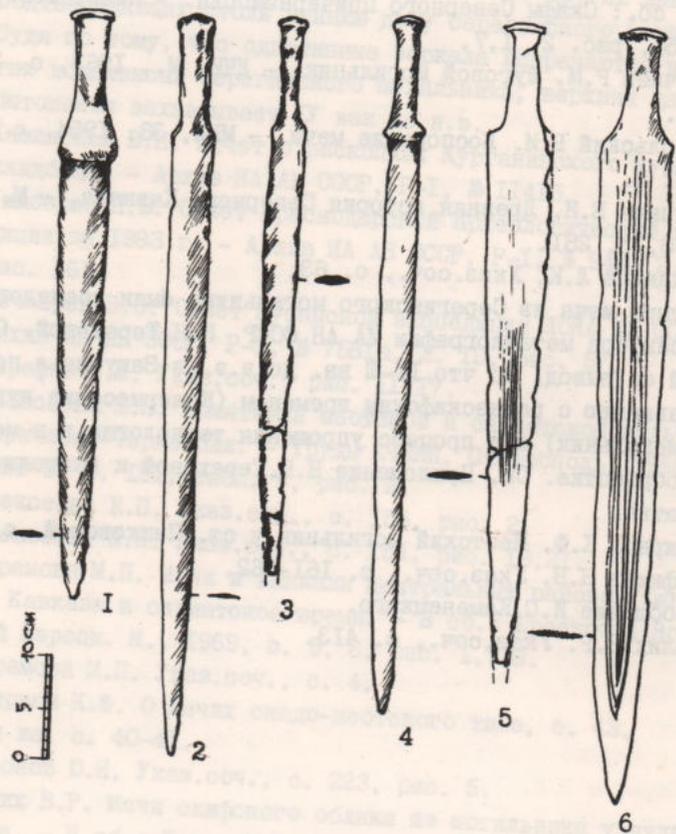

Рис.1. Мечи с брусковидным навершием I подотдела, тип I. 1 - Серегинский грунт. м-к, п.60, 2 - Уляпский м-к, к.13, п.13, 3 - Уляпский м-к, к.12, п.14, 4 - с/х Труд, случайная находка, 5 - Серегинский м-к, к.2, п.10, 6 - Серегинский м-к, к.2, п.1

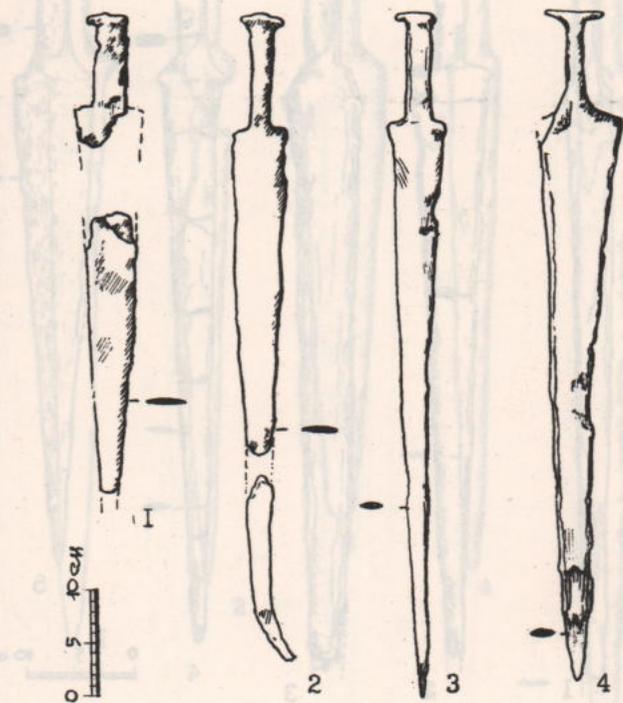

Рис.2. Мечи с брусковидным навершием, подотдела I, тип 2. 1 - Уляпский м-к, к.7, п.23, остальные - Серегинский м-к. 2 - к.2, п.12, 3 - к.2, п.33, 4 - грунтовый м-к, п.66.

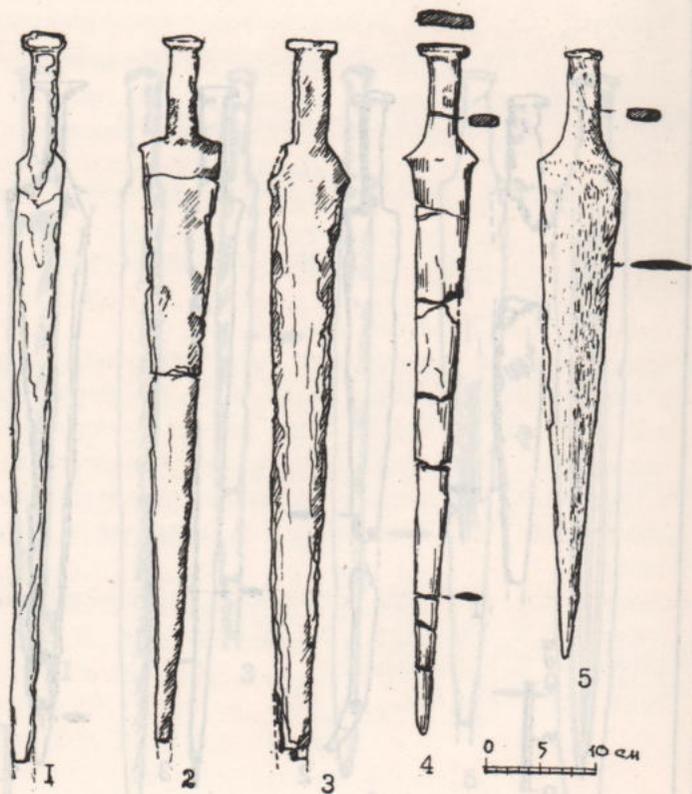

Рис.3. Мечи подотдела П, тип I из Уляпского могильника. 1 - к.4, п.33, 2 - к.4, п.38, 3 - к.4, п.17, 4 - к.5, 5 - к.6, п.7.

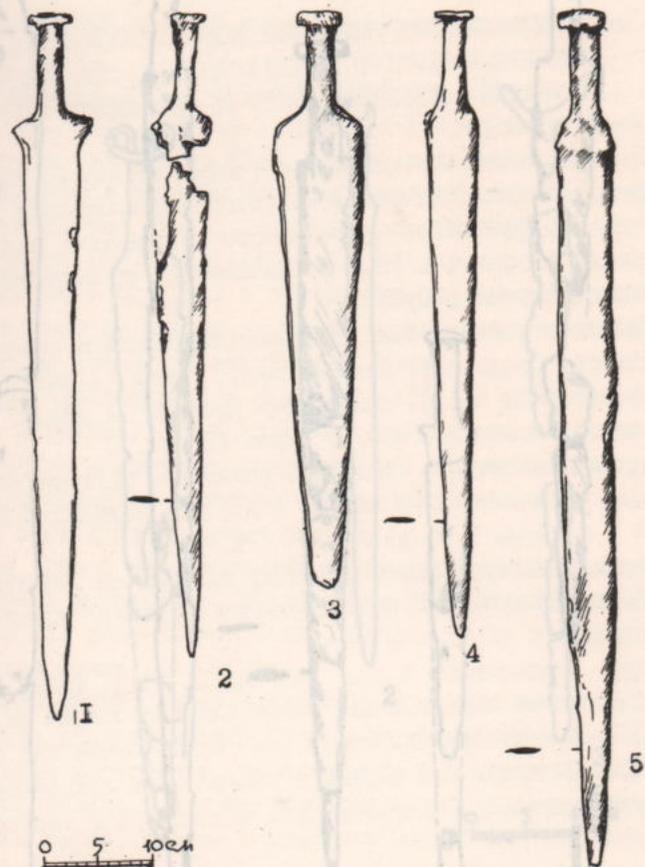

Рис.4. 3 - Псекупский м-к, фонды АНИИ, остальные Серегинский м-к. 1 - к.2, п.35, 2 - к.2, п.33, 4 - грунтов. м-к, п.85, 5 - грунтов. м-к, п.61.

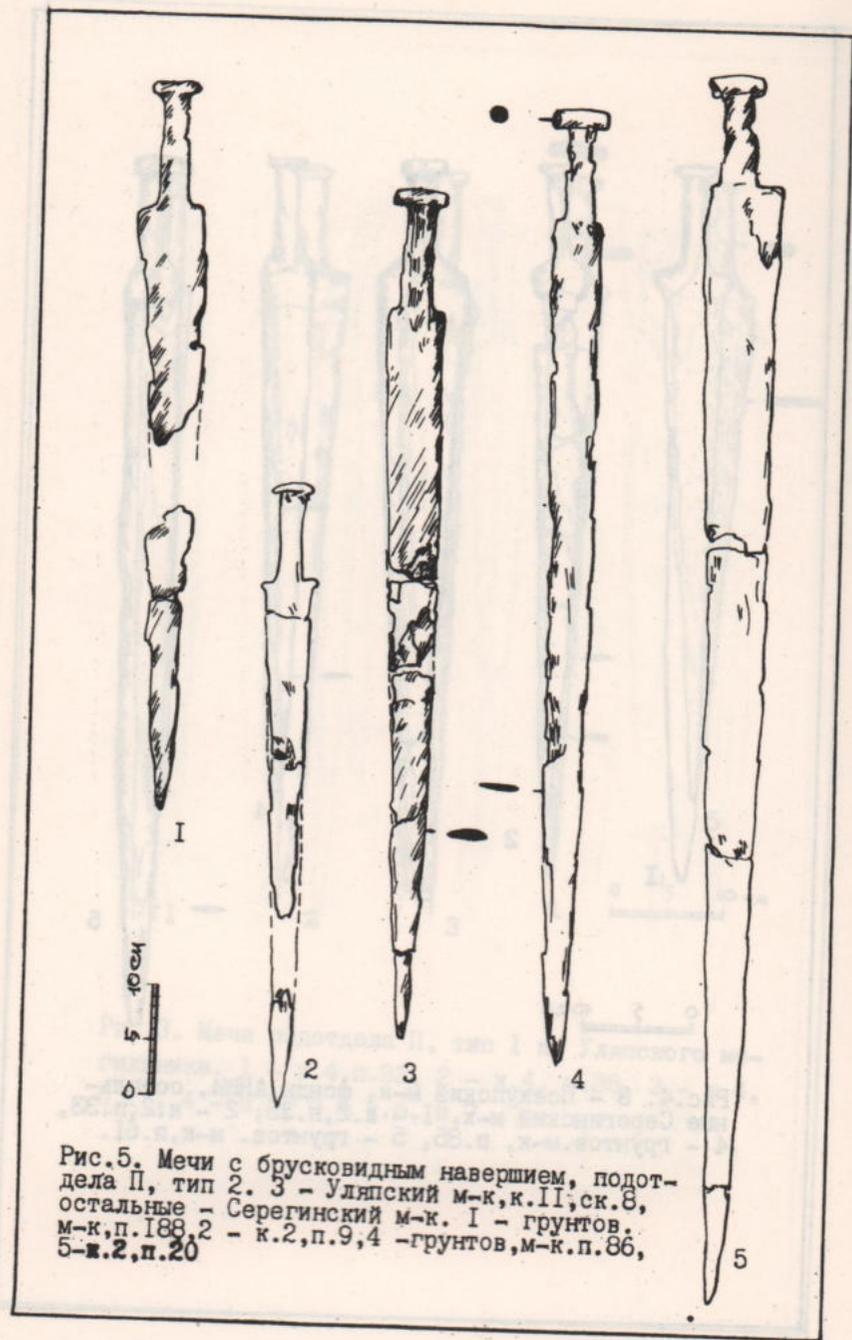

Рис.5. Мечи с брусковидным навершием, подотдела П, тип 2. 3 - Уляпский м-к, к. II, ск. 8, остальные - Серегинский м-к. I - грунтов. м-к, п. 188, 2 - к. 2, п. 9, 4 - грунтов, м-к. п. 86, 5 - к. 2, п. 20

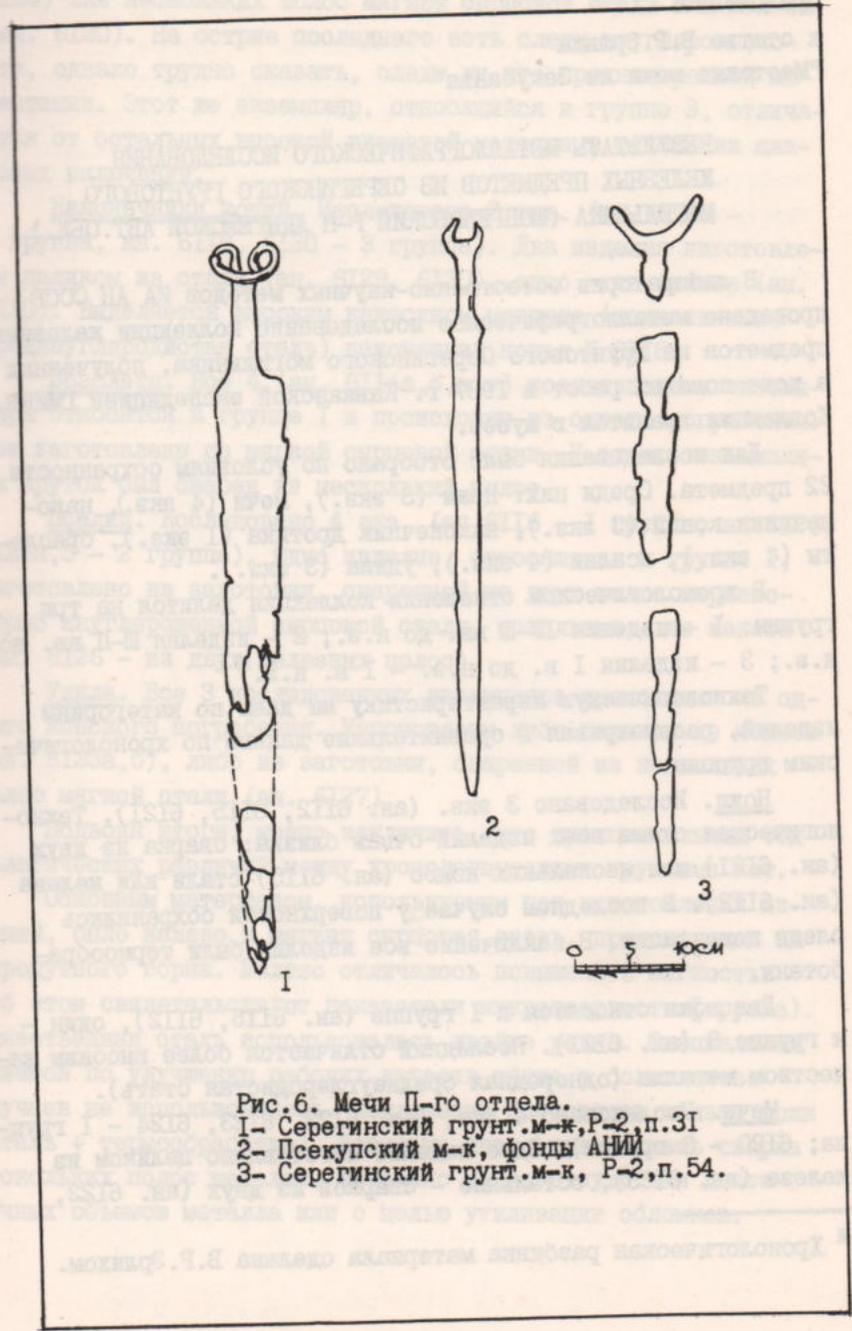

Рис.6. Мечи II-го отдела.
 1- Серегинский грунт. м-к, Р-2, п. 31
 2- Псекупский м-к, фонды АНИИ
 3- Серегинский грунт. м-к, Р-2, п. 54.

Приложение
к статье В.Р. Эрлиха
"Меотские мечи из Закубанья"

РЕЗУЛЬТАТЫ МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЖЕЛЕЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ СЕРЕГИНСКОГО ГРУНТОВОГО
МОГИЛЬНИКА (ШОВГЕНОВСКИЙ Р-Н АДЫГЕЙСКОЙ АВТ. ОБЛ.)

В лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР проведено металлографическое исследование коллекции железных предметов из грунтового Серегинского могильника, полученных в ходе полевых работ в 1987 г. Кавказской экспедицией ИМНВ. Коллекция хранится в музее.

Для исследования было отобрано по условиям сохранности 22 предмета. Среди них: ножи (3 экз.), мечи (4 экз.), наконечники копий (3 экз.), наконечник дротика (1 экз.), браслеты (4 экз.), псалли (4 экз.), удила (3 экз.).

В хронологическом отношении коллекция делится на три группы: I - изделия IV-III вв. до н.э.; 2 - изделия III-II вв. до н.э.; 3 - изделия I в. до н.э. - I в. н.э.*

Технологическую характеристику мы даем по категориям изделий, рассматривая и сравнительные данные по хронологическим группам.

Ножи. Исследовано 3 экз. (ан. 6II2, 6II5, 6I2I). Технологическая схема всех изделий очень близка: сварка из двух (ан. 6I2I) или нескольких полос (ан. 6II5) стали или железа (ан. 6II2). В последнем случае у поверхности сохранились следы цементации. В заключение все изделия были термообработаны.

Два ножа относятся к I группе (ан. 6II5, 6II2), один - к группе 3 (ан. 6I2I). Последний отличается более высоким качеством металла (однородная среднеуглеродистая сталь).

Мечи. Исследовано 4 экз. (ан. 6I22, 6I23, 6I24 - I группа; 6I20 - 3 группа). Одно изделие изготовлено целиком из железа (ан. 6I23), остальные - сваркой из двух (ан. 6I22,

* Хронологическая разбивка материала сделана В.Р. Эрлихом.

6I24) или нескольких полос мягкой сырцово-стали или железа (ан. 6I20). На острие последнего есть следы науглероженности, однако трудно сказать, следы ли это преднамеренной цементации. Этот же экземпляр, относящийся к группе 3, отличается от остальных высокой чистотой металла в отношении шлаковых включений.

Наконечники копий. Исследовано 3 экз. (ан. 6I29 - I группа, ан. 6II8, 6I30 - 3 группа). Два изделия изготовлены целиком из стали (ан. 6I29, 6I30), одно - из железа (ан. 6I30). Выделяется высоким качеством металла (качественная среднеуглеродистая сталь) наконечник копья № 6II8.

Браслеты. Все 4 (ан. 6II4а,б,в,г) исследованных экземпляра относятся к группе I и происходят из одного погребения. Все изготовлены из мягкой сырцово-стали. У одного экземпляра прутки были сварены из нескольких полос.

Псалли. Исследовано 4 экз. (ан. 6II6 - I группа, ан. 6I26, 6I28а,б - 2 группа). Одно изделие, относящееся к группе I, изготовлено из заготовки, сваренной из двух полос неравномерно науглероженной сырцово-стали, остальные - из железа (ан. 6I26 - из двух железных полос).

Удила. Все 3 исследованных экземпляра происходят из одного конского погребения. Изготовлены либо целиком из железа (ан. 6I25а,б), либо из заготовки, сваренной из нескольких полос мягкой стали (ан. 6I27).

Подводя итоги, можно заключить, что принципиальных технологических различий между хронологическими группами нет.

Основным материалом, используемым при изготовлении изделий, было железо и мягкая сырцовая сталь, происходящая из сыродутного горна. Железо отличалось повышенной мягкостью (об этом свидетельствуют показатели микротвердости феррита). Качественная сталь использовалась крайне редко. Специальных приемов по улучшению рабочих качеств также в большинстве случаев не использовалось. Исключение составляют только ножи (сталь + термообработка). Довольно часто применялась сварка нескольких полос металла, возможно из-за отсутствия достаточных объемов металла или с целью утилизации обломков.

Несколько выделяется среди остальных группа предметов I в. до н.э. - I в. н.э., происходящих из одного погребения (рис. п.2, п.45) - нож, меч, наконечник копья и дротика. Характерная особенность - очень хорошее качество металла, как стали, так и железа (ан. 6I20, меч) - незначительность шлаковых включений. Во всех прочих случаях шлаковые включения присутствуют в довольно значительном количестве.

При сравнении с материалами раннескифского времени (Келермесские памятники) заметна явная упрощенность техники обработки черных металлов. Подобная тенденция хорошо прослеживается на материалах кобанской культуры. Любопытно, однако, что это не касается только единственной категории - ножей. В данной коллекции ножи изготовлены в технологии, характерной для раннескифского времени на Северном Кавказе.

Таблица

Технологическая характеристика черного металла
из Серегинского могильника

№ п/п	Предмет	Дата	Шифр	№ анализа	Структурные составляющие	Содержание углерода, %	Микротвердость, кг/мм ²	Технология
1.	Нож	IV-III вв. до н.э.	P-2, № I/75	6I15	Феррит, перлит, мартенсит, сорбит	0,2-0,5	151-221	Сварка из нескольких полос стали, термообработка
2.	"	"	P-1-197 ск.20 нах.47	6I12	Феррит, феррит и перлит, мартенсит, сорбит	0,2-0,5	105-116 160-236 350-383	Сварка из нескольких полос железа, цементация поверхности, термообработка
3.	"	I в. до н.э. - I в.н.э.	P-2, № I39	6I21	Феррит и перлит, мартенсит, троостит	0,4-0,5	274-297 514-724	Сварка из двух стальных полос, термообработка
4.	Меч	IV-III вв. до н.э.	P-1 нах. I3	6I23	Феррит		128-135 160-170	Целиком из железа
5.	"	"	P-1 инд. нах.	6I24	Феррит и перлит	0,1-0,3	128-135 160-206	Сварка из нескольких полос мягкой стали
6.	"	"	P-2, № I64 № I66	6I22	Феррит и перлит	0,1-0,2	116-143 160-193	Сварка из двух полос мягкой стали

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7. Меч	И в. до н.э. -	Р-2 П.45 № 142	6I20	Феррит	0,1-0,2 0,3-0,4	95,5 I28-I35	Сварка из двух полос железа	
8. Наконечник копья	IV-III вв. до н.э.	ск.20 нах.36 № 80	6I29	Феррит и перлит	0,1-0,2 0,3-0,4	I51-I28 I43-206	Из неравномерно науглероженой стали	
9. Наконечник дротика	И в. до н.э. -	Р-2 П.45	6I17	Феррит и перлит	0,1-0,5	I22-221 254	"-	
10. Наконечник копья	И в. до н.э. -	Р-2 П.45 нах.3	6I18	Феррит и перлит	0,4-0,5	I81-236 250-274	Из среднеуглеродистой стали	
11. "-	"-	Р-2 П.49 нах.26	6I30	Феррит		I16-I22 I35-I51 I70-I81	Целиком из железа	
12. Браслет	IV-III вв. до н.э.	Р-1 П.126 нах.1 № 451	6I14а	Феррит и перлит	0,1-0,2	I81-221	Целиком из мягкой стали	
13. "-	"-	"-	6I14б	Феррит и перлит	0,1-0,2	I43-I81	"-	
14. "-	"-	"-	6I14в	Феррит и перлит	0,15	I70-206	"-	
15. "-	"-	"-	6I14г	Феррит и перлит	0,1	I43, I51	Сварка из нескольких полос мягкой стали	

1	2	3	4	5	6	7	8	9
16. Псалий	IV-III вв. до н.э.	Р-1 П.144 нах.8 № 551	6I16	Феррит и перлит	0,1-0,2	I28, I51, I60, 221	Сварка из двух полос мягкой стали	
17. Удила	III-II вв. до н.э.	Р-1 К.П.10 нах.1 № 283	6I25а	Феррит		I10, I16, I28	Целиком из железа	
18. "-	"-	"-	6I25б	"-		I10-I16	"-	
19. Псалий	"-	Р-1 К.П.10 № 284	6I26	Феррит		I60, 236	Сварка из двух железных полос	
20. Удила	"-	Р-1 К.П.10 нах.9 № 285	6I27	Феррит, перлит	0,1-0,2	I28, I60, I93	Сварка из нескольких полос мягкой стали	
21. Псалий	"-	Р-1 К.П.10 нах.9 № 286	6I28 а, б	Феррит		I16, I28, I32	Целиком из железа	

КОМПЛЕКС ПРЕДМЕТОВ ПОСЛЕДНИХ ВЕКОВ ДО Н.Э.
ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ С. ОТКАЗНОЕ

В августе 1990 г. краеведом Г.Л.Дорофеевым в окрестностях с. Отказное Советского района, Ставропольского края был обнаружен комплекс находок^ж. По его словам, набор предметов вместе с отдельными человеческими костями был найден в осыпи и стене обрыва береговой террасы Отказненского водохранилища у северо-восточной его оконечности, примерно в 3 км к югу от села. Очевидно этот комплекс представляет собой погребальный инвентарь разрушенного захоронения. К сожалению, ничего нельзя сказать об особенностях погребального обряда и устройстве могилы.

Следует отметить, что место, где были найдены вещи, расположено вблизи от серии укрепленных поселений, на правом берегу Кумы, на которых А.В.Найденко были зафиксированы материалы кобанского и аланского времени¹.

Перейдем к описанию найденных в 1990 г. вещей.

1. Наконечники стрел (рис. 1), представлено 14 штук. Все они железные, втульчатые, трехлопастные. Отчетливо выраженные лопасти переходят во втулку плавно, под тупым углом. Их общая длина варьирует от 3 до 4 см, при ширине головки 0,7-1,0 см. Соотношение длины лопастей к длине втулки во всех случаях близко к 1:1.

Втульчатые железные наконечники стрел различных типов широко представлены в погребальных памятниках Северного Кавказа последних веков до н.э. Так, в комплексах Чегемского кургана и Нижне-Джулатского могильника, курганов у с. Китаевка, датирующихся II-I вв. до н.э., найдены только железные втульчатые стрелы². По классификации А.М.Ждановского, созданной на материалах Среднего Прикубанья, наконечники из нашего комплекса следует отнести к типу 5Б, вариант I, датированного этим же временем³.

^ж Приношу Г.Л.Дорофееву глубокую благодарность за предоставленную возможность опубликовать находки.

2. Меч (рис. 2). Представлен серией обломков, на которых хорошо заметны отпечатки дерева, вероятно, следы его ножен. Общая длина сохранившихся частей лезвия - 32,8 см. Ширина обуюдоострого линзовидного в сечении клинка у острия 2,5 см, в верхней части - 3,1 см. Один из фрагментов можно рассматривать как часть прямого перекрытия, шириной около 0,5 см.

3. Железная пряжка с подвижным язычком (рис. 3). Форма рамки близка к прямоугольной, сторона, где крепился язычок, скруглена. Размеры 4,7 x 2,2 см. Изготовлена из круглого в сечении прута диаметром 0,5 см.

Железные пряжки с прямоугольной рамкой в Нижне-Джулатском могильнике характерны для погребений I-II вв. н.э. Известны они и в материалах Подкумского могильника начала н.э., а для Чегемского кургана комплекс с такой пряжкой из п. 72 датирован В.М.Батчаевым рубежом н.э.⁴

4. Костяная застежка (рис. 4). Имеет прямоугольную форму, размеры: 2,1 x 1,6 см. В центре - квадратное отверстие со скругленными углами 0,5 x 0,5 см. Изготовлена из костяной пластинки толщиной 0,5 см с заполированной поверхностью. Подобные застежки найдены в мужских погребениях Золото-Балковского могильника, основная часть материалов которого датируется I в. н.э. и в п.14 могильника у с. Усть-Каменка в Приднепровье⁵.

5. Кувшин (рис. 5). Имеет яйцевидное тулово, плавно переходящее в покатые плечи, хорошо выраженное цилиндрическое горло. Венчик сосуда отогнут наружу и слегка нависает над плечиками. Кувшин имеет вытянутый вперед носик-слив, ручку, крепящуюся к плечу и под венчиком, к горлу. Ручка свита из трех жгутов, что было хорошо заметно в ее изломе.

Основные размеры кувшина: высота - 31,7 см, диаметр венчика - 12,7 см, диаметр дна - 9,5 см, диаметр горла - 10,5 см, максимальный диаметр - 25,0 см при высоте от дна 12 см, ширина слива - 3,2 см.

Верхняя часть тулова и плечики сосуда орнаментированы прореченным орнаментом, состоящим из парных косых вертикальных линий, которые снизу перекрывают орнаментальный поясик из волнистой линии, помещенной между двух прямых.

Тесто кувшина однородное, темно-серое. Анализ под микроскопом показал, что формовочная масса состояла из пластинчатой ожелезненной глины, содержащей естественные примеси плевидной слюды, бурого железняка, некалиброванного кварцевого песка (по А.А.Бобринскому)⁶. В качестве искусственной примеси были отмечены следы измельченной органики – навоза.

Удалось проследить и особенности технологии изготовления сосуда. При его создании была использована донно-емкостная программа конструирования, выполненная в технике спирально-жгутового налета, стенки кувшина были составлены из лент шириной не менее 2 см и, позднее, в процессе формообразования, были подвергнуты выдавливанию пальцами. Следы этого хорошо заметны на внутренней поверхности⁷.

Вероятно, начин был двухэлементный: горло кувшина было выполнено отдельно, также из лент. Следы соединения горла и плечиков прослеживаются изнутри в виде хорошо заметного шва, а снаружи в виде "припухлости" в нижней части горла.

Плетеная ручка сосуда была вставлена в углубленные пазы в стенках, что также отчетливо заметно с внутренней стороны. Этот прием хорошо известен северокавказским гончарам, по крайней мере, с позднекобанского времени.

Поверхность сосуда была тщательно заглажена пальцами, возможно при помощи поворотного устройства, а затем был нанесен орнамент. Потом венчик, горло, плечики и верхняя часть тулова были залощены. В результате этого верхняя часть орнамента была частично затерта.

Обжиг сосуда неравномерный, значительная часть тулова и плечиков покрыта большим черным пятном прскала, остальная часть имеет зеленовато-серый и серый цвет. По-видимому, обжиг сосуда проходил в восстановительной среде, насыщенной продуктами горения, и мог производиться как в углубленном костре, так и в гончарных печах различной конструкции⁸.

Форма и прием орнаментации кувшина, найденного на берегу Отказненского водохранилища, позволяют отнести его к большой группе керамики из могильников Центрального Предкавказья, выделенной М.П.Абрамовой и Б.М.Керефовым и датированной II-I вв. до н.э.⁹ В качестве ближайших аналогий можно указать кувшины

из Китаевского могильника: к.6, п.2 и к.7 п.5, кувшин из комплекса у с.Пседах, опубликованный В.Б.Виноградовым¹⁰.

Большое сходство наш сосуд имеет с чернолощенным кувшином со сливом из катакомбного погребения 8 к.10 могильника у ст. Иперской, датированного второй половиной II в. до н.э. – I в. до н.э.¹¹ На территории Прикубанья этот кувшин, очевидно, является привозным.

Ни один из вышеупомянутых сосудов не имеет витой ручки в сочетании с носиком-сливом. Подобное сочетание можно отметить только для кувшина из п.17 Чегемского кургана, надежно датированного по античному кубку II в. до н.э.¹²

Таким образом, по совокупности датировок всех вещей нашего комплекса, для него может быть предложена дата в рамках II в. до н.э. – рубеж н.э.

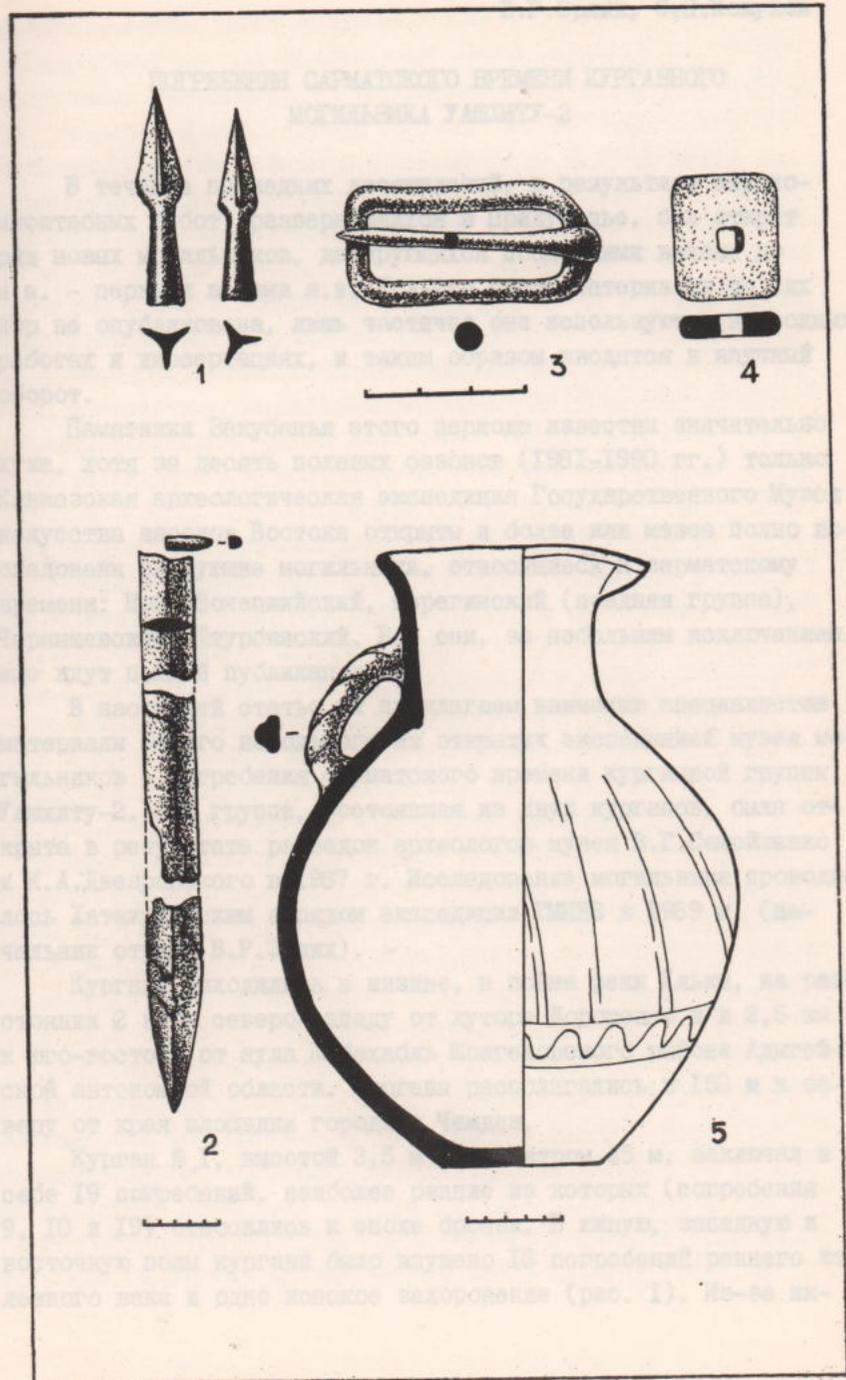
При полном отсутствии данных о погребальном обряде, наличие ближайших аналогий в материалах северокавказских могильников все же определяет культурно-хронологическое положение этого комплекса среди памятников, оставленных этнически неоднородным населением Предкавказья, возможно, именно в этот период приобретшего черты качественно нового этнокультурного образования¹³.

1. Найдено А.В. Отчет о разведках по течению р. Кумы. – Архив ИА АН СССР, Р-1, № 7033.
2. Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени. – В кн.: Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, т. 2, Нальчик, 1985, с. 196; Коренько В.А., Найдено А.В. Погребения раннежелезного века в курганах на р. Томузловка. – СА, 1977, № 3, с. 231, рис. 2,7; Абрамова М.П. О хронологии ранней группы погребений Нижне-Джуглатского могильника. – КСИА, 1983, вып. 176, с. 37.
3. Ждановский А.М. Классификация наконечников стрел из курганных погребений Среднего Прикубанья сарматского времени. В сб.: Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988, с. 56-58, рис. 2,5.

4. Абрамова М.П. Указ.соч., с.38, рис.1; Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987, с. 156; Керефов Б.М. Указ. соч., с. 184, 200.
5. Вязьмитина М.И. Золото-Балковский могильник. Киев, 1972, с. 134-135, рис. 66,2; Махно Е.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янець. - АП IX. 1960, с. 35.
6. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978, с. 82.
7. Бобринский А.А. Указ.соч., с. 131, рис. 4, с. 179, 182.
8. Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М., 1988, с. 165-167.
9. Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988, с. 56; Абрамова М.П. О хронологии... с. 38.
10. Коренько В.А., Найдено А.В. Указ.соч., рис. 4, 7, 8; Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. - Тр. ЧИНИИ, т. VI, 1963, с. 58-59, рис. 23.
11. Игнатов В.Н., Скрипкин А.С. Комплексы сарматского времени из Прикубанья. - СА, 1988, № 3, с. 177, 191, 195, рис.7,6.
12. Керефов Б.М. Чегемский курган-кладбище..., с. 143-144, 183, рис. 9,3.
13. Березин Я.Б. Историография изучения сарматской эпохи Центрального Предкавказья. - В сб.: Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с. 73; Абрамова М.П. Подкумский могильник..., с. 177-179.

Список иллюстраций

1. Железные наконечники стрел
2. Фрагменты железного меча
3. Железная пряжка
4. Костяная пряжка
5. Кувшин

ПОГРЕБЕНИЯ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ КУРГАННОГО
МОГИЛЬНИКА УАШХИТУ-2

В течение последних десятилетий, в результате широко-масштабных работ, развернувшихся в Прикубанье, был открыт ряд новых могильников, датирующихся последними веками до н.э. — первыми веками н.э. Большая часть материалов до сих пор не опубликована, лишь частично они используются в сводных работах и диссертациях, и таким образом вводятся в научный оборот.

Памятники Закубанья этого периода известны значительно хуже, хотя за десять полевых сезонов (1981–1990 гг.) только Кавказская археологическая экспедиция Государственного Музея искусства народов Востока открыты и более или менее полно исследованы следующие могильники, относящиеся к сарматскому времени: Ново-Вочепшийский, Серегинский (поздняя группа), Чернышевский, Штурбинский. Все они, за небольшим исключением, еще ждут полной публикации.

В настоящей статье мы предлагаем вниманию специалистов материалы самого небольшого из открытых экспедицией музея могильников — погребения сарматского времени курганной группы Уашхиту-2. Эта группа, состоявшая из двух курганов, была открыта в результате разведок археологов музея В.Г.Самойленко и К.А.Днепровского в 1987 г. Исследование могильника проводилось Хатажукайским отрядом экспедиции ГМИНВ в 1989 г. (начальник отряда В.Р.Эрлих).

Курганы находились в низине, в пойме реки Ульки, на расстоянии 2 км к северо-западу от хутора Дорошенко и в 2,5 км к юго-востоку от аула Кабахаль Шовгеновского района Адыгейской автономной области. Курганы располагались в 150 м к северу от края площадки городища Чемдеж.

Курган № 1, высотой 3,5 м и диаметром 45 м, заключал в себе 19 погребений, наиболее ранние из которых (погребения 9, 10 и 19) относились к эпохе бронзы. В южную, западную и восточную долины кургана было впущено 16 погребений раннего железного века и одно конское захоронение (рис. 1). Из-за ин-

Абрамова М.П. Указ. соч., с. 38, рис. 1; Абрамова М.П. Из истории культуры. М., 1967, с. 156; Карафов В.М. Указ. соч., с. 184, 200.

Василькина М.И. Золото-Валковской могильник. М., 1972, с. 124–129, рис. 55, 2; Мухомов В.В. Розкопки курганов эпохи бронзы в Прикубанье. Усть-Лабинск, 1971, с. 11–12, рис. 1–3.

Карафов В.М. Сарматские курганы Прикубанья. М., 1978, с. 10–11, рис. 1, 2; Карафов В.М. Сарматские курганы Прикубанья. М., 1978, с. 10–11, рис. 1, 2.

Карафов В.М. Указ. соч., с. 131, рис. 1, 2, 179, 182.

Мухомов В.В., Мухомова Н.В. Давно в прошлом. М., 1968, с. 165–167.

Карафов В.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарской Республики. М., 1960, с. 56; Абрамова М.П. О хронологии. М., 1967, с. 38.

Карафов В.М. Указ. соч., с. 7, 8; Василькина М.И. Сарматские курганы Прикубанья. М., 1972, с. 124–129, рис. 55, 2.

Карафов В.М., Карафов А.С. Сарматские курганы Прикубанья. М., 1966, с. 177, 191, рис. 7, 8.

Карафов В.М. Могильник хутора Уашхиту. М., 1983, с. 143–144, рис. 1, 2.

Борискин М.В. Историко-географический очерк истории Северного Прикубанья. — В сб. Страны и народы Северного Прикубанья. М., 1964, с. 77; Абрамова М.П. Покубанские могильники. М., 1967, с. 174–176.

1. Малая курганная группа

2. Курганная группа

3. Могильник

4. Погребения

5. Курган

тенсивного процесса почвообразования форму могильных ям проследить не удалось. Вследствие плохой сохранности и малой информативности рисунки погребений не приводятся. Ниже даются описания погребений.

Погребение № 1. Обнаружено в 12 м к ЮЮВ от нулевой точки на глубине 2,52 м*. Плоская песчаниковая плитка неправильной формы размером 50x30 см была обнаружена к западу от погребенного на глубине 2,37 м.

Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток, с незначительным отклонением к северу. От костяка сохранились только фрагменты длинных костей. Руки, вероятно, были вытянуты. У левой бедренной кости лежала сероглиняная гончарная кружка (табл. 2.5) и железный наконечник копья. Южнее наконечника, на 12 см выше дна могилы, обнаружены кости животного, на дне могилы — следы древесного угля.

Погребение № 2. Обнаружено на расстоянии 6,5 м к ВСВ от нулевой точки на глубине 1,14 м. Погребенный (ребенок?) лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. От костяка сохранились фрагменты черепа и длинных костей. В ногах погребенного находились раздавленный сероглиняный канфар (таблица 5.2) и мелкие фрагменты красноглиняного сосуда (не взяты).

Погребение № 3. Обнаружено в 15 м к ЮВ от нулевой точки на глубине 2,11 м. У ног погребенного, на 12 см выше уровня костяка лежала песчаниковая плита размером 30x40 см. От костяка сохранилось несколько фрагментов костей ног. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Справа от стоп погребенного находились три сосуда: две гончарные сероглиняные кружки (табл. 2.6 и 4.6) и лепной горшок (табл. 5.4). В одной из кружек найден ритуальный сосудик, сделанный из ножки красноглиняной амфоры (табл. 6.2I). Возле пояса погребенного расчищено бронзовое зеркало (табл. 7.2), фрагменты железной пряжки (табл. 6. II-I2) и фрагмент железного ножа. В области левого плеча (?) находился железный наконечник копья (табл. 7.7). Среди сосудов расчищены фрагменты

* "Нулевая точка" — центральный репер кургана. Все глубины даны от вершины кургана (центрального репера).

костей животных.

Погребение № 4. Обнаружено на расстоянии 5,2 м к ЮЗ от нулевой точки на глубине 1,9 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ, ступни сведены вместе, руки согнуты в локтях так, что кисти находились в области живота, череп лежал лицом вверх. В области груди, ближе к правой руке, обнаружена глазчатая бусина (табл. 6.II), у правого запястья — фрагменты янтарной бусины.

Погребение № 5. Обнаружено в 15 м к ЮЗ от нулевой точки, на глубине 2,62 м. Погребенный лежал вытянуто, головой на ЮГ. Руки вытянуты вдоль тела, череп повернут лицом к востоку. На тазовых костях обнаружены мелкие фрагменты корродированного железного предмета (ножа?).

Погребение № 6. Обнаружено в 17 м к ЮЗ от нулевой точки, на глубине 2,71 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток. Стопы ног сведены вместе, руки, судя по остаткам трубчатых костей, были вытянуты вдоль туловища. В ногах погребенного обнаружены: справа — железный наконечник копья (табл. 7.6), в области левой голени — сероглиняный канфар (табл. 5.1) и фрагменты лепного горшочка (не взяты). Возле правого колена обнаружены фрагменты красноглиняной кружки (табл. 3.5). В области таза у шейки левого бедра — найдена лепная красноглиняная мисочка (табл. 3.2), рядом — фрагменты железного ножа (не взяты) и железной пряжки (не взяты).

Погребение № 7. Обнаружено на расстоянии 14 м к ЮЗ от нулевой точки, на глубине 2,45 м. Погребенный лежал вытянуто головой на восток. Сохранность костей плохая. Руки вытянуты вдоль тела. В ногах скопление керамики: красноглиняная лепная миска (табл. 4.2), фрагменты светлоглиняного гончарного сосуда и лепного горшочка, а также железный нож (табл. 7.I2).

Погребение № 8. Обнаружено на расстоянии 15 м к ЮВ от нулевой точки, на глубине 1,19 м. Погребенный лежал головой на восток, от костяка сохранились только кости черепа и отдельные фрагменты трубчатых костей. Приблизительно на уровне таза находился гончарный сосудик (табл. 3.1), к западу от него лежало глиняное пряслице (табл. 6.7), в области голени(?) найден развал гончарного красноглиняного кувшина (табл. 2.2)

и фрагменты лепного горшочка.

Погребение № II. Обнаружено на расстоянии 19 м к ЮЗ от нулевой точки, на глубине 3,02 м. В 12 см над погребением находилась фрагментированная песчаниковая плита неправильной формы, размером 30 x 40 см. Под плитой обнаружен костяк погребенного, лежавший головой на восток, в вытянутом положении. От костяка сохранились фрагменты черепа и трубчатых костей. Возле черепа обнаружено бронзовое зеркальце (табл. 6.5). В области левого бедра находился гончарный сероглиняный горшок с крышкой (табл. 4.5-6), в котором лежала галька с уплощенной стороной (табл. 6.6), видимо, оселок. В области стоп найдены четыре сосуда: сероглиняная гончарная чаша (или глубокая миска; табл. 4.1), гончарная сероглиняная кружка, фрагменты сероглиняного лепного горшка и фрагменты сероглиняного сосуда на кольцевом поддоне.

Погребение № 12. Обнаружено на расстоянии 20 м к ЮВ от нулевой точки, на глубине 2,08 м. От погребенного сохранились лишь фрагменты костей, по которым можно предположить, что он лежал вытянуто, головой на запад. Возле черепа расчищены фрагменты красноглиняного гончарного кувшина на кольцевом поддоне и лепного сероглиняного горшка. В области груди (?) обнаружено сильно корродированное бронзовое зеркальце (табл. 6.1), а далее к востоку — фрагменты железного ножа.

Погребение № 13. Обнаружено на расстоянии 19 м к ЮВ от нулевой точки, на глубине 2,32 м. Сохранность костяка плохая, уцелели кости черепа и трубчатые кости ног. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. В ногах погребенного обнаружено скопление сосудов: фрагментированный гончарный кувшинчик на ложно-кольцевом поддоне (табл. 2.3), лепной горшок и фрагменты лепного сосудика. У левой голени, остриями к ногам, лежали два наконечника копий (табл. 7.3) и фрагмент железного ножа (табл. 7.13). Слева от погребенного, выше дна могильной ямы (возможно, на уступе) расчищены кости коня (фрагменты расчлененного костяка), ниже голени обнаружен тлен костей мелкого животного (барана?).

Погребение № 14. Обнаружено на расстоянии 13 м к ЮВ от нулевой точки, на глубине 1,91 м. Кости плохой сохранности,

уцелели только фрагменты таза и конечностей. Судя по их положению, погребенный был ориентирован головой на восток. У правой голени лежало бронзовое зеркальце (табл. 6.2) и фрагмент железного ножа. Справа от ног погребенного расположен железный наконечник копья (табл. 7.4), у втулки которого лежали фрагменты чернолощеного сосуда (табл. 5.5). В области таза обнаружены остатки еще одного сосуда, сероглиняного чернолощеного. Слева от погребенного, в области таза, найдена черноглиняная гончарная кружка (табл. 3.7) и втулка копья. Справа от таза обнаружена гешировая подвеска (табл. 6.8).

Погребение № 15. Обнаружено на расстоянии 23 м к ВСВ от нулевой точки, на глубине 2,53 м. От погребенного ребенка сохранились только молочные зубы. Рядом найден сосудик (табл. 2.1).

Погребение № 16. Обнаружено на расстоянии 18 м к ЮВ от нулевой точки, на глубине 2,34 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток, с небольшим отклонением к северу. В области таза, справа от погребенного, находились: гешировая подвеска (табл. 6.9), стеклянная глазчатая бусина (табл. 6.10), фрагмент железной пряжки (табл. 6.15) и оселок (табл. 6.7). У правого колена обнаружена фрагментированная лепная мисочка (табл. 3.4) и бронзовое зеркальце (табл. 6.4), справа от них — два железных наконечника копий (табл. 7.6). В ногах погребенного стояла орнаментированная гончарная кружка (табл. 2.4) и лепной горшок (табл. 5.5), к северу от них — кости барана. Под кружкой найден фрагмент железного ножа (табл. 7.14).

Погребение № 17. Обнаружено на расстоянии 26 м к ВСВ от нулевой точки, на глубине 3,24 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны. В области черепа найдены фрагменты железного ножа (табл. 7.15).

Погребение № 18. Обнаружено на расстоянии 32 м к ЮВ от нулевого репера, на глубине 2,49 м. Над погребением, на глубине 2,34 м найдена фрагментированная песчаниковая плита. Судя по сохранившимся остаткам костей, можно предположить, что погребенный лежал головой на запад. Сохранились только

фрагменты костей ног. К юго-западу от них найден гончарный канфар (табл. 5.3), к северу от канфара — раздавленный лепной горшочек, рядом — фрагменты двух пряслиц (табл. 6. 20, 22). К северо-востоку от горшочка расчищены фрагменты железного ножа (взять не удалось).

Ко времени функционирования этого могильника относится, вероятно, и конское погребение, впущенное в насыпь кургана на расстоянии II м к ЮЗ от нулевой точки, на глубине I,74 м. Лошадь лежала на левом боку, головой на северо-запад. Левая задняя нога вытянута, правая подогнута. Череп покоился на костях вытянутых передних ног.

Еще одно погребение первых веков н.э. было открыто в кургане 3 этого же могильника. Курган № 3, высотой I,25 м и диаметром 28 м, находился в 90 м к ЮВ от кургана № I. Погребение № 3 было обнаружено на расстоянии 6,6 м к СВ от нулевой точки кургана и на глубине I,39 м от нее. Сохранились кости ног погребенного. Судя по ним, он был положен вытянуто, головой на юго-восток. В ногах погребенного найдена гончарная кружка (табл. 2.6), железный наконечник копья (табл. 7.2), фрагменты лепного горшка, кости барана и железный нож.

Суммируя черты погребального обряда, можно сказать следующее. Погребенные ориентированы по сторонам света таким образом: северо-восток — I погребение (6,75%), юг — I погребение (6,75%), восток — 8 погребений (53%), юго-восток — I погребение (6,75%), юго-запад — I погребение (6,75%), запад — 3 погребения (20%). Ориентировок на север и северо-запад не встречено.

Преобладает ориентировка в восточный сектор, которая (с учетом юго-восточного и северо-восточного направлений) составляет 73,5% всех погребений. Ориентировка в южный сектор, характерная для закубанских памятников III-I вв. до н.э., встречена (с учетом юго-восточной и юго-западной) в 3 случаях (20%). Западная ориентировка, господствующая в памятниках I-III вв. н.э. Кубани¹, встречена всего в 3 случаях (20%).

Из-за плохой сохранности костяков о деталях обряда почти ничего не известно. В четырех случаях можно утверждать, что ступни ног погребенных были сближены, явных случаев перекре-

щивания ног не зафиксировано. По крайней мере, в одном случае кисти рук погребенного лежали на нижней части живота (п.4). Пол и возраст погребенных по сохранившимся останкам костей не определялся, однако ясно, что подавляющее число костяков принадлежит взрослым людям. Только погребения № 2 и I5 можно определить как детские.

В четырех случаях погребения сопровождалась костями животных (барана?) — п.п. I, I3 и I6 кургана № I и п. 3 кургана № 3. Кроме того, в п. I3 кургана № I встречены лошадиные кости (конечности). В трех погребениях обнаружены каменные плиты небольших размеров. Хотя обычай помещения в могилу каменных плит существовал на Кубани с конца VII в. до н.э.², его нельзя считать исключительно меотским. Он встречается, например, в Поволжье, хотя значительно реже (курган I8, II Бережновского могильника)³.

Керамика, в основном, ставилась в ноги, у стоп или коленей погребенного. Один раз лепная миска найдена на коленях костяка. Эта черта обряда встречается, в частности, в погребениях Чернышевского и поздней группы Серегинского могильников⁴. Наконечники копий встречены в 6 погребениях кургана № I, что составляет 37,5% от общего числа погребений. Копья помещались в могилу наконечниками к голове или к ногам, слева или справа. В одном случае в погребении найдены наконечники стрел. Дважды обнаружены фрагменты железных пряжек.

Орудия труда представлены железными ножами и керамическими пряслицами. Бронзовые зеркала располагались либо у пояса, либо в ногах погребенных. Бусы встречены только в двух погребениях, их очень мало. Полностью отсутствуют фибулы, браслеты, перстни.

Лепная керамика представлена кухонными горшками, миской и маленькими сосудиками типа мисочек, возможно, ритуального назначения.

Удалось восстановить форму трех лепных горшков, все три — разных типов.

I-й тип — горшок баночной формы с выпуклым туловом и загнутым вовнутрь округлым бортиком (табл. 5.4). Высота горшка — I3,3 см, диаметр по краю — 9,5 см, диаметр тулова — I2 см,

диаметр дна - 6,3 см. Горшки этого типа очень широко распространены в меотских комплексах Кубани, начиная с IV в. до н.э.⁵ и существуют до первых веков н.э. Сосуды, близкие по пропорциям горшку из Уашхиту-2, встречены в погребениях I-III вв. н.э. могильника городища № I х.Ленина⁶.

2-й тип - горшок с округлым краем, венчик отогнут наружу, между венчиком и плечиками - выделенный горизонтальный желобок. Тулово шаровидное на плоском дне (табл. 5.6). Высота сосуда - 13 см, диаметр устья - 11,5 см, диаметр тулова - 14 см, диаметр дна - 8 см. Близкие по форме горшки встречены в комплексах III-I вв. до н.э. 2-го Усть-Лабинского могильника⁷, в погребении 2 кургана № I у станицы Ново-Титаровской⁸, на Правобережье Кубани, в степи⁹.

3-й тип - горшок баночной формы, с округлым краем и отогнутым наружу венчиком, на плоском дне (табл. 5.5). Его высота 13,5 см, диаметр устья 11 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр дна 8 см. Близкие по форме горшки встречены в погребениях четвертой хронологической группы 2-го Усть-Лабинского могильника¹⁰, хотя известны и ранее, например, в III-II вв. до н.э.¹¹

Лепная миска из погребения 7 (табл. 4.2) имеет плоский край, невысокий бортик, с нависающим наружу венчиком, и коническое тулово на слабо выраженном кольцевом поддоне. Высота миски - 5,5 см, диаметр по краю - 17 см, диаметр дна - 6 см. Форма этой миски - подражает форме сероглиняных гончарных мисок из меотских памятников III-I вв. до н.э.¹²

Интересна лепная мисочка из п.16 кургана I (табл. 3.4). Венчик горизонтальный, широкий, стенки конические, в нижней части резко сужаются ко дну. На дне небольшая вогнутость. Высота сосуда - 3,7 см, диаметр по краю - 8,5 см, диаметр дна - 2,5 см. По форме эта мисочка близка ритуальным чашкам Таркинского могильника¹³, но в отличие от них не орнаментирована. Близкая по форме, но более крупная миска с вдавлением на дне найдена в Ханкальском могильнике в Притеречье¹⁴.

Маленькие лепные мисочки встречаются в памятниках последних веков до н.э. - первых веков н.э. Кубани¹⁵.

Гончарная керамика могильника Уашхиту-2 представлена

кувшинами разных типов, кружками-кувшинами, канфарами (двуручными кубками).

Из п.3 кургана I происходит гончарный сероглиняный кувшин, одноручный, край слегка скошен наружу, венчик немного отогнут и плавно переходит в высокое цилиндрическое горло. Тулово уплощенно-биконическое, на плоском дне. Ручка ленточная, верхним краем крепится под венчиком, нижним - на плечиках сосуда. Высота кувшина - 20,3 см, диаметр устья - 10 см, диаметр тулова - 16,5 см, диаметр дна - 7,5 см. Кувшин имеет аналогии в памятниках I в. до н.э. - II в. н.э. Это курган у ст. Воздвиженской¹⁶, 2-й Усть-Лабинский могильник¹⁷, 2-й Елизаветинский могильник¹⁸.

Из п.15 кургана I происходит небольшой сероглиняный кувшинчик с округлым краем, слегка отогнутым наружу венчиком. Тулово биконическое, с ребром перегиба в нижней четверти. Дно плоское. К тулову крепится круглая в сечении петельчатая ручка (табл. 2.1). Высота сосуда - 7,5 см, диаметр устья - 7 см, диаметр тулова - 7,5 см, диаметр дна - 4,3 см. Кувшинчики близких форм встречены в Прикубанье¹⁹, на Нижнем Дону²⁰, на Правобережье Волги²¹ и датируются довольно широко - от I в. до н.э. до III в. н.э.

Кувшинчик из 3 кургана 3 отличается от вышеописанного лишь наличием горизонтального валика под венчиком (табл. 3.6) и размерами (высота 10,7 см, диаметр устья 8,5 см, диаметр тулова 10,5 см, диаметр дна 6 см).

Еще один кувшинчик (п.8 кургана I) красноглиняный, покрытый черным ангобом, имеет округлый край, раструбообразное горло, и тулово грушевидной формы на небольшом кольцевом поддоне. По горлу проходит горизонтальный валик (табл. 2.2). Аналогии ему имеются в погребениях I-II вв. н.э. 2-го Елизаветинского могильника²².

Самую многочисленную группу гончарной посуды составляют кружки-кувшини, с биконическим или грушевидным туловом. Ребро перегиба в нижней части, дно плоское, и лишь у одного сосуда имеется слабо выраженный кольцевой поддон (курган I, погребение I). Край округлый или приостренный, венчик вертикальный, либо слабо отогнут наружу. Петлевидная ручка часто украшена

резным орнаментом (курган I, погребения I, 3, I6) или налепами, имитирующими глаза (п. II курган I). Поверхность украшена двумя-тремя группами горизонтальных желобков, между которыми нанесен зубчатым штампом или процарапан зигзагообразный или сетчатый орнамент. Цвет поверхности серый, черный, желтый. Высота сосудов - 12-16 см, диаметр тулова - 10-14 см, диаметр устья - 10-12 см (табл. 2. 4-5; 3. 5-7; 4.3).

Аналогии подобным сосудам происходят из сарматских памятников - в Таркинском могильнике²³, близкие сосуды (лепные, а не гончарные) встречены в Калиновском курганном могильнике²⁴, в кургане у станции Кубанской²⁵, во II Бережновском могильнике²⁶.

На Кубани сосуды близких форм встречены в погребениях у станции Геймановской²⁷. Все приведенные аналогии датируются последними веками до н.э. - первыми веками н.э.

Из п. II кургана I происходит сероглиняная чаша (или глубокая миска) с округлым краем и вертикальным бортиком. Нижняя часть сосуда резко сужается к плоскому дну. Тулово украшено горизонтальными каннелюрами (табл. 4.1). Высота 8 см, диаметр по краю - 13,7 см, диаметр тулова 15,5 см, диаметр дна 6,6 см. Аналогии нам неизвестны.

Из этого же погребения происходит гончарный сероглиняный горшок с крышечкой. Край округлый, венчик конический, невысокий, по внутренней его поверхности проходит желобок для крышки. Тулово реповидной формы на плоском дне. На плечиках горизонтально крепятся две петлевидные ручки, округлые в сечении. Плечики сосуда украшены орнаментом в виде сетки, ограниченной сверху и снизу двумя желобками, опоясывающими тулово (табл. 4.5). Высота 17 см, диаметр устья 12 см, диаметр тулова 21 см, диаметр дна 10 см.

Крышка от этого горшка (табл. 4.6) уплощенно-полусферической формы, с отверстием в центре. Высота крышки 3 см, диаметр 11 см, диаметр отверстия 0,6 см.

Гончарные сосуды с крышками часто встречаются в погребениях третьей хронологической группы 2-го Усть-Лабинского могильника²⁸ и в других синхронных ему меотских могильниках. Хотя большую часть сосудов с крышками составляют миски²⁹, но

встречаются и горшки, близкие к вышеописанному³⁰. Сетчатый орнамент, как на горшке из Уаххиту-2, появляется на кубанской керамике в первые века н.э.³¹

Еще одну группу гончарной керамики представляют двуручные канфары. Выделяются два типа:

I-й тип (табл. 5. 2-3) - курган I, п.п. 2 и I8. Край округлый, тулово плавно сужается ко дну, дно на небольшом кольцевом поддоне. Ручки верхним концом крепятся к краю венчика, образуя площадку-упор, нижним - к середине тулова. Поверхность площадок украшена врезным и штампованным орнаментом. Высота - 8 и 7,5 см, диаметр устья - 10 x 8,5 и 9,7 см, диаметр дна - 4,3 и 4 см.

2-й тип (табл. 5.1) - курган I, погребение 6. Край прямой приотренный, тулово с вертикальными стенками, в нижней части под тупым углом сходится к сплошному небольшому поддону. Ручки, округлые в сечении, верхним концом крепятся к краю, образуя площадку-уступ, нижним - к середине тулова.

Тулово опоясано двумя желобками, пространство между которыми заполнено штампованным гребенчатым орнаментом из косых линий. Верхняя часть ручек также украшена штампованным орнаментом. Высота сосуда 6,8 см, диаметр по краю 9,8 см, диаметр дна 4,3 см.

Канфары I-го типа - встречены в комплексах первых веков н.э. Тахтамукаевского³² и Штурбинского могильников³³, в погребении I в. н.э. Ново-Вочепшийского грунтового могильника³⁴. По мнению В.Б.Виноградова и В.Г.Петренко, подобные сосуды восходят к стеклянным канфарам, встреченным в Зубовском и Северском курганах³⁵. Канфар из п.6 несколько отличается своей формой, но видимо, восходит к тому же источнику.

Оружие представлено наконечниками копий и стрел. Из-за плохой сохранности форма и полные размеры наконечников не восстанавливаются. Преобладают наконечники с продольным ребром, но есть и экземпляры с плоским пером (табл. 7).

Лишь наконечники копий из погребения 3 кургана 3 сохранились в достаточной степени (табл. 7. I-2). Они имеют вытянуто-ромбическое перо с продольным ребром и коническую втулку. Аналогичные наконечники встречены в погребениях I-II вв.

н.э. 2-го Елизаветинского могильника³⁶.

Два трехлопастных черешковых наконечника стрел происходят из п.4 кургана I (табл. 6.17-18). А.М.Хазанов отмечал, что подобные наконечники, с треугольной головкой и лопастями, обрезанными под прямым углом к черенку, войдя в употребление в III-II вв. до н.э., продолжали использоваться и позже³⁷.

Украшения и предметы туалета крайне немногочисленны. Бронзовые зеркала из могильника Уашхиту-2 делятся на 2 типа:

1-й тип - зеркала с круглым или овальным диском небольшого размера (5-6 см), с валиком по краю, коническим выступом в центре и боковой ручкой с отверстием. На двух зеркалах схематически изображены фигурки животных, у остальных - поверхность гладкая (табл. 6. 2-5). На Северном Кавказе зеркала подобного типа встречаются в памятниках I - начала II в. н.э.³⁸ и распространены чрезвычайно широко.

2-й тип - маленькое плоское зеркало без бортика (табл. 6.1). А.М.Хазанов датирует такие зеркала довольно широко, отмечая, что наибольшее их распространение падает на I в. до н.э. - I в. н.э.³⁹

Бусы встречены только в трех погребениях, по одному-два экземплярам. Так, например, в кургане I, п.16, найдена синяя стеклянная глазчатая бусина (табл. 6.10), имеющая аналогии в причерноморских памятниках последних веков до н.э. - I в. н.э.⁴⁰, а также гешировая подвеска (табл. 6.9). Близкая подвеска встречена в погребении I4 того же кургана (табл. 6.8). Обе подвески имеют широкий хронологический диапазон⁴¹.

Железные пряжки встречены в двух погребениях. Они очень плохой сохранности, очевидно, это были обычные круглорамчатые пряжки с подвижным язычком, характерные для первых веков н.э.⁴²

Браслетов и фибул, столь обычных для памятников первых веков н.э., нет совсем.

Орудия труда представлены керамическими дисковидными пряслицами, характерными для первых веков н.э.⁴³ (табл. 6. 19-20, 22) и небольшими железными ножами. Из-за очень плохой сохранности их тип и первоначальные размеры восстановить трудно. Видимо, это были черенковые ножи с прямой спинкой

(табл. 7. II-12).

Большинство вещей, встреченных в погребениях может быть датировано I в. до н.э. - II в. н.э., однако такие предметы, как зеркала с боковой ручкой, канфары, позволяют принять дату I - первая половина II вв. н.э.

Подводя итоги, мы можем отметить, что публикуемый могильник в Закубанье пока аналогий не имеет - ни среди памятников меотской культуры, доживающих до начала н.э., ни среди недавно открытых могильников сарматизированного населения первых веков н.э. Также нет оснований связывать его с памятниками так называемой Зубовско-Воздвиженской группы, на правом берегу Лабы. Материалы двух шурфов, заложенных нами на площадке городища Чемдеж в 1990 г., хотя и позволяют отнести начало существования городища к первым векам н.э. (табл. 8. I-18), но не дают основания связать городище с могильником.

Вероятнее всего, в могильнике Уашхиту-2 мы имеем дело с небольшой группой пришлого, инокультурного населения, появившегося в Левобережье Лабы в начале нашей эры. Большой процент погребений с оружием (около 37%), вероятнее всего свидетельствует, что это кладбище вооруженного отряда (или небольшой орды) кочевников сарматского круга.

Авторы выражают надежду, что полная публикация материалов Закубанья последних веков до н.э. - первых веков н.э., которую еще предстоит осуществить, наглядно покажет многокомпонентность (в основе которой скорее всего лежит многоэтничность) сложения сарматизированной культуры Закубанья первых веков н.э.

1. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. - МИА, № 23, М., 1951, с. 192.
2. Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника. - В сб.: Меоты - предки адыгов. Майкоп, 1989, с. 80.
3. Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана. - МИА, 78, 1960, рис. 10.1.
4. Габуев Т.А., Днепровский К.А., Носкова Л.М. Работы Кавказской археологической экспедиции. - АО 1986. М., 1988, с.116.

5. Анфимов Н.В. Указ.соч., с. 170, рис. 5.2.
6. Марченко И.И. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции. Раскопки могильника городища № I у хутора Ленина в 1981 г. - Архив ИА АН СССР, Р-1, № 9146, 9146а-г, табл. 33.2.
7. Анфимов Н.В. Указ.соч., с. 192, рис. 5.7.
8. Козенкова В.И. Комплекс сарматского времени у станицы Ново-Титаровской (Краснодарский край). - В сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 76, рис. 2.3.
9. Марченко И.И. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани. Калининская курганная группа. - В сб.: Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984, с. 66, рис. 7.5.
10. Анфимов Н.В. Указ.соч., с. 192, рис. 15.4.
11. Анфимов Н.В. Указ.соч., рис. 5. 2,6.
12. Анфимов Н.В. Указ.соч., рис. 8.1.
13. Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе селения Тарки. - МИА, 23, 1951, с. 268, рис. 22.
14. Виноградов В.Б., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников. - В сб.: Археолого-этнографические исследования..., рис. 3.13.
15. Анфимов Н.В. Указ.соч., рис. 5. 9-10.
16. Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения Зубовско-Воздвиженского типа из раскопок Н.И.Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. - II в. н.э.). - В сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989, с. 98, табл. IV.36.
17. Анфимов Н.В. Указ.соч., с. 195, рис. 16.1.
18. Анфимов И.Н. Меотский могильник I-II вв. н.э. близ станицы Елизаветинской. - ВАА, Майкоп, 1984, с. 85.
19. Анфимов И.Н. Указ.соч., табл. VI.3.
20. Косьяненко В.М. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (раскопки 1956-1962 гг.). - Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. VI. Ростов-на-Дону, 1989, рис. 8. 8,13.
21. Синицын И.В. Указ.соч., рис. 9.7; рис. 16.II.

22. Анфимов И.Н. Указ.соч., табл. 5.I4.
23. Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана. - МИА, 23, М., 1951, с. 214, рис. II.I.
24. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник. - МИА, 60, 1960, рис. 53.I5.
25. Шилов В.П. Указ.соч., с. 480.
26. Синицын И.В. Указ.соч., рис. II.I.
27. Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и до-революционным материалам). - В сб.: Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988, рис. 7.2.
28. Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник, рис. 9. 9-17.
29. Носкова Л.М., Кожухов С.П., Меотские погребения Ново-Вочепшийского могильника (по материалам раскопок 1985-1986 гг.). - В сб.: Меоты - предки адыгов, рис. I.9.
30. Анфимов Н.В. Указ.соч., рис. 8. I4-I5.
31. Ловпаче Н.Г. Эволюция художественных форм и средств в меотской керамике. - ВАА, Майкоп, 1981, табл. II.I7.
32. Анфимов Н.В. Тахтамукаевский могильник (аул Октябрьский). - В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Вып.2. Майкоп, 1961, табл. II.3.
33. Габуев Т.А. и др. Работы Кавказской археологической экспедиции..., с. II6.
34. Носкова Л.М., Кожухов С.П. Указ.соч., с. 127.
35. Виноградов В.Б., Петренко В.Г. Указ.соч., с. 32.
36. Анфимов И.Н. Меотский могильник..., табл. VI.I4.
37. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 38-39.
38. Скрипкин А.С. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. Дисс... канд.ист.наук. М., 1973, с. 60. Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2125.
39. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал. - СА, 1963, № 4, с. 63.
40. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. - САИ, П-12, 1975, с. 62.

41. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. - САИ, I-12, М., 1978, с. 16.
 42. Абрамова М.П. Подкумский могильник. М., 1987, с. 155.
 43. Носкова Л.М., Кожухов С.П. Указ.соч., с. 128.

Список иллюстраций

- Таблица 1. Общий план кургана Уашхиту-2.
 Таблица 2. I - к. I, п. 15; 2 - к. I, п. 8; 3 - к. I, п. 12; 4 - к. I, п. 16; 5 - к. I, п. 1; 6 - к. 3, п. 3 (I-6 - керамика).
 Таблица 3. I - к. I, п. 8; 2, 5 - к. I, п. 6; 3 - к. I, п. 18; 4 - к. I, п. 16; 6 - к. I, п. 3; 7 - к. I, п. 14 (I-7 - керамика).
 Таблица 4. I, 5, 6 - к. I, п. II; 2 - к. I, п. 3; 3 - к. I, п. 13; 4 - к. I, п. 3 (I-6 - керамика).
 Таблица 5. I - к. I, п. 6; 2 - к. I, п. 2; 3 - к. I, п. 18; 4 - к. I, п. 3; 5 - к. I, п. 16; 6 - к. I, п. 14 (I-6 - керамика).
 Таблица 6. I, 16 - к. I, п. 12; 2, 8, 17, 18 - п. 14; 3, 13, 14, 21 - к. I, п. 3; 4, 9, 10, 16 - к. I, п. 16; 5, 6 - к. I, п. II; 7 - к. I, п. 6; II - к. I, п. 4; 19 - к. 2, п. 8; 20, 22 - к. I, п. 18 (I-5 - бронза, 6-7 - камень, 8-9 - гешир, 10-II - стекло, 12-18 - железо, 19-22 - керамика).
 Таблица 7. I, 2 - к. 3, п. 3; 3, 13 - к. I, п. 13; 4, 8 - к. I, п. 14; 5 - к. I, п. 1; 6, 14 - к. I, п. 16; 7-10 - к. I, п. 3; 9, II - к. I, п. 6; 12 - к. I, п. 7; 15 - к. I, п. 17 (I-15 - железо).
 Таблица 8. Городище Чемдеж. I-3 - шурф I, штык I; 4-5 - шурф I, штык 6; 6 - шурф 2, штык I; 7 - шурф 2, штык 3; 8-9 - шурф 2, штык 4; 10-15 - шурф 2, штык 5; 16-18 - шурф 2, штык 6; 12 - шурф 2, штык 6 (I-2 - сероглин. лепн.; 3 - красногл. лепн.; 4-5 - серогл. гонч.; 6 - красногл. лепн.; 7 - красногл. гонч.; 8 - серогл. лепн. с примесью шамота; 9-13 - серогл. лепн.; 14 - серогл. гонч. (?), поверхность коричневая; 15-16 - серогл. гонч.; 17 - гонч., поверхность коричневая; 18 - серогл. гонч.).

ТАБЛ. 1

КАЭ 89-УАШХИТУ-2
 К-1 ОБЩИЙ ПЛАН

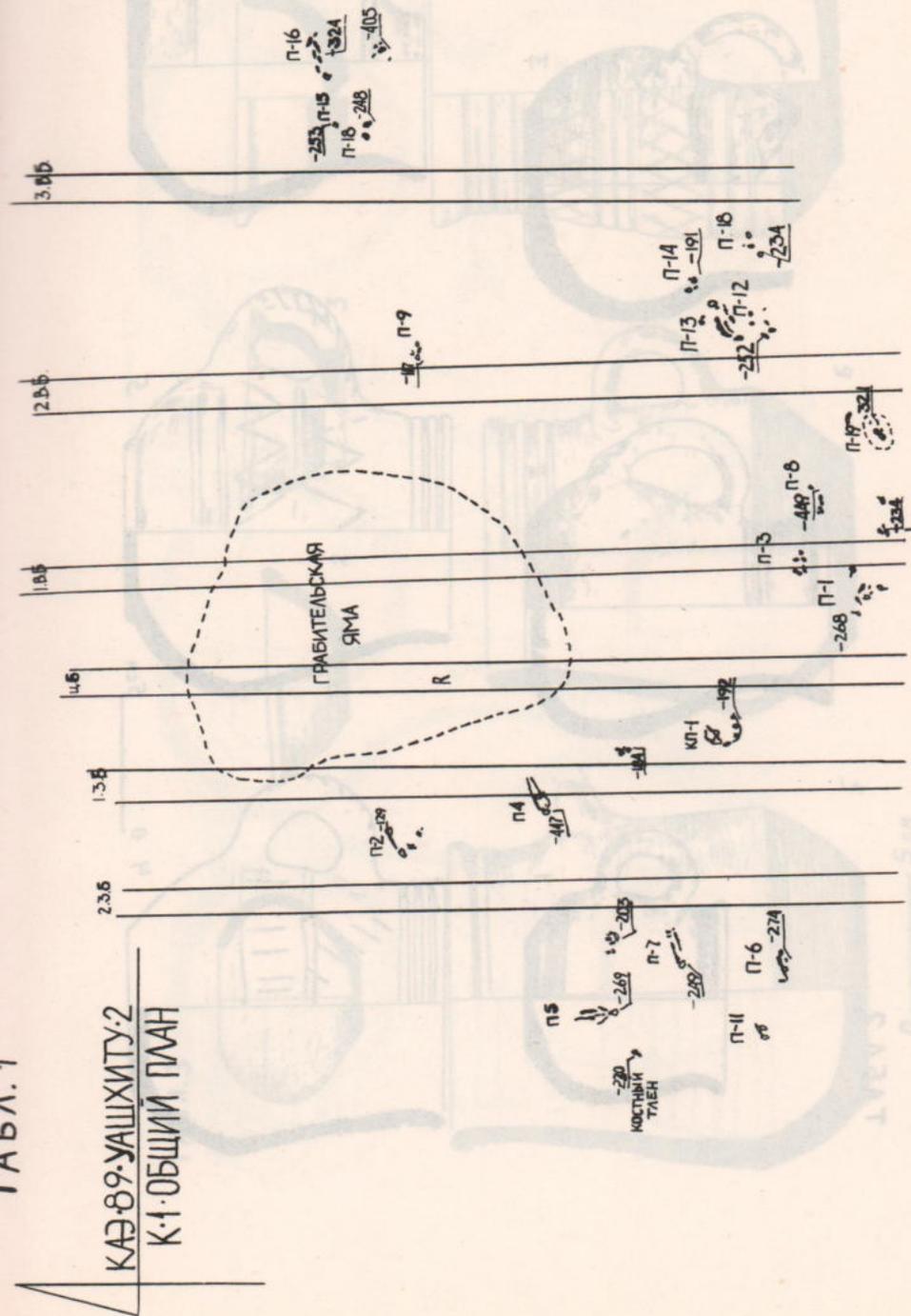

ТАБЛ.2

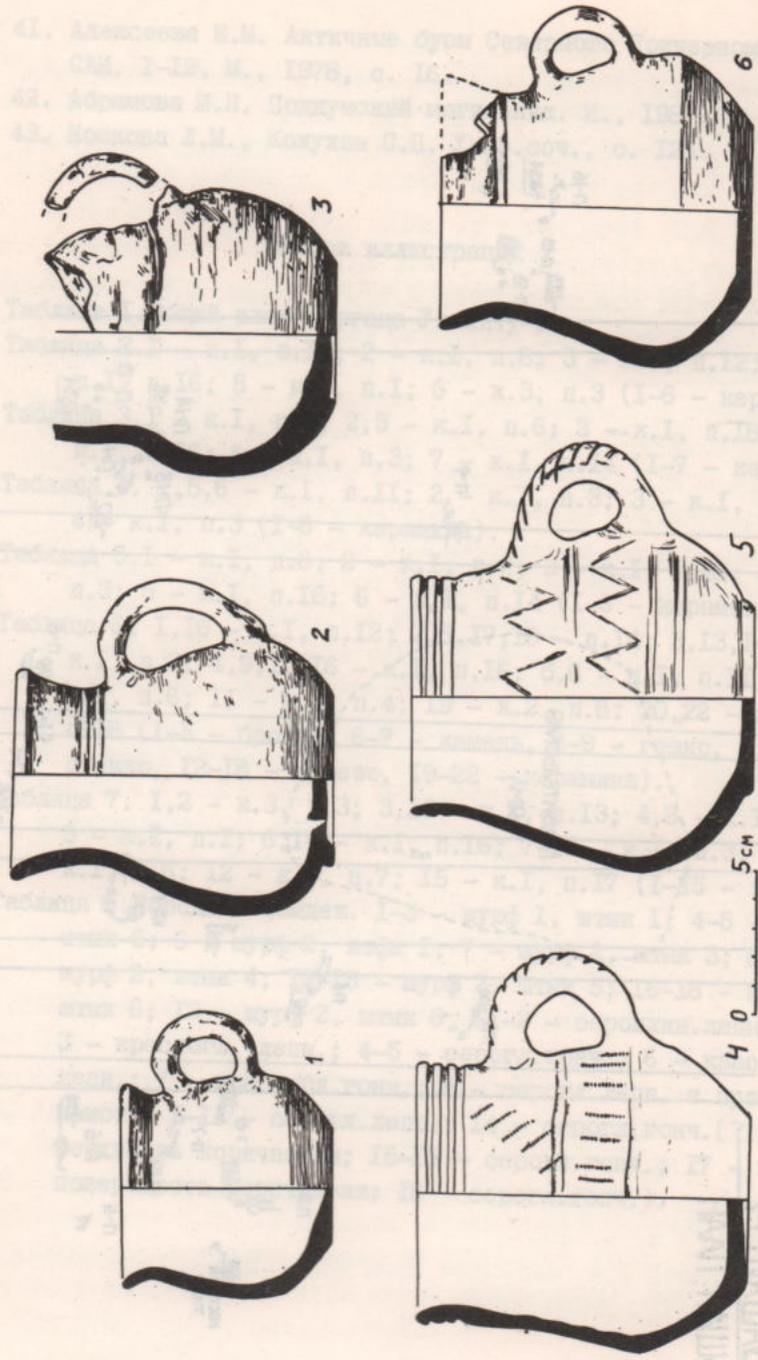

ТАБЛ.3

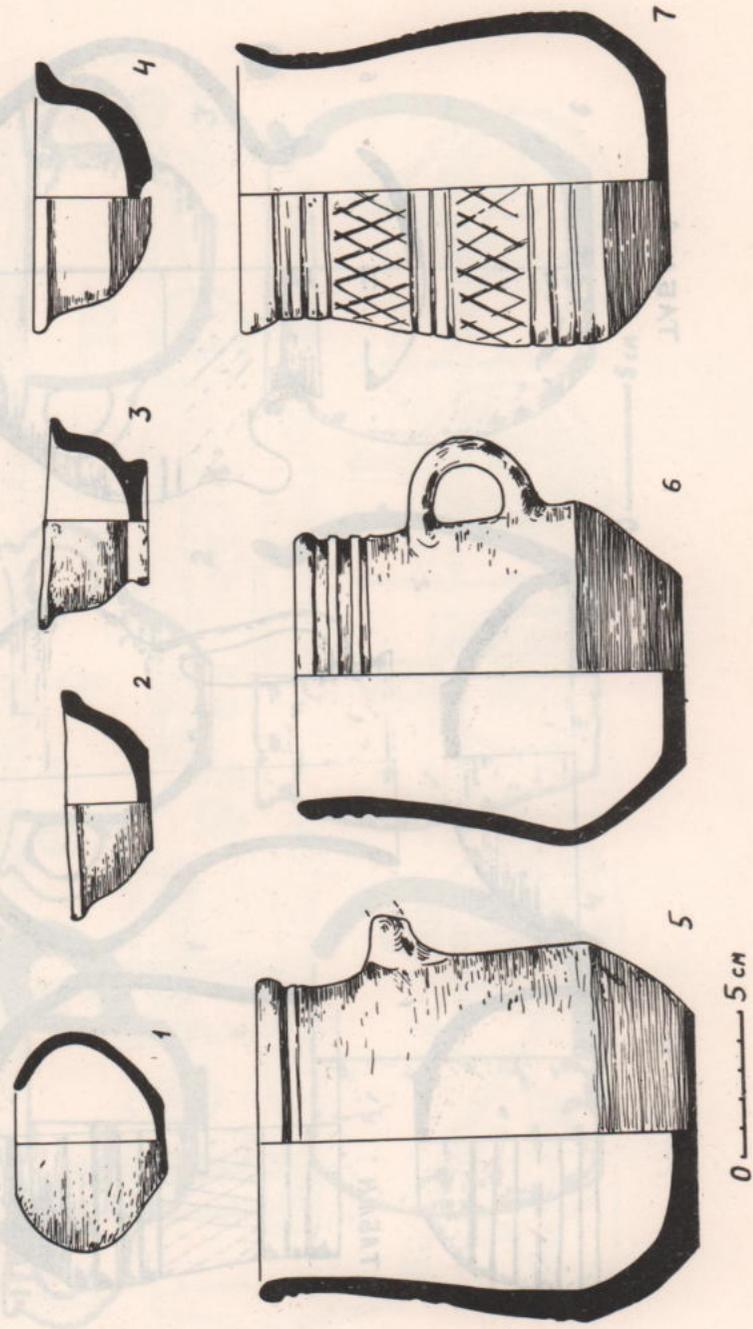

ТАБЛ. 4

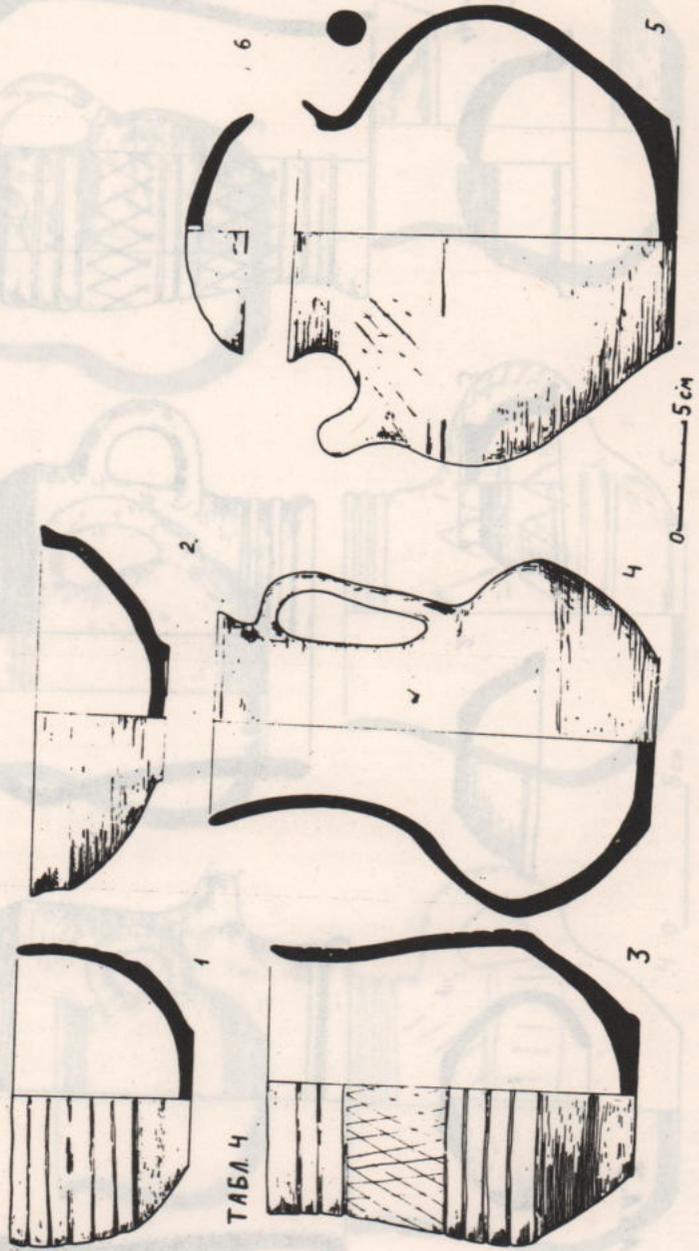

ТАБЛ. 4

ТАБЛ. 5

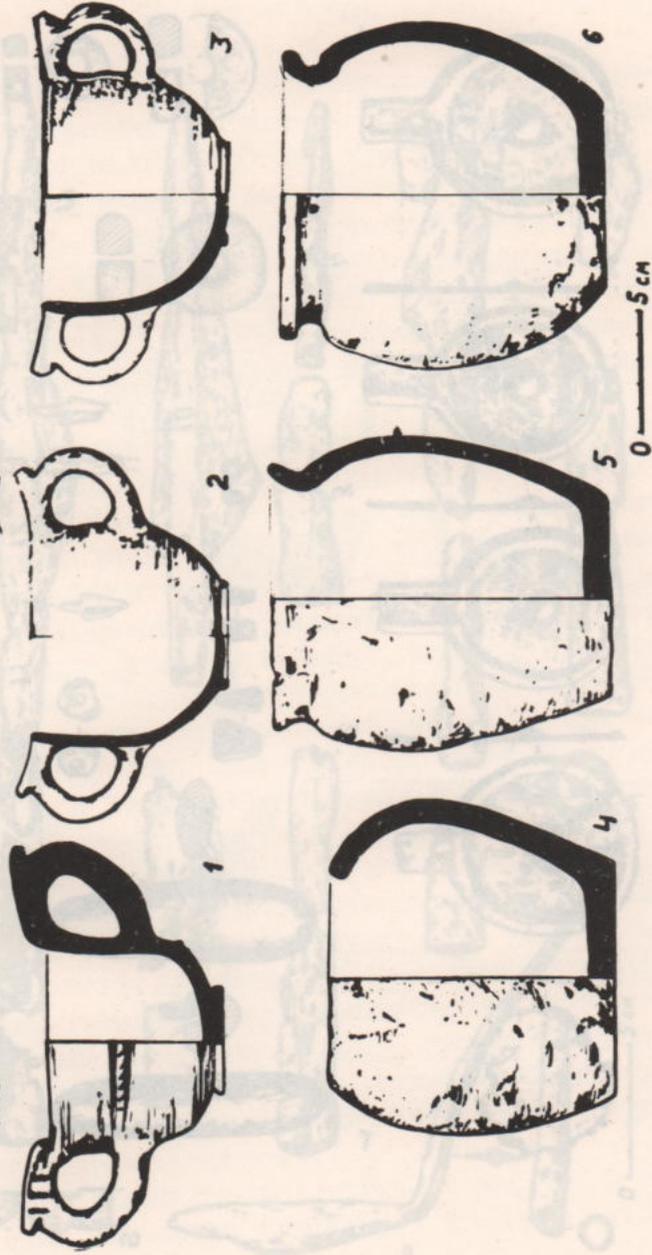

ТАБЛ. 5

ТАБЛ. 6

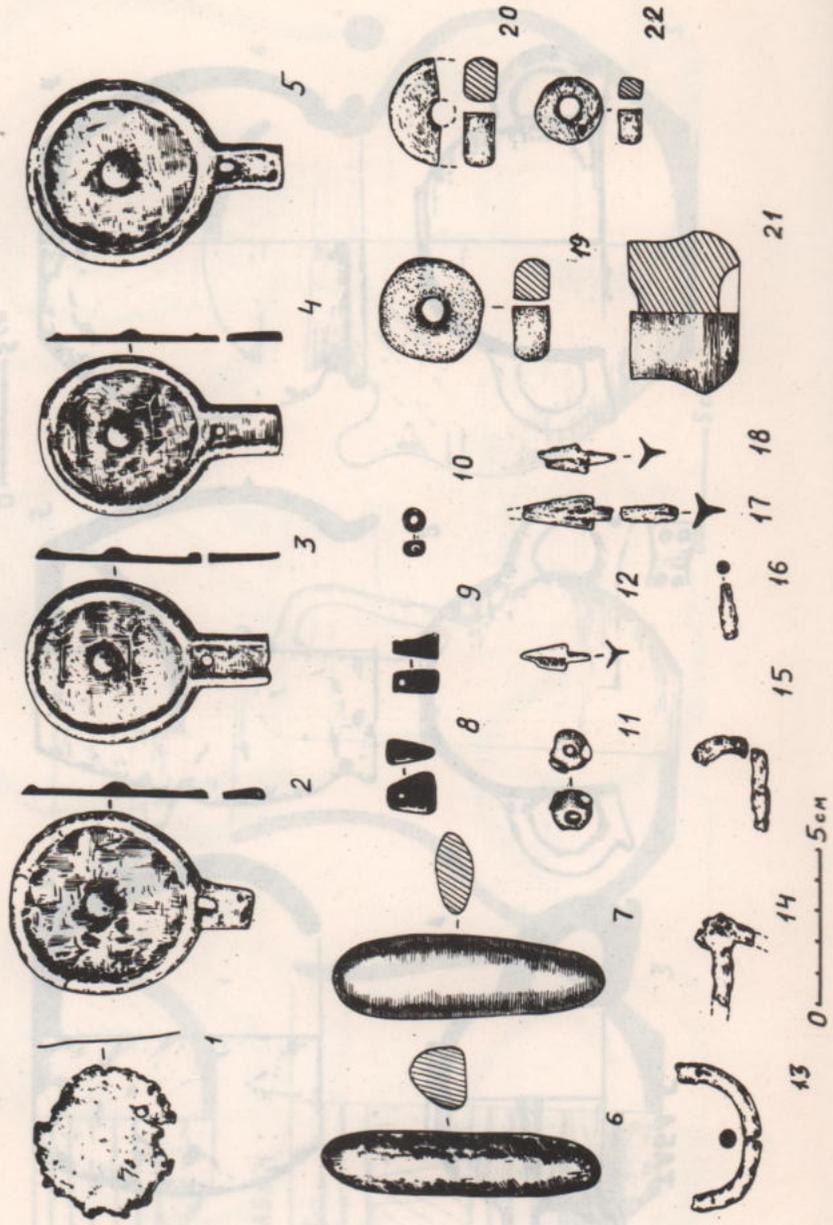
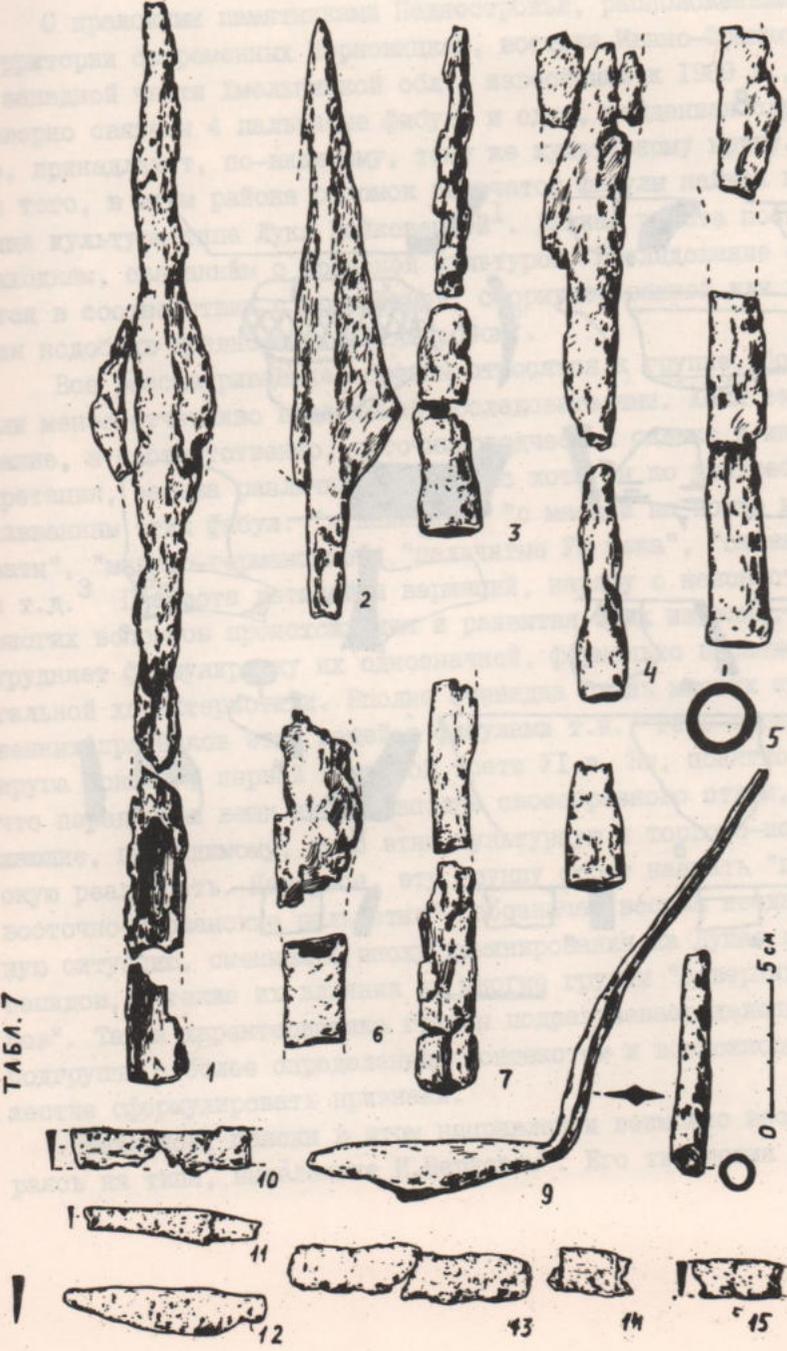

ТАБЛ. 7

ПАЛЬЧАТЫЕ ФИБУЛЫ ПРАЖСКИХ ПАМЯТНИКОВ
ПОДНЕСТРОВЬЯ

С пражскими памятниками Поднестровья, расположенными на территории современных Черновицкой, востока Ивано-Франковской и западной части Хмельницкой обл., известными к 1989 г., достоверно связаны 4 пальчатые фибулы и одна, найденная случайно, принадлежит, по-видимому, тому же культурному кругу. Кроме того, в этом районе обломок пальчатой фибулы найден в жилище культуры типа Луки Райковецкой¹. Данная работа посвящена находкам, связанным с пражской культурой. Исследование строится в соответствии с программой, сформулированной для изучения подобных древностей А.К.Амброзом².

Все рассматриваемые образцы относятся к группе, более или менее отчетливо выделяемой исследователями. Хотя ее понимание, а соответственно, источниковедческая оценка и интерпретация, весьма различны. Это видно хотя бы по употребляемым названиям этих фибул: "дунайские", "с маской на ножке и державы", "мазуро-германские", "пальчатые VII века", "славянские" и т.д.³ Пестрота деталей и вариаций, наряду с неясностью многих вопросов происхождения и развития этих изделий, затрудняет формулировку их однозначной, формально последовательной характеристики. Вполне очевидна связь многих существенных признаков этих вещей с фибулами т.н. "гото-гепидского" круга конца V, первой и второй трети VI в. Но, понятно также, что перед нами вещи иного, вполне своеобразного стиля, отражающие, по-видимому, иную этно-культурную и торгово-политическую реальность. Наверное, эту группу стоит назвать "пост-восточно-германские пальчатые", обозначая весьма неоднозначную ситуацию, сменившую эпоху доминирования на Дунае готов и гепидов, а также их влияния на многие группы "северных варваров". Такая характеристика группы подразумевает деление на подгруппы с более определенным контекстом и возможностью жестче сформулировать признаки.

Наверное, поиски в этом направлении возможно вести, опираясь на типы, выделенные И.Вернером⁴. Его типология доста-

ТАБЛ. 8

точно гибка, эффективна и получила широкое распространение. Совершенствование системы, усиление ее возможностей связаны с детализацией типологии: выделением серий, подтипов, вариантов, "узких вариантов" и т.д.⁵ Наблюдениям в этом направлении, в связи с выбранными для данной статьи экземплярами и их аналогами, а не рассмотрению всей группы, посвящено дальнейшее изложение. Качественное и количественное увеличение материала со времени последних обобщений⁶ позволяет надеяться более точно осветить ряд аспектов проблемы.

Классификация и список находок

В данном случае не ставится целью создание полноценного каталога. Предполагается лишь перечислить известные по публикациям материалы, относящиеся к рассматриваемым типам и предложить их классификацию в соответствии с приведенными наблюдениями. После места находки и характеристики комплекса приведена ссылка лишь на одну, как правило, наиболее полную сводку, учитывающую рассматриваемые находки. Список сокращений дан в конце статьи. В скобках приведен номер рисунка, он же соответствует номеру на карте (см. легенду к табл. III). Рисунки для таблицы взяты не всегда из приведенного источника.

Разновидность миниатюрных. Тип Сармизегетуса-Кишкереш (по Й.Вернеру) — табл. IА. Длина: 5-7 см. По устойчивому сочетанию пропорций и реализации некоторых деталей с особенностями орнамента выделяются варианты.

Вариант Сармизегетуса. Характерные признаки: высота головки фибулы не превышает радиуса окружности, в которую она вписывается; головка украшена двумя симметрично расположенными "миндалинами", их заполнение варьирует. По мере удаления от типологически исходного образца относительная высота головки уменьшается.

Градиште (Варели), // Ч.табл. ССХVI. I (5). Сармизегетуса, н. // В. № 35 (6). Пастырское — 2 шт., П // В. № 36, Г.К. № 31 (7). Лютари, н. // Г.К. № 112 (8). Пекари, н./Г.К. № 103 (9). Лучистое, склеп 10//А. с 22, 199 (10).

Вариант Кишкереш. Характерные признаки: высота головки фибулы не меньше радиуса окружности, в которую она вписывается; головка украшена вписанными друг в друга полукругами, парал-

лельными ее контуру.

Кишкереш, п.2// В. № 37 (2). Демьянов, о. I // Э.К. (I). Штулац (Царичин град), П // Е.К. № 242 (3).

Вариант Тумяны. Характерные признаки: головка украшена расположенным в центре ее полукругом с вырезанными углами, остальные детали орнамента заполняют переход от центральной фигуры к контуру головки; первый (ближайший к головке) ряд отростков на ножке крупнее остальных и близок по форме второму; соответственно, орнамент на ножке, повторяя как и в других вариантах ее очертания, приобретает дополнительный, фокусирующий очертания ножки ромб на уровне первого ряда отростков, на некоторых экземплярах (наверное, более поздних типологически) этот сюжет завершается появлением аналогичного ромба на уровне третьего ряда отростков. Как видно из описания, этот вариант настолько своеобразен в сравнении с предшествующим, что возможно его рассмотрение как особой серии.

Тумяны, п.42, 58, 74, 84, 93, новые п. // Х.К. № 114, 118, 120, 122, 124, 151 (4). Косево, п.366 // Х.К. № 11. Бартолоты Вельке, п. // Х.К. № 198. Пиш, п.? // Х.К. № 693. Вост.Пруссия, место - ? // Х.К. № 407, 408. Место - ? // Х.К. № 550.

Основания датировки. Погребение 2 (с фибулой) в могильнике Кишкереш находится в центральной части могильника, окруженной погребениями с вещами горизонта Игар-Озора. Это позволяет относить начало функционирования могильника, как и дату погребения, ко времени около середины-третьей четверти VII в. Хронология найденного с фибулой поясного набора и прочих вещей не противоречит этой дате⁸. Склеп 10 из могильника в Лучистом вполне надежно датирован второй половиной VII века^{8а}. Жилище I в Демянове по составу керамики относится к периоду III пражской культуры, датируемому VII веком, исключая его начало⁹. Даты Х.Кюна для мазурских экземпляров — вторая половина VI века основаны на весьма сомнительных исторических построениях. Хотя хронологию мазурских комплексов нельзя считать устоявшейся, предложенная В.И.Кулаковым дата этих фибул в рамках середины — второй половины VII века¹⁰ кажется надежной, хотя не исключены некоторые корректировки. Фибула из Штульца связана с находками в слое, образовавшемся после пожара,

произошедшего не ранее начала УП в. Вещи того же горизонта что и пальчатые фибулы, датируются в Пастырском не раньше, чем УП век, а в случае возможности сузить дату некоторые из них — серединой или второй половиной столетия^{II}.

Разновидность миниатюрных. Тип Пергамон — Тай-зее (по Й.Вернеру). — табл. IБ. Длина: 3–6 см. В подтипе орнаментированных выделение вариантов станет возможным по мере накопления материалов. Пергам, н. // В. № 40 (I4). Ханска 2, о. I4 // Р. 72. с. 32 (I3). оз. Тай, н. // В. № 4I (I7). Ей, судя по сохранившемуся обломку близка фибула из Сарата-Монтеору, п. № — ? // С.М. (I5) и Битолы, н. // Б. (I8). Особняком стоит экземпляр из Рашкова, о. 76 // Э.К. (I6).

В подтипе гладких последовательная классификация также затруднена недостатком материала, поскольку трудно оценить регулярность сочетания и значение признаков. Некоторые экземпляры этого подтипа все же можно объединить в следующие классы.

Серия А. Характеризуется крючковидными отростками на ножке в первом (ближайшем к голове фибулы) ряду и округлым завершением отростков — во втором. Вероятно, в дальнейшем станет возможным выделить варианты по особенностям реализации деталей ножки. Более подробная классификация в рамках подтипа орнаментированных сможет, наверное, способствовать этому.

Игрень-Подкова, П, о-? // р.Б (7). Черкасский Бикинь, н. // Г.К. № 349 (8). Селиште, о. 59 // Р. 74 (9). Пастырское — 2 шт., П // В. № 42, 43 (6а, б). Является ли наличие трех пальцев на головке отдельных фибул данного типа классифицирующим признаком или это спорадически повторяющаяся особенность некоторых экземпляров — пока судить трудно. Поэтому экземпляр из Пастырского, П // Г.К. № 40 (I0) причисляется к данной серии условно.

Серия Б. Представлена единственным вариантом Горошево. Характерный признак: второй ряд отростков на ножке, как и первый, имеет форму крючка, окончания отростков направлены друг к другу; вариации остальных деталей на известных экземплярах в рамках этой серии незначительны, что и позволяет сузить класс до варианта.

Горошево, П // Э.К. (2). Сучава-Шипот, о. 2 // Т. 84, табл. 7.2 (I). Тылково-пара, п. // Х.К. № 492 — в тексте описаны под № 493. (3). Лелески, п. // Х.К. № 294.

Вероятно, к особой серии В относятся экземпляры из Сарата-Монтеору, п. № — ? // С.М. (4,5).

Близкие по облику рассматриваемому типу фибулы из Пятра-Фрекачей^{I2} и Урчице^{I3}, как и им подобные, заслуживают специального рассмотрения и обращения к западному материалу^{I4}, что выходит за рамки данной статьи.

Обломки фибул из Каневского уезда, место- ? // Г.К. № I29 и Киевского исторического музея, место- ? // Г.К. № I82.7 пока не могут быть бесспорно классифицированы. Не опубликована, а потому не могла быть классифицирована фибула из Бутиману, ? // Н., с. 438, примечание I9.

Основания датировки. Фибулы из Горошево, Сучавы-Шипота, Рашкова 3 найдены в комплексах, относящихся по керамике к периоду III пражской культуры, и поэтому датируются УП в., исключая его начало⁹. Могильник в Сарата-Монтеору, судя по прочим находкам, относится в основном к УП веку^{I5}. Пеньковская керамика, найденная с фибулами из Ханска и Селиште пока не может датироваться столь же узко, как пражская, хотя такие возможности со временем, наверное, появятся. Даты экземпляров из Пастырского и Мазур имеют те же основания, что и рассмотренные выше фибулы типа Сармизегетуса — Кишкереш.

Тип Марош-Гымбаш-Пергамон (по Й.Вернеру) — табл. П. По способу орнаментации выделяются подтипы. В подтипе бисерной орнаментации из-за небольшого числа экземпляров дальнейшая классификация пока затруднена. К нему относятся: Сакай-Оредьхеда, п. I2 // В. № I8а (29). Вела, н. // В. № I9 (28). Среднее Поднепровье, место-? // В. № I8 (27). Фибула из коллекции И.А.Хойновского // В.М. № 3II25 (26).

Специфический характер орнаментации экземпляра из Пастырского пока трудно оценить с точки зрения классификационной значимости // Г.К. № 4I (30). Возможно, он образует отдельный подтип, вместе с фибулой из коллекции И.А.Хайновского // В.М. № 33I47 (3I).

Подтип линейной орнаментации. По деталям морфологии вы-

деляются серии.

Серия А. Характеризуется присутствием на ножке двух рядов отростков в форме птичьих голов или крючков. У всех известных экземпляров на головке по 7 пальцев. Длина фибул около 6-7 см. Из-за небольшого числа изделий этой серии рассматривать вопрос о выделении в ней вариантов пока преждевременно.

Марош-Гымбаш, п.3 // В. № 15 (22). Корнешть, п. №-? // Х. рис. 44.3 (23). Банат, место-? // В. № 16 (24). "Южная Россия", место-? // Х.К. № 648.

Серия Б. Характеризуется присутствием на ножке одного ряда отростков в форме птичьей головки. По специфике реализации морфологических деталей и орнамента выделяются варианты.

Вариант Федешть-Васлуй. Характерные признаки: в орнаментации головки отчетливо просматривается спиралевидный прототип; на головке 7 пальцев; относительно крупные размеры (до 6 см). Орнамент плато ножки - из трех параллельных полос.

Федешть-Васлуй, П/Т.78, рис. 13.1 (21). Пергам; н//В. № 20 (19). Косево, п.529// Х.К. № 21.

Вариант Тумяны-Келары. Характерные признаки: в отличие от предшествующего, на головке 5 пальцев, а размеры несколько меньше (ок. 5 см), плато ножки заполнено одной-двумя полосами, параллельными его краю.

Тумяны, п.68 №-? // Х.К. № 119, 128, 130 (16). Келары, п.44, 100//Х.К. № 249, 263. Тылково, п. //Х.К. № 489. Ваплево, п.21 //Х.К. № 556.

Вариант Келары-Ментке. Характерные признаки: птичьи головки на ножке "срослись" с ее плато и угадываются лишь при сравнении с типологически исходными образцами, орнамент на головке образован направленными в разные стороны завитками, завершающимися линиями, проходящие по дужке; длина - ок. 4-5 см.

Келары, п.8,43 // Х.К. № 237, 248 (13). Ментке, п.84, 462 // Х.К. № 335, 346.

Ряд экземпляров в рамках данной серии нет возможности ни отнести к описанным классам, ни объединить в другие. Вероятно, со временем они будут включены в новые варианты в рамках рассматриваемого типа.

Черновка I, о.5// Э.К. (15). Поян, о.№-? // М.К., рис. I,2 (10). Келары, п.68,74 // Х.К. № 252, 254 (11). Сатьмаз-Фехерто, п.375 // Ч табл. ССХ.18 (14). Похожая фибула, по упоминанию Д.Чалланы, найдена в Тисанадфалу, п.205// Ч., с. 219.

К одному из вариантов серии Б, хотя не исключена и серия А, относятся следующие обломки фибул: Пастырское, П//В. № 21 - местонахождение уточнено по Г.К. № 27; Г.К. № 28 (25.17). Виичани, п.№-? // Б., рис. 5а (18).

Серия В. Характеризуется присутствием на ножке одного ряда отростков в форме крючка или существенно упрощенной птичьей головки. За исключением единственного экземпляра из Пашкань, головки орнаментированы вписанными друг в друга полукругами. Длина: 3,5-5 см. По специфике реализации деталей ножки и структуре ее орнамента выделяются варианты.

Вариант Сэрата-Монтеору. Характерные признаки: форма и орнаментация ножки аналогична встреченным на экземплярах серии Б, при различии признаков, характеризующих серию.

Сэрата-Монтеору, п. №-? // С.М. (2) Косево, п.202, 548 // Х.К. № 10,22 (3.4). Тумяны, п. // Х.К. № 129. Келары, п. 30,9 // Х.К. № 243, 238. Полесск, п. // Х.К. № 320.

Вариант Великая Слобода. Характерные признаки: орнаментальные линии, идущие вдоль дужки перекрывают линии, идущие вдоль отростков, а не наоборот, как в остальных вариантах в рамках типа.

Великая Слобода, о.63 // К.-П. (1). Пашкань-Финтытеле, н//Т. 84, рис. 6.2 (9).

Вариант Ваплево. Характерные признаки: бока плато ножки подходят к основаниям отростков не плавно, а имеют ребро, так, что подходящая к отросткам линия края плато вогнута к его середине, на остальных экземплярах в рамках типа, за исключением нескольких из Мазур, эта линия выгнута, соответственно, ребро отсутствует. На фибулах из Мазур и Великих Будков отростки "срослись" с плато ножки в районе упомянутого ребра, палец на ножке фибулы длинный и узкий, с ложными кольцами, все отмеченные признаки встречены в других вариантах лишь на мазурских экземплярах.

Ваплево, п. 22 // Х.К. № 558, описание под № 557 (7). Келарн, п. 13 // Х.К. № 239. Великие Будки, клад // Л. (8). Сакуэнь, п ? // Х.К. (12).

Трудно отнести к определенному классу, хотя принадлежность к рассматриваемому типу вполне очевидна, обломок фибулы из Орля, н. // СІ XII, 1960, стр. 106(6).

Не опубликована, а потому не может быть классифицирована фибула из Вьртоп // Н., с. 438, примечание 19.

Основания датировки. Большая часть фибул серии А связана с погребениями т.н. группы "Гымбаш", а экземпляр из Сакуэнь происходит из могильника группы "Медиаш". К. Хоредт датирует материалы этих памятников серединой V в. и более поздним временем¹⁶, но приведенные им аргументы не исключают, что формирование упомянутых групп относится к более раннему времени. Основания датировки остальных фибул такие же, как для рассмотренных ранее миниатюрных разновидностей группы.

Обломок фибулы из сборов на селище Будилов I, Снятинского района в Ивано-Франковской обл. (сборы С.В. Пивоварова, которому я благодарен за возможность опубликовать находку) трудно бесспорно отнести к определенному типу (табл. IV). Тем не менее то, что этот экземпляр принадлежит кругу фибул рассматриваемой группы, представляется наиболее вероятным. На самом поселении найдена керамика культуры карпатских курганов и эпохи бронзы, однако наличие материалов пражской культуры в ряде случаев невозможно выявить без раскопок.

Картографирование находок показывает три неравнозначных района их концентрации. Это дунайско-прутское междуречье с "шлейфом" на Баоканы; Пастырское городище и Среднее Поднепровье; компактная группа в Мазурском поозерье. В каждом из районов представлены почти все типы без заметного перевеса, позволяющего считать какой-то тип специфичным лишь для одного из них. Культурный облик памятников, связанных с фибулами весьма разнообразен (табл. III). Не вызывает сомнения этнокультурная пестрота в рамках аварского каганата¹⁷. Не поддается однозначному определению характер населения, оставившего памятники групп "Медиаш" и "Гымбаш"¹⁸. Группа Ипотешть-Кындешть-Чурел характеризуется присутствием не менее чем трех

культурных традиций¹⁹. Кажется вполне аргументированной точка зрения о полиэтничности населения, оставившего западно-мазурские могильники ("олштынской группы" по терминологии польских авторов)²⁰. Сложен, по-видимому, состав населения Пастырского городища и пока непонятен облик социально-культурной группы, обусловившей его своеобразие²¹. Нет возможности связать появление интересующих нас фибул и с особенностями пражской или пеньковской культур²². Очевидно, достаточно аргументированно отнести вещи рассматриваемой группы к узкой культурной традиции или одному доминирующему этносу пока практически невозможно. Существующие основания для хронологии так же не могут служить источником в решении вопросов происхождения, распространения, культурной атрибуции рассмотренных вещей.

Если группа и тип наиболее пригодны для характеристики в основном общей культурно-исторической среды²³, то варианты, по-видимому, позволяют представить конкретное направление культурных, соответственно и политических, и экономических связей. Картографирование по вариантам показывает, что набор фибул, характерных для Мазур, встречен в Среднем Подунавье и Восточном Прикарпатье. Соединяющий эти районы путь по Висле с ответвлением по Западному Бугу и Днестру аналогичен реконструируемому для V в. набор вариантов из Среднего Поднепровья, за исключением экземпляра из Великих Будков²⁵, связан также с вполне определенным направлением контактов: от Днестра, через центральную Молдавию и Олтению — в Банат и южную часть Паннонии. Состав фибул из Среднего Поднепровья с прилегающими территориями позволяет говорить о связях живших здесь людей с Мунтенией, Мазурами и центральной частью Карпатской котловины.

Примечательно, что мазурские экземпляры рассмотренных типов фибул имеют значительное число параллелей среди фибул, найденных у восточных отрогов Карпат. То, что это не случайно, находит подтверждение в распространении встреченного на фибулах разных типов приема украшения головки вписанными друг в друга полукругами (см. приложение I). Вероятно, находящаяся в Поднепровье славянская (склавинская) группировка могла

быть важна для населения Мазур как посредник связей с Паннонией через Моравские ворота по каким-либо причинам нарушалась.

Подробного рассмотрения и проверки на многих категориях вещей заслуживает тот факт, что фибулы, характерные для определенного района к северу или востоку от Карпат, находят параллели не на всей территории аварского каганата, а лишь в определенных его частях. Например, набор фибул рассмотренных типов из Среднего Поднепровья и Мазур - в центральной части карпатской котловины, а вещи, характерные для Среднего Поднепровья - в южной части Паннонии, Банате, части Семиградья. Если такая картина подтвердится другими источниками, возможно, сделанные наблюдения будут способствовать выделению различных культурных и территориальных групп, составлявших Аварский каганат.

От рассмотрения сочетаний вариантов, характерных для районов, перейдем к рассмотрению собственно ареалов вариантов. Подтип орнаментированных фибул типа Пергамон - Тай-зее локализуется на нижнем Дунае и нижнем Днестре с ответвлениями в Македонию и Малую Азию (накопление материалов и более подробная классификация позволят детализировать картину). Подтип гладких фибул этого типа связан с реалиями несколько иного плана. Вариант Горошево (серия Б) характерен для среднеднепровской группы славян. Экземпляры из Мазур - вообще единственный представитель этого типа фибул в Прибалтике и, наверное, импорт, не повлиявший на местное производство. Серия А этого типа встречена лишь в ареале пеньковской культуры. Более детальная классификация фибул этой серии, а с другой стороны - дальнейшее исследование отнюдь не единообразных "пеньковских" древностей, позволят добиться более конкретной картины.

В рамках типа Сармизегетуса - Кишкереш вариант Тумяны однозначно связан с западномазурским населением. Вариант Сармизегетуса дает два компактных района локализации - Банат на западе и Пастырское с Поросьем и Крымом на востоке. Похожую картину представляет серия А типа Марош-Гымбаш-Пергамон, учитывая "южнорусский" экземпляр. Варианты Келары - Ментке, Тумяны - Келары этого типа без сомнения мазурские. Вариант

Великая Слобода найден лишь к востоку от Карпат, в связи с пражской культурой. Там же и на Мазурах встречены экземпляры варианта Сэтара-Монтеору; Мазуры с Верхним Потисьем объединяет вариант Ваплево.

Таким образом, именно на уровне варианта, в отличие от более широких подразделений, все рассмотренные фибулы связываются с вполне определенными одной или двумя компактными культурными группами.

Сделанные наблюдения конечно же будут уточняться, но, кажется, вполне могут иллюстрировать далеко не исчерпанные возможности фибул в качестве исторического источника, подтверждая оценки и направления их анализа, наиболее последовательно с отечественной историографии развивавшиеся А.К. Амброзом²⁷. Не в меньшей степени возможности типологического метода требуют реализации и в других категориях древностей.

Результаты анализа пальчатых фибул позволяют предложить ряд наблюдений и собственно над пражской культурой Поднепровья. Памятники этого региона в начальный период эпохи Великого переселения народов весьма гетерогенны, но прослеживается и постепенная унификация отраженных ими традиций²⁸. В то же время, на основе письменных источников можно предполагать смену, по-видимому, довольно непрочных объединений с определяющим славянским компонентом и связанных прежде всего с фигурами вождей²⁹, более стабильными, зафиксированными известиями III в. и позднее как "Склавинии" или особыми названиями³⁰. Вероятно, нечто предвосхищающее эти относительно устойчивые социальные организмы, судя по своеобразию и стабильности состава характерных для Среднего Поднепровья фибул, сформировалось и в этой области пражской культуры. Наверное, такой феномен не прошел бесследно и как-то связан с намечаемым Л.П. Михайловой локальным вариантом культуры Луки Райковецкой в украинском Прикарпатье³¹ или фиксируемыми иначе элементами своеобразия культуры славян на этой территории.

Приложение I. Обозначение фибул на таблице III

Тип Сармизигетуза - Кишкереш: - вариант Сармизигетуза,
 - вариант Кишкереш, - вариант Тумяны.

Тип Пергамон - Тай-зее: - подтип орнаментированных,

 - экземпляр из Рашкова; в подтипе гладких:

 - серия А, - серия Б, - серия В.

Тип Марош-Гымбаш - Пергамон: - подтип бисерной орнаментации, - экземпляр из Пастырского; в подтипе линейной орнаментации: - серия А, - вариант Федешть-Васлуй, - серия Б, кроме варианта Федешть-Валуй, - вариант Сарата-Монтеору, - вариант Великая Слобода, - вариант Варлево, - не классифицируемые обломки фибул данного типа.

 - обломок фибулы из Будилова.

В обозначении фибул, головка которых украшена вписанными друг в друга полукругами использована точка в центре значка.

Номера на карте соответствуют приведенным в каталоге в скобках после ссылки на источник, а также нумерации в таблицах I и II. Внутри каждого типа нумерация независимая.

Сокращения к каталогу фибул:

- н. - находка вне определенного контекста,
 П. - находка связанная с синхронным памятником,
 п. - погребение №, о. - объект №
 А. - Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма поздне римского и раннесредневекового времени. - В кн.: "Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии", I, Симферополь, 1990
 Б. - Babić B. Die Erforschung der altslawischen Kultur in der S.R.Mazedonien - Zeitschrift für Archæologie. 10. 1976
 В. - Werner J., см. примечание 4,
 В.М. - хранится в фондах Государственного Археологического музея в Варшаве

- Г.К. - Корзужина Г.Ф. Среднее Поднепровье в V-VIII веках - рукопись неопубликованного свода. Хранится в рукописном архиве ЛОИА, ф. № 77,
 Е., К. - Ерцеговић С., Костић Д. Археолошки споменци и налазишта Лесковчког краја. Београд, 1988.
 М.К. - Comsa M. Unele consideratii cu privire la originea si apartenenta a etniei a complexelor cu fibule "digitate" de tip "Gimbs-Cos, oveni" - Arulum. XI. 1973.
 К. - П. - хранится в Археологическом музее Каменец-Подольского педагогического института. Приношу благодарность И.С.Винокуру и В.Ф.Мегею за возможность ознакомиться с материалом и поместить рисунок фибулы.
 Л. - хранится в ЛОИА. Приношу благодарность В.М.Горюновой за возможность работать с материалом и поместить рисунок фибулы. Благодарю О.А.Щеглову за помощь в работе.
 Н. - Nestor J. L'établissement des slaves en Roumanie à la lumière de quelques découvertes archéologiques - Dacia. V. 1961.
 P.72 - Рафалович И.А. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972.
 P.74 - Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Могильники и раннеславянское городище у с.Селиште. В сб.: "Археологические исследования в Молдавии в 1973 году". Кишинев, 1974.
 р.Б. - раскопки А.В.Бодянского. Хранится в Музее истории г. Киева, опись А 4544. Благодарю сотрудников музея за помощь в работе и разрешение опубликовать находку.
 С.М. - см. примечание I5.
 T.78 - Teodor Dan Gh. Teritoriul est-carpatic in veacune V-XI e.n. Jas, i 1978.
 T.84 - Teodor Dan Gh. Origines et voies de penetration des Slaves... - Collection de l'Ecole Franc, aise de Rome 77. 1984.
 X. - Horedt K. см. примечание I6.
 X.K. - Kühn H. Die germanischen Bügelfibel der Völkerwanderungszeit im Mitteldeutschland. Graz. 1981.
 Э.К. - Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985, с. 82-83.

Ч - Csallany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken. Budapest, 1961.

SCIV - Studii s, i Cercetari de Istorie Veche.

- I. Объект исследован около известного городища Ревно (Черновицкая обл.) на одном из селищ в непосредственной близости от городища. Раскопки велись экспедицией Черновицкого университета, материал не опубликован. Приношу благодарность руководителям работ Л.П.Михайлине и С.В.Пивоварову за возможность ознакомиться с материалом.
2. Амброс А.К. Фибулы юга европейской части СССР. - САИ ДІ-30, 1966, с. 7-9.
3. Приведены лишь некоторые термины из работ А.И.Рафаловича, Й.Вернера, Х.Кюна, А.К.Амброза, М.Комши, список легко может быть продолжен.
4. Werner J. Slawische Bügelfibel des 7. Jahrhunderts - Reinecke Festschrift. Mainz, 1950, с. 150-172.
5. Употребляемые термины близки их пониманию А.К.Амброзом. См. Ук.соч., с. 7-8. Я сделал выстроенную им иерархию терминов более дробной, кроме того, для некоторых целей возможно введение дополнительных терминов безотносительно предложенной иерархии. Термин "класс" употребляется в данной работе в смысле "выделенная в результате классификации совокупность вещей", то есть как обозначение любой из включенных в иерархию таксономической единицы и всех их в целом. О возможности такого употребления термина см. в кн. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. Москва, 1990, с. 24.
6. Хотя работ, посвященных отдельным находкам или их рассмотрению под определенным углом зрения опубликовано весьма много, комплексный источниковедческий анализ рассматриваемой группы фибул как определенной целостности содержит лишь упомянутая работа Й.Вернера (см. прим. 4) и Х.Кюна - Kühn H. Das Problem der masurgermanischen Fibel in Ostpreussen - Documenta Archaeologica. Festschrift W. La Bau-

- me. 1956, с. 79-108.
7. Horváth T. Die awarischen Gräberfelder von Úllo und Kiskörös. Budapest, 1935, XXIII.
8. Гавритухин И.О. К изучению изменений в материальной культуре севера Карпатской котловины в конце VI - начале VIII вв. - В сб. "Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ". М., 1990, с. 123-132.
9. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М., 1976, с. 24.
10. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского озера конца V - начала VIII вв. - Barbaricum. Warszawa, 1989, с. 148-276.
11. Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII-X вв. в Среднем Поднепровье (Памятники конца VII - первой половины VIII вв.). Автореф. дис. канд. ист.наук. Л., 1987, с. 6.
12. Аурелиан П. О хронологии могильника Пятра Фрекапей. Dacia. N.S. VI, 1962, с. 226, рис. 12.1.
13. Werner J. Op.cit. № 43a.
14. Речь идет о многочисленных типах "с полукруглой головкой и ромбической ножкой" (по терминологии Г.Кюна). Соотнесение упомянутых экземпляров с этими типами здесь не исследовалось.
15. Nestor J., Zaharia E. Sapaturile de la Sarata Monteoru. - Materiale s, i cercetari archeologice. VI. 1960, с. 513-514. Они же. Sapaturile de la Sarata Monteoru. - Materiale s, i cercetari archeologice. VII. 1961, с. 513-517.
16. Horedt K. Siebenbürgen im Frühmittelalter. Bonn, 1986, с. 66-73.
17. Один из недавних обзоров мнений, как и многие другие, далеко не бесспорный, см.: Pohl W. Das awarische Khaganat und die anderen Gentes im 6. bis 8. Jh. im Karpatenbecken - Die Völker Südosteuropas im 6. bis 8. Jharhundert. Berlin, 1987.
18. Horedt K. Указ.соч., с. 65, 69, 73.
19. Шувалов П.В. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине I тыс. н.э.

- Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Л., 1989. На смешанный характер материальной культуры этих памятников, хотя иначе оценивая компоненты, указывают и другие исследователи. См. в кн. "Славяне и Русь (в зарубежной историографии)". Киев, 1990, с. 88-90.
20. Кулаков В.И. Указ. соч., с. 174-179.
21. Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст. н.е. Київ, 1980, с. 102-109.
22. Фібули розглядаються типів, достовірно зв'язані з комплексами цих культур, ніяк не можна відносити до типологічно вихідних.
23. Амброс А.К. Указ. соч., с. 8.
24. Гавриутин И.О. Кодынские фибулы. Типы и некоторые проблемы интерпретации. В сб. "Vakarų, baltų. Archeologija ir istorija". Klaipėda, 1989, с. 78-85.
25. Все изделия этого клада характеризуют традиционные взаимосвязи в лесной полосе Восточной Европы. Т.н. "древности антов" ("пастырской культуры") представлены в нем лишь ломом. Т.о. фибула из Великих Будков принадлежит существенно иному контексту, чем прочие рассмотренные фибулы из Среднего Поднепровья и ее своеобразие подчеркивает закономерность сделанных для остальных экземпляров наблюдений. Подробнее см.: Гавриутин И.О. Малые пальчатые фибулы из Великих Будков // Тез. докладов конференции "Археология и история юго-востока Руси". Курск. 1991 - в печати.
26. Гавриутин И.О. К изучению изменений..., с. 133-136.
27. Амброс А.К. Указ. соч., с. 5-9.
28. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Кодын - славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут. М., 1984, с. 40-45.
29. Феофилакт Симоката VI.УП. I-5, VI.УШ. 10-14 - IX. I-6, УП.У. 4-5.
30. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 20-21, 28.
31. Михайлина Л.П. Этническая принадлежность населения украинского Прикарпатья последней четверти I-го тысячелетия н.э. - Тез. докладов. Черновцы, 1984, с. 87-88.

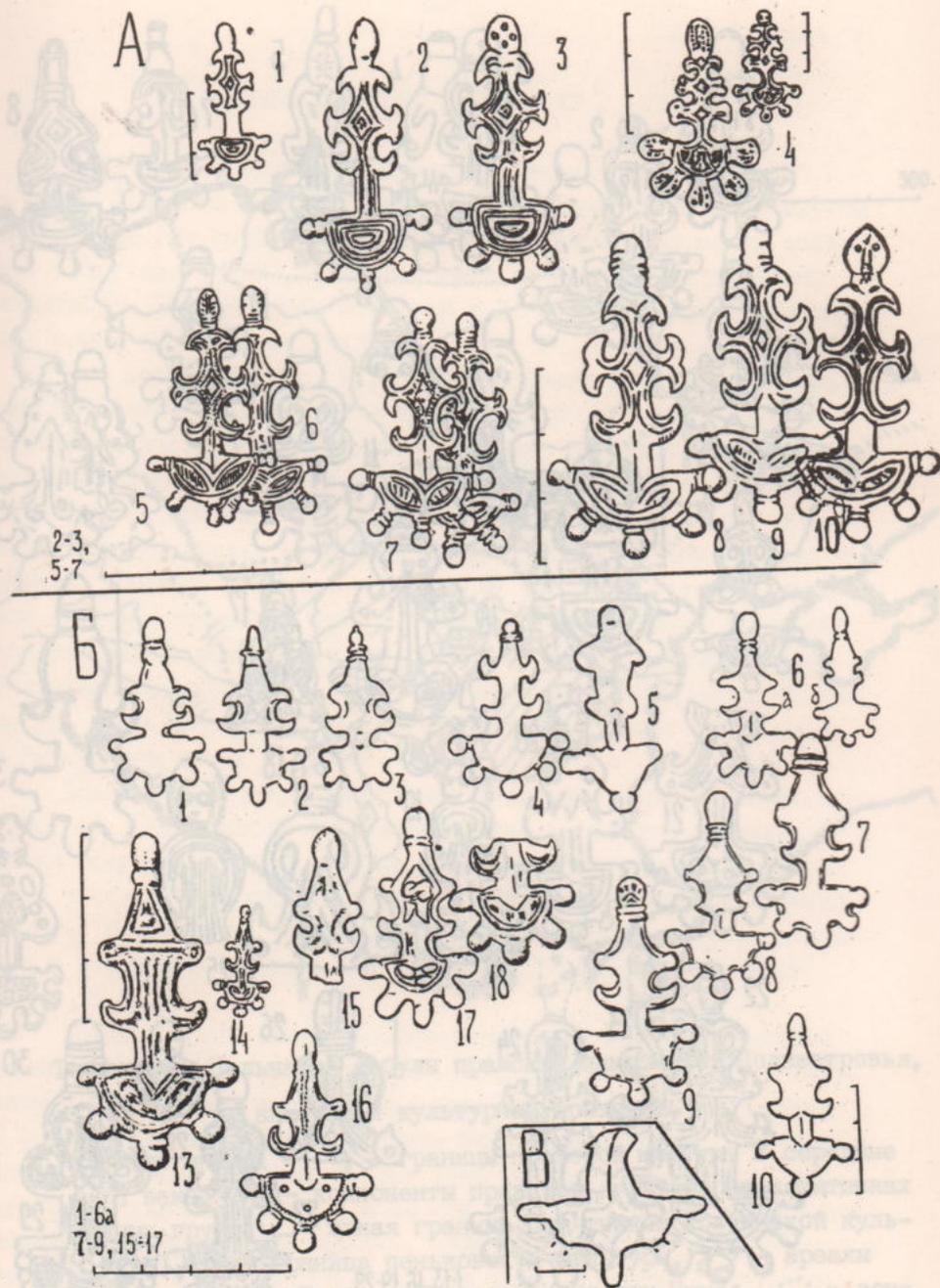

Таблица I. Фибулы типа Сармицегетуза - Кишкёреш /А/, типа Пергамон - Тай-зее /Б/, обломок фибулы из Будилова /В/.

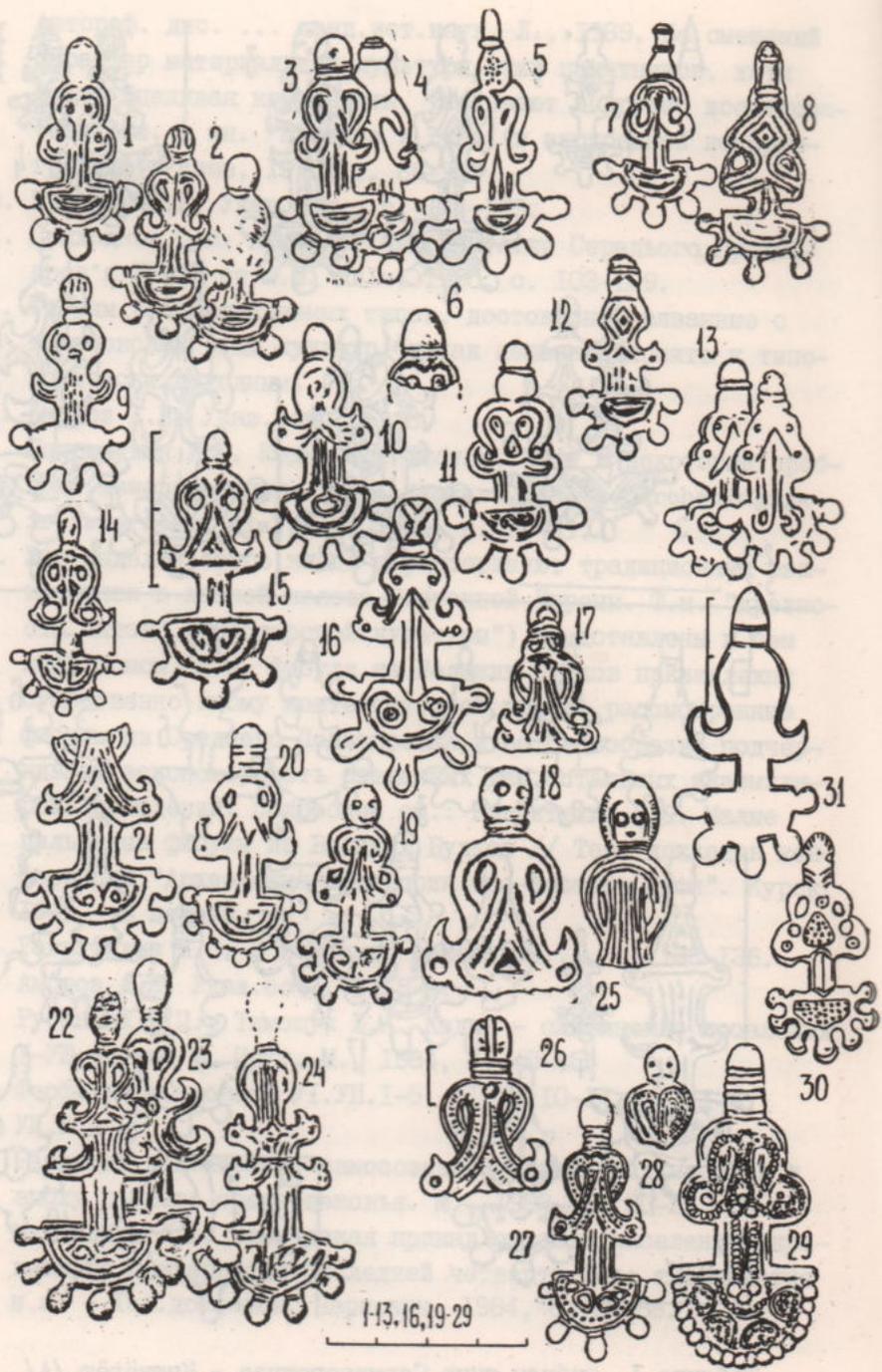

Таблица II. Фибулы типа Марош-Гымбаш - Пергамон

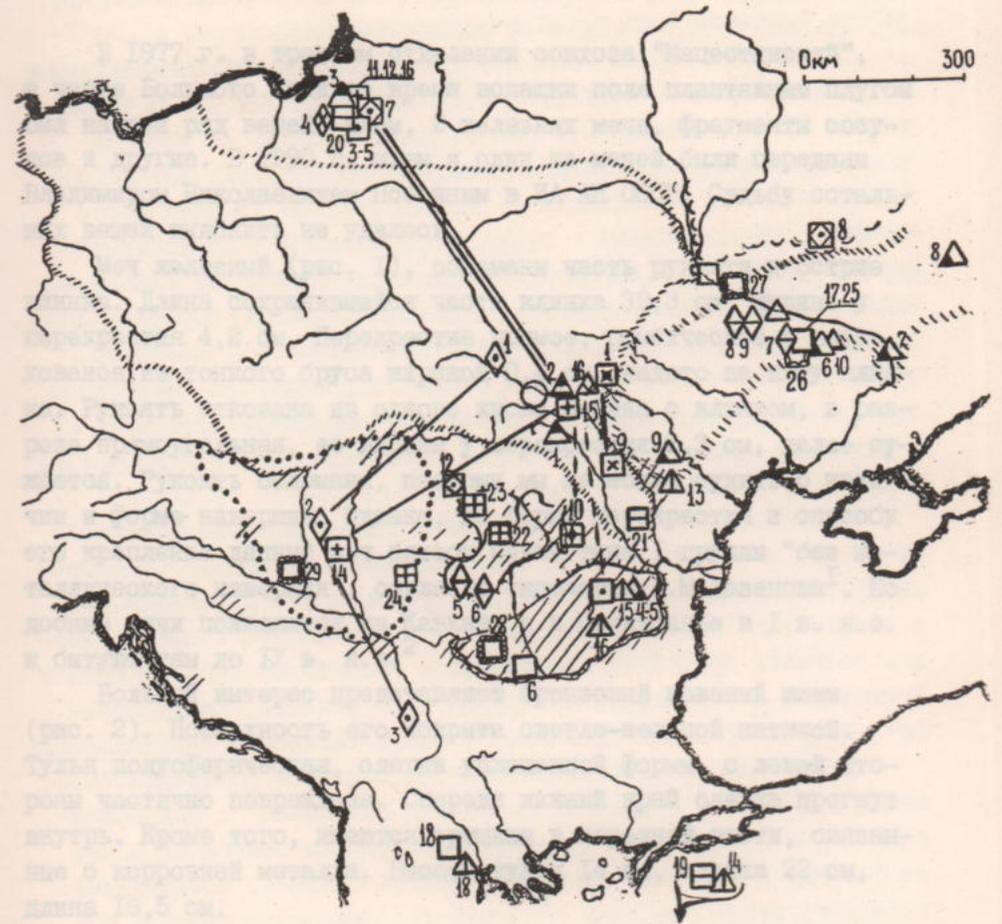

Таблица III. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднеэтровья, их аналоги и культурный контекст.

Условные знаки: - границы пражской культуры к середине VI века, - компоненты пражской культуры на памятниках иных групп, - южная граница памятников колчинской культуры, - граница пеньковской культуры, - ареалы групп Медиаш, Гымбаш, Ипотешти-Кындешти-Чурел, - зона аварских могильников ранне- и среднеаварских периодов. Обозначения фибул даны в приложении I.

- реконструируемые по фибулам направления связей пражской культуры Среднего Поднеэтровья

ДВЕ НАХОДКИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ Г. СОЧИ

В 1977 г. в третьем отделении совхоза "Мацестинский", в черте Большого Сочи во время вспашки поля плантажным плугом был найден ряд вещей: шлем, 2 железных меча, фрагменты сосудов и другие. В 1990 г. шлем и один из мечей были переданы Владимиром Николаевичем Побочным в ИА АН СССР. Судьбу остальных вещей выяснить не удалось.

Меч железный (рис. 1), обломаны часть рукояти и острие клинка. Длина сохранившейся части клинка 39,3 см, ширина у перекрестия 4,2 см. Перекрестие прямое, ромбическое в плане, кованое из тонкого бруса шириной 0,4 см, надето на пятю клинка. Рукоять откована из одного куска железа с клинком, в разрезе прямоугольная, ее ширина у перекрестия 2,3 см, далее сужается. Рукоять обломана, поэтому мы не можем судить о наличии и форме навершия. Однако, по форме перекрестия и способу его крепления данный меч близок мечам типа I группы "без металлического навершия", согласно типологии А. М. Хазанова¹. Подобные мечи появляются на Кавказе и в Прикубанье в I в. н. э. и бытуют там до IV в. н. э.²

Большой интерес представляет бронзовый кованый шлем (рис. 2). Поверхность его покрыта светло-зеленой патиной. Тулья полусферическая, слегка уплощенной формы, с левой стороны частично повреждена. Спереди нижний край слегка прогнут внутрь. Кроме того, имеются трещины в передней части, связанные с коррозией металла. Высота тульи 14 см, ширина 22 см, длина 19,5 см.

Лобовая часть шлема усилена массивной бронзовой скобой шириной 1,8 см, толщиной 0,4 см, которая была наглухо приклепана к тулье тремя заклепками: одной спереди, на расстоянии 2,5 см от нижней кромки, и двумя на уровне висков. Правая заклепка утеряна. С обеих сторон ниже скобы имеются также по два отверстия диаметром 0,4 см для крепления нащечников. Сами нащечники отсутствуют, однако, судя по имеющимся следам на тулье, можно предположить, что они были железные и утрачены недавно. Выше скобы, спереди, видны два чеканных изображения

рогов или бровей, поднятых кверху. По бокам, в нижней части находятся полукруглые вырезы для ушей, защищенные сверху выступами. Правый выступ сохранился практически полностью, от левого осталась лишь незначительная часть.

С задней стороны проходят три ряда валиков, ниже которых к тулье прикреплен полукруглый назатыльник. Его длина 9 см, ширина 21 см, толщина 0,1 см. По назатыльнику, со стороны тульи проходят два валика: один, ближний к тулье, идет полукругом по всему назатыльнику, второй состоит из двух дуг с концами, направленными к тулье и сходящимися в центральной части. Кроме того, на назатыльнике сохранились две заклепки: одна с правого края, другая — в центре. Видимо, первоначально их было три, но одна (левая) была утрачена. Они, вероятно, предназначались для крепления мягкой подкладки. С внутренней стороны к центральной заклепке была прикреплена пластина, служившая, видимо, для крепления дополнительных подбородочных ремней.

Подобные шлемы давно привлекли внимание исследователей³. Их сводка в 1961 году была опубликована Х.Клумбахом⁴. Позднее им уделяли внимание Р.Робинсон⁵, П.Коннолли⁶. Последний назвал этот тип "имперско-гальским" и связывал его с производством гальских оружейных мастерских⁷. Большая часть этих шлемов происходит с территории Центральной и, отчасти, Южной Европы⁸. Встречаются как бронзовые⁹, так и железные¹⁰ экземпляры.

Шлемы "имперско-гальского" типа бытовали с середины до конца I в. н.э.¹¹ Причем, по мнению П.Консена¹², поддержанному затем Н.Клумбахом¹³, к наиболее ранним относятся шлемы из бронзы, а железные распространились позднее. Исследуемый экземпляр имеет еще одну особенность, благодаря которой его следует отнести к ранней разновидности. Дело в том, что, согласно Н.Клумбаху, к ранним относятся шлемы, имеющие, как и в нашем случае, резкий переход от тульи к горизонтальному назатыльнику. Со временем этот переход становится более плавным, а назатыльник покатым¹⁴.

Таким образом, шлем из окрестностей Сочи был изготовлен в середине — второй половине I в. н.э. Возможно — ближе к середине. В настоящее время он является самой восточной на-

ходкой шлема такого типа и единственной в нашей стране. Его появление на восточном побережье Черного моря связано, возможно, с передислокацией каких-то подразделений римской армии из Европейских провинций.

- I. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 17.
2. Хазанов А.М. Указ.соч., с. 21.
3. Lipperheide F.V. Antike Helme. Berlin, 1896, p.280, n 206; Couissin P. Les Armes romaines. Paris, 1926, p.329.
4. Klumbach H. Ein Romischer Legionarshelm aus Mainz. 6 - JRGZM, 1961, Mainz, 1961, p. 96-104.
5. Robinson H. Russel. The Armour of Imperial Rome. London, 1977.
6. Connolly P. Greece and Rome at War.L., 1981. P. 228-230.
7. Connolly P. Op. cit., p. 229.
8. Klumbach H. Op. cit., p. 102-104.
9. Klumbach H. Op. cit., p. 102.
10. Klumbach H. Op. cit., p. 103-104.
11. Klumbach H. Op. cit., p. 228-230.
12. Couissin P. Op. cit., p. 329.
13. Klumbach H. Op. cit., p. 100.
14. Klumbach H. Op. cit., p. 100, t. 43-45.

Рис. 2. Шлем бронзовый.
а — вид сверху, б — вид сбоку.
в — вид спереди.
Рис. 1. Шлем железный.

ПЛЕТИ ИЗ МОГИЛЬНИКА У С. КОРАБЛИНО

В 1989 году при исследовании могильника рязано-окского типа, расположенного у с. Кораблино Оязанского района Рязанской области, на правом берегу р. Листвянки (приток р. Оки), экспедицией ГИМ были обнаружены две плети — нагайки сложно-составной конструкции.^Ж

Они входили в состав погребального инвентаря захоронений 59 и 80. Обе найдены *in situ*. В погребении 59 рукоять плети была сломана и обе ее части положены рядом, параллельно друг другу. Она находилась в юго-восточной части погребальной ямы, рядом с шейной гривной. Состав инвентаря позволяет считать это погребение мужским.

Погребение 80 — парное, плеть находилась в юго-восточной части погребения, среди мужского инвентаря. Верхняя часть рукояти лежала на проушном топоре, рядом располагались поясная пряжка и нож в ножнах. Вероятно все эти вещи находились на поясе погребенного.

Из этих комплексов происходят и арбалетовидные фибулы, железные гривны с бронзовой обмоткой и напускными бусами, тордированная гривна из квадратного в сечении бронзового дрота. Подобный набор вещей позволяет датировать погребения в рамках IY—Y вв. н.э.^I

Плеть из первого погребения (рис. 2а) имеет рукоять, обложенную двумя бронзовыми пластинами, расположенными нахлест и скрепленных бронзовыми заклепками. Торцы рукояти украшены бронзовыми крышечками, бортик которых оформлен в виде двух валиков. На верхней торцовой части находится железный шип, имеющий вид уплощенной сферы с пирамидальной колпачной частью. Кожаный ремень плети крепился к рукояти бронзовой пластинчатой обоймой, которая как и пластины рукояти в месте скрепления украшена параллельными гравированными бороздками. На ремень на примерно равном расстоянии

^Ж Приношу благодарность начальнику экспедиции И. В. Белоцерковской за возможность опубликовать эти материалы.

(от двух до трех сантиметров) друг от друга были напущены восемь бронзовых пластинчатых обойм и три литые бронзовые бусины, на конце находилась обоймица из тонкой бронзовой пластины (рис. 1а; 2а).

Рукоять плети из погребения 80 обложена бронзовым листом лишь в верхней и нижней частях, шип на верхнем конце отсутствует, а ремень утяжелен пятью литыми бронзовыми обоймами (рис. 1б, в).

В рязано-окских могильниках подобные плети найдены впервые, полных аналогов им здесь неизвестно. Поэтому необходимо рассмотреть аналоги их конструктивным особенностям. Плети с украшенными металлическими пластинами или обвитыми металлической лентой рукоятями известны в степном мире, где они бытуют со скифского времени. С первых веков нашей эры, особенно часто во II—III вв. н.э., нагайки сопровождают поздне-сарматские погребения. Они имеют утяжелители в виде обойм, круглых, овальных или многогранных в плане шайб, изготовленных из свинца, бронзы, серебра². Обкладки рукояти и пластинчатые обоймы для крепления ремня известны в это время также в Южном Приуралье и на нижнем Дону³. Единственный практически полностью сохранившийся экземпляр сложно-составной плети происходит из погребения II могильника Ёндред-Суйокерестен в Венгрии, датирующегося второй половиной II — началом III в. н.э.⁴ По своему устройству эта плеть чрезвычайно близка публикуемым материалам. Она имеет обложенную железной пластиной с гравированным орнаментом в виде пересекающихся и параллельных линий рукоять, обойму из железного листа для крепления ремня и бронзовые обоймы-утяжелители.

В отличие от наших экземпляров бусы-утяжелители на венгерской нагайке сгруппированы у окончания ремня, в нижней части рукояти имеется сквозное отверстие для петли, одевавшейся на руку, а на торцовых частях рукояти отсутствуют крышечки. В остальном ее устройство полностью соответствует конструкции рязанских плетей. Для памятников Венгрии эта находка уникальна и, по мнению авторов публикации, восходит к позднесарматским древностям степной зоны Европейской части СССР⁵.

Таким образом, можно предположить, что плети из могильника Кораблино изготовлены по сарматским образцам. Однако без специальных анализов точно установить их происхождение — изготовление на месте или импорт — не представляется возможным.

Наличие таких конструктивных элементов как шип в верхней торцевой части рукояти, равномерное распределение утяжелителей на ремне, свидетельствует в пользу местного производства этих предметов. Вероятно, плети изготовлены по позднесарматским образцам местными мастерами, которые внесли в их устройство элементы, не свойственные для их прототипов.

В настоящее время наиболее северные позднесарматские могильники известны на границе Липецкой и Рязанской областей⁶, что косвенно подтверждает возможность заимствования финно-угорским населением конструкции сложносоставных плетей непосредственно у сарматского населения лесостепной зоны.

Следует отметить, что находки плетей известны и в других могильниках рязано-окского типа. Одна плеть сложносоставной конструкции входила в состав так называемого "приношения" из могильника у с. Гавердово, относящегося, по мнению П.П.Ефименко, к V в. н.э.⁷ Этот экземпляр имеет обложенную бронзой пластиной рукоять и ремень, украшенный бронзовыми набивными бляшками, характерными для поясной и сбруйной гарнитуры. Уздечный и поясной наборы, относящиеся к этому комплексу, включают подобные бляшки и вместе с плетью составляют гарнитур, выдержанный в едином стиле. Набивные бляшки таких типов широко употреблялись местными мастерами при изготовлении поясов, что свидетельствует о местном происхождении всего комплекса, а следовательно и плети.

Присутствие в рассматриваемом комплексе дротовой бронзовой гривны с обрубленными концами, круглой дротовой бронзовой гривны с замком в двойную петлю, обмоткой и напускными бусами, пластинчатых наконечников ремней в виде вытянутых, заостренных на конце пластин, позволяет сузить его дату до первой половины V в. н.э.⁸

Еще одна плеть происходит из погребения 5 Никитинского

могильника. Она имеет деревянную рукоять, обвитую бронзовой лентой, под которой сохранились остатки кожаного ремня. Инвентарь погребения включает в себя крестовидную фибулу и бронзовую гривну с замком в виде плоской круглой коробочки, бронзовой обмоткой и напускными бусами⁹, что позволяет определить дату комплекса второй половиной V в. н.э.¹⁰ Конструкция этой плети чрезвычайно упрощена и лишена каких-либо элементов, присущих более ранним экземплярам.

На основании проанализированных, весьма немногочисленных находок можно лишь предположительно наметить следующую линию развития плетей сложносоставной конструкции в районе средней Оки. Вероятно, сложная конструкция плетей, состоящих из рукояти с дополнительными деталями и ремня с утяжелителями, заимствована из сарматской среды. Этот тип иллюстрируют находки из могильника Кораблино. В дальнейшем местные мастера, в целом следуя уже известной схеме, но несколько упрощая ее, дополняют декор плети элементами местной поясной гарнитуры ("приношение" из могильника Гавердово). И, наконец, плеть из Никитинского могильника сделана по чрезвычайно упрощенной схеме и весьма отдаленно напоминает прототипы IV в. н.э.

Таким образом, представляется, что развитие плетей сложносоставной конструкции шло по линии упрощения схемы, отказа от различных дополнительных деталей. А это свидетельствует о том, что употребление этих предметов не было традиционно присущим для местного населения, а было заимствовано у соседних, возможно, позднесарматских племен.

1. Вихляев В.И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск, 1977, с. 4, 41, 50-51; Ефименко П.П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней мордвы. — В сб.: Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Тр. МНИИЯЛИЭ, вып. 48, Саранск, 1975; Алихова А.Е. Могильник кошибеевского типа у с. Польное Ялтуново. — КСИИМК, вып. 72, с. 44.

2. Мошкова М.Г. Позднесарматская культура. - В кн.: Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, с. 198.
3. Там же. Табл. 81, 43, с. 302.
4. Vaday Andrea-Szöke, Bela Miklos. Szarmata temető es Gepida sir Endröd-Szujokerszten. - *Communicationes archaeologicae Hungariae*. Budapest, 1983, s. 80, abb. 1 (a-b), s. 106, abb. 21 (1a-c).
5. Vaday Andrea-Szöke, Bela Miklos. *Op.cit.*, с. 131.
6. Воронина Р.Ф. Сарматский могильник у с. Ново-Никольское, - КСИА, 1982, вып. 170, с. 89.
7. Ефименко П.П. Указ. соч., с. 17.
8. Вихляев В.И. Указ. соч., с. 89.
Амброс А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II - СА, 1971, № 3, с. 107.
9. Воронина Р.Ф. Финский могильник у с. Никитино. - КСИА, 1986, вып. 183, с. 94-95.
10. Шитов В.Н. Старокадомский могильник. - Материалы по археологии Мордовии, Тр. МНИИЯЛИЭ, вып. 85, Саранск, 1988, с.
Вихляев В.И. Указ. соч., с. 69.

Список иллюстраций

Рис. 1

- А - бусы и обоймы-утяжелители плети (п. 59)
- Б - фрагмент рукояти плети (п. 80)
- В - обоймы-утяжелители (п. 80)
- А,В - бронза, Б - бронза, дерево, кожа

Рис. 2

- А - реконструкция плети (из п. 59)
- Б - реконструкция плети (из п. 80)

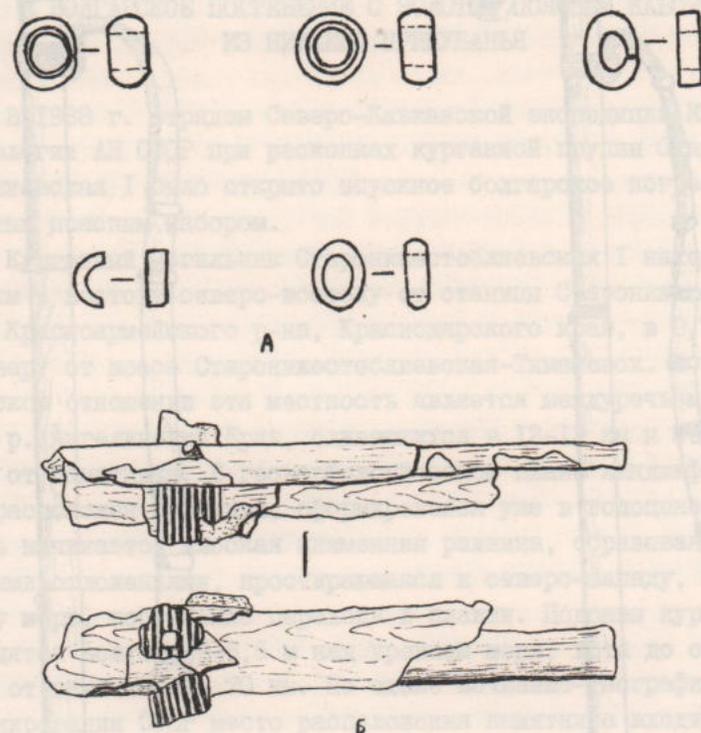

Рис. 1

Погребение было раскопано в восточной стене кургана в виде прямоугольной ямы, расширенной к северу (рис. 1). На дне обнаружены по плети в своей нижней, прямой части, две чаша, сделанные из материала плети. Это

БОЛГАРСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ЗОЛОТЫМ ПОЯСНЫМ НАБОРОМ
ИЗ НИЖНЕГО ПРИКУБАНЬЯ

В 1988 г. отрядом Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР при раскопках курганной группы Старонижестеблиевская I было открыто впускное болгарское погребение с золотым поясным набором.

Курганный могильник Старонижестеблиевская I находится в 7,5 км к востоку-северо-востоку от станицы Старонижестеблиевской Краснодарского р-на, Краснодарского края, в 0,7–0,8 км к северу от шоссе Старонижестеблиевская–Тимашевск. В географическом отношении эта местность является междуречьем р.Понурь и р. Ангелинский Ерик, сливающихся в 12–13 км к северо-западу от памятника. В геоморфологическом плане ландшафт района, где расположен памятник, сформировался уже в голоцене. Именно здесь начинается плоская низменная равнина, образованная пойменными отложениями, простирающаяся к северо-западу, к Азовскому морю, постепенно переходя в плавни. Подошвы курганов находятся всего в 6–6,5 м над уровнем моря, хотя до самого моря от памятника – 70 км. По схеме почвенно-географического районирования СССР место расположения памятника входит в Приазовско-Предкавказскую степную провинцию мицелярно-карбонатных мощных и сверхмощных черноземов¹.

До раскопок в курганной группе насчитывалось 12 насыпей, 8 из которых были исследованы как попадающие в зону планировки орошаемого земледелия. В курганах были открыты погребения от поздней бронзы до развитого средневековья. Описываемое погребение было впускным в кургане 8, сооруженном в эпоху поздней бронзы².

Целью данной статьи является введение в научный оборот редкого по своей сохранности и значению раннесредневекового погребения.

Погребение было расположено в восточной поле кургана в яме прямоугольно-трапециевидной формы, расширявшейся к северу (рис. I). Яма была обнаружена по пятну в своей нижней, придонной части, где она врезалась в материковую глину. Дно

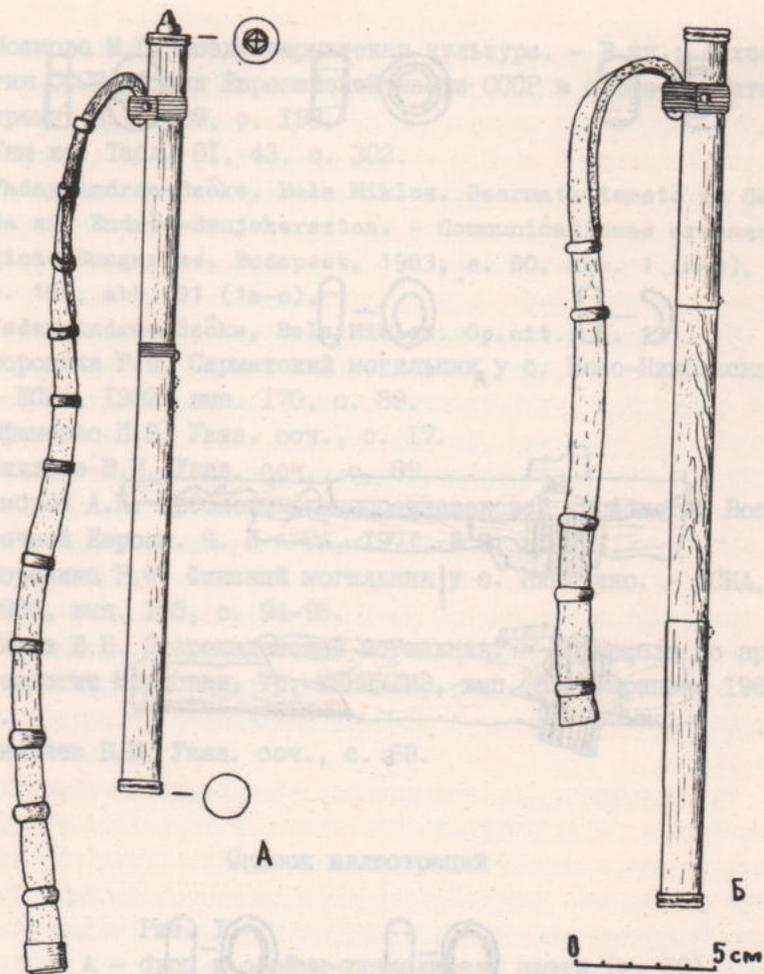

Рис. 2

ямы ровное, имело значительный уклон к югу. В могиле было открыто захоронение юнши (?) с конем. Погребенный лежал вытянуто, на спине, черепом ориентирован строго на север, руки вытянуты вдоль тела, левая кисть под тазом. Позвоночный столб несколько искривлен, череп чуть повернут к левому плечу. Ноги погребенного были вытянуты и лежали параллельно.

Справа от погребенного, вдоль западной стенки могилы, лежали череп и кости четырех ног коня, обрубленные выше верхних сочленений пястных костей. Череп коня ориентирован в ту же сторону, что и голова погребенного. В данном случае мы имеем дело с захоронением совместно с человеком чучела коня, что характерно для многих тюркоязычных племен в эпоху средневековья.

У черепа коня стоял серолощенный кувшин высотой 21 см (рис. 2). Наибольший диаметр кувшина — 17,5 см, диаметр дна — 11 см, венчика — 12,3 см. Кувшин снабжен небольшой, круглой в сечении ручкой с ребром по верхней части и неярко выраженным сливом. По плечикам кувшина идет косая полоса насечек. Рядом с кувшином, к северу от черепа погребенного лежала кость коровы — остатки заупокойной пищи.

На шее погребенного находилась золотая витая гривна с застежкой в виде двух перпендикулярно расположенных крючков (рис. 3.1). Гривна сделана из квадратного в сечении дрота 1,5 x 1,5 мм. Диаметр гривны — 9,3 см. На обеих руках погребенного, у запястий находились золотые браслеты с завитыми концами, сделанные из круглого в сечении дрота диаметром 1,5 мм. Диаметр браслетов около 5 см (рис. 3.2).

Между правой рукой погребенного и тазом, на левом крыле таза, у левой локтевой кости, у правого плеча и левого колена были найдены следующие предметы: железный нож (рис. 4.1), 2 железные пряжки (рис. 4.2), костяная рукоятка нагайки из рога (рис. 4.4) и золотые бляшки поясного набора, сделанные методом штамповки из золотого листа. Каждая бляшка одевалась на многослойную кожаную основу, повторявшую ее рельеф. В кожаную основу вмонтировалась бронзовая скобка с двумя концами. Для скрепления все это заливалось изнутри какой-то клеящей массой, от которой осталось белое порошкообразное вещество

(смола?). На концы скобки с внутренней стороны ремня одевались круглые бронзовые шайбочки, сами концы раскрепывались (рис. 3.5).

В состав поясного набора входят: концевой наконечник ремня, 7 наконечников свисающих с пояса ремешков, 9 круглых и 7 пятиугольных поясных бляшек.

Концевой наконечник ремня с орнаментом из ложной зерни закруглен с одной стороны, имеет размеры 5,6 x 2,4 см. По краям он оконтурен двумя рядами псевдозерни — крупной и мелкой. Вдоль центра проходят ряд крупной и два ряда (с обеих сторон) мелкой псевдозерни. Оставшееся поле заполнено двумя рядами из пяти полукружий, выполненных мелкой псевдозернью, симметрично обращенных выпуклой стороной к центру (рис. 3.3).

Наконечники свисающих с пояса ремешков имеют прямоугольную форму с заостренными нижними концами. Их размеры 4,0 x 1,4 см. Наконечники орнаментированы крупной ложной зернью, проходящей по краю, в центре — выпуклый елочный орнамент (рис. 3.4).

Круглые поясные бляшки имеют диаметр 2,5 см. По краям они орнаментированы ложной крупной зернью, в центре — украшены выпуклым изображением толстощекого монголоидного лица (рис. 3.5).

Пятиугольные поясные бляшки имеют размеры 1,7 x 2,0 см и украшены стилизованным изображением цветка лилии или лотоса (рис. 3.6).

Железный нож, пряжки и костяная рукоятка нагайки широко распространены в большом круге средневековых погребений восточноевропейских и азиатских степей и узко не датируются. Для датировки данного погребения необходимо привлечение аналогий поясному набору из памятников евразийских степей и Северного Кавказа.

Концевой наконечник ремня имеет аналогии в Малой Перешепине, в находках из Келегейских хуторов, Глодосс, погребения всадника из кургана 3 в Мадаре³. Наиболее поздними находками подобного рода являются наконечники поясов в Вознесенске, датирующиеся I пол. VIII в.⁴ Однако, отличие нашего наконечника от находок из Вознесенки позволяет отнести его скорее все-

го ко второй половине VII в. или рубежу VII–VIII вв. Орнаментация наконечников свисающих ремешков находит себе аналогии среди находок из Камунты⁵. А.К.Амброс находки из Камунты относит к рубежу VII–VIII вв.⁶ Такого орнамента нет на вещах из Перещепины и Келегейских хуторов, зато похожий орнамент встречается на позднеаварских литых вещах и одном наконечнике пояса из Вознесенки, где он выполнен в технике зерни⁷. Поэтому подобные наконечники вряд ли имели распространение раньше второй половины VII – начала VIII вв. Аналогии тисненым бляшкам с человеческой личиной можно отыскать среди вещей так называемого шиповского типа⁸. Однако, наши бляшки имеют и отличия от шиповских. Прежде всего – это великолепная моделировка лица, в котором легко узнаются типично монголоидные черты. Вторым отличием является то, что ободком наших бляшек служат крупные выпуклины, имитирующие шарики зерни, что сближает их с орнаментацией аварских псевдопряжек и наконечников поясов. Шиповские личины А.К.Амброс датировал широко в пределах VII в.⁹

Учитывая вышеизложенное, наше погребение можно датировать второй половиной VII – рубежом VII–VIII вв. и связать его с кругом памятников, относящихся к тюркоязычным племенам болгар, входившим в состав только что зародившегося Хазарского каганата.

1. Афанасьева Т.В., Василенко В.И., Терешина Т.В., Шеремет Б.В. Почвы СССР. М., 1979, рис. 5, с. 5.
2. Паромов Я.М. Отчет о работе Красноармейского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1986 г. – Архив ИА АН СССР, с. 89–92, рис. 166–177; Паромов Я.М. Работы Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в Красноармейском районе Краснодарского края в 1988 г. – I Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар, 1989, с. 143–144.
3. Balint Cs. 1989. Die Archäologie der Steppe. Wien-Köln, с. 26–27, рис. 5–7; СмГленко А.Т. Глодоськи скарби. Київ, 1965, табл. 3,4,6,7; Вернер Й. Погребалната находка от

Малая Перещепина и Кубрат-хан на Българите. София, 1988, прил. 29; Станчев Ст., Иванов Ст. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958, с. 19, рис. 2.

4. СмГленко А.Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ, 1975, рис. 36; Амброс А.К. Восточно-европейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. – В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 13, 22.
5. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. 8. М., 1900, табл. 124. 15, 16. с. 24, рис. 1.6.
6. Амброс А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы – СА, 1971, № 2,3, рис. 5.11; Амброс А.К. Хронология древностей Северного Кавказа. М., 1989, рис. 23. 15, 18.
7. Balint Cs. Op. cit., с. 161, рис. 72.12. СмГленко А.Т. Указ.соч., рис. 37.
8. Амброс А.К. Хронология древностей ..., рис. 30.1,2,5,11, 14.
9. Амброс А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии..., с. 115–116, рис. 11.3; Амброс А.К. Хронология древностей ..., с. 76.

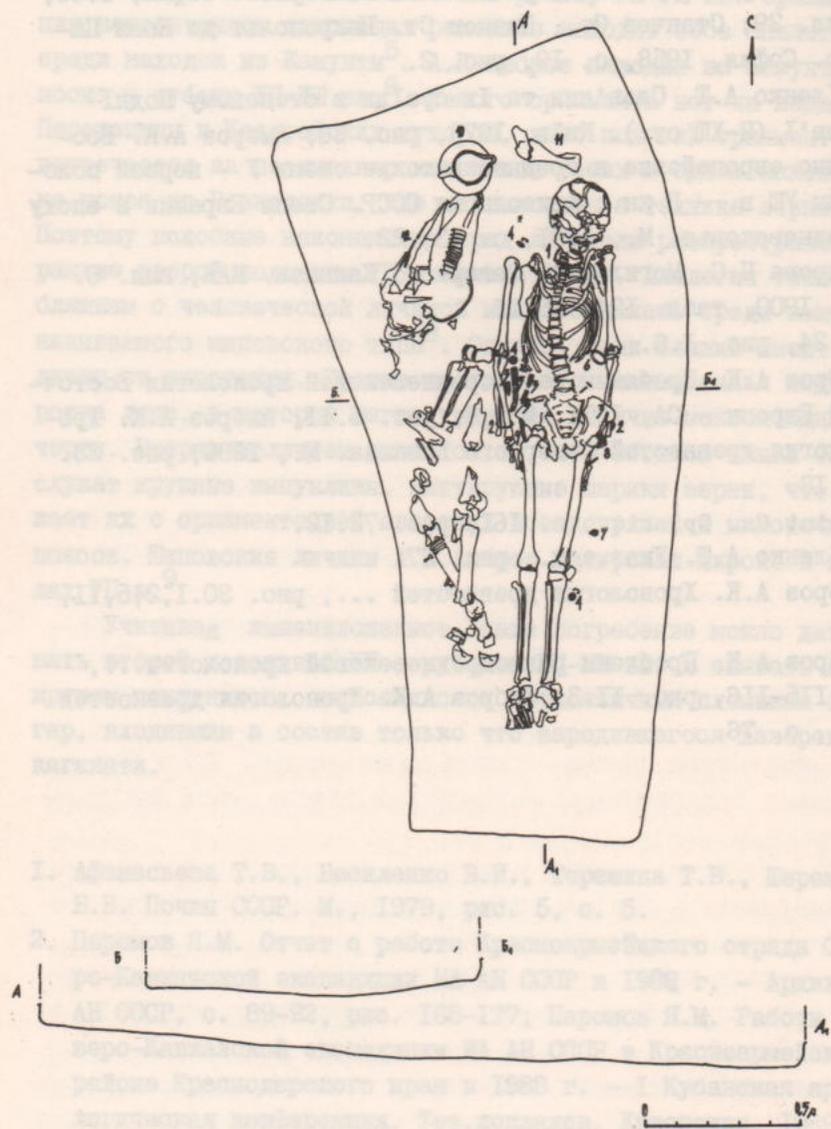

Рис. 1 - Погребение. План и разрезы. 1 - гривна, 2 - браслеты, 3 - наконечники свисающих ремешков, 4 - круглые поясные бляшки, 5 - рукоять нагайки, 6 - пряжка, 7 - железный предмет, 8 - концевой наконечник ремня, 9 - нож. 10 - кувшин, 11 - кость животного, 12 - чучело коня.

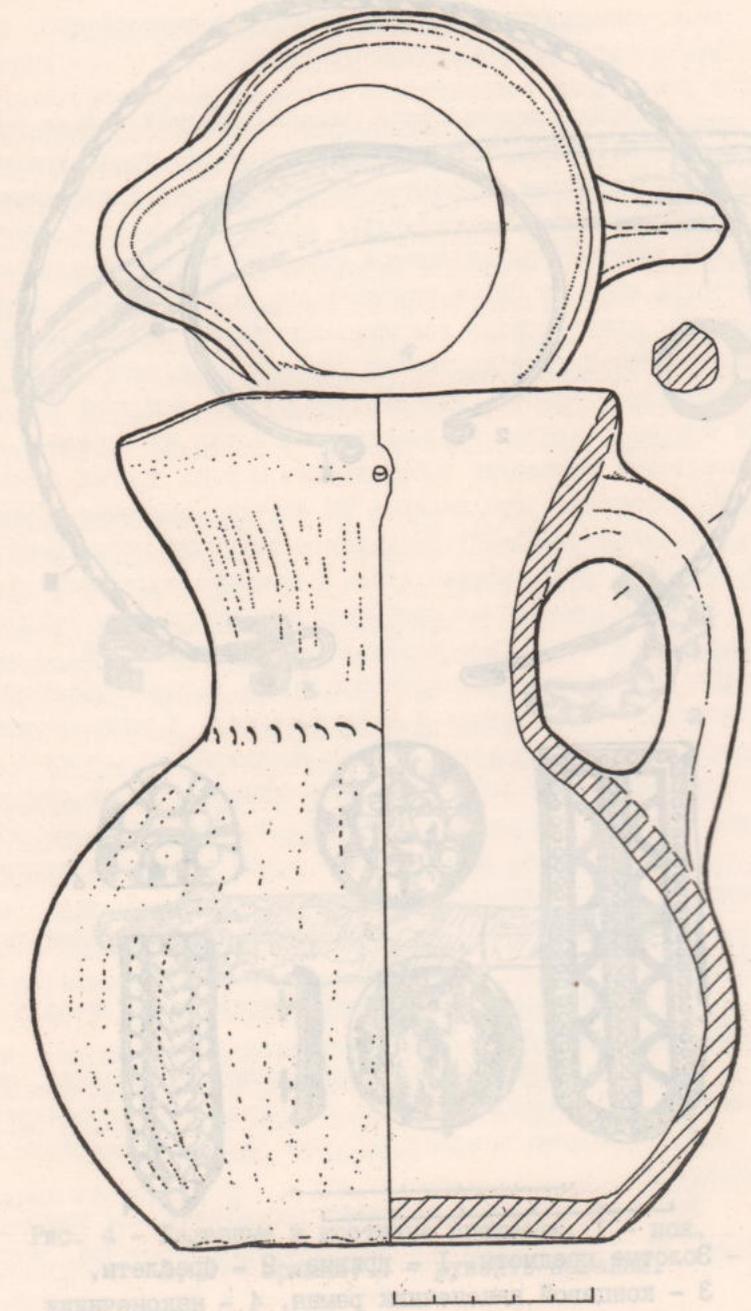

Рис. 2 - Кувшин.

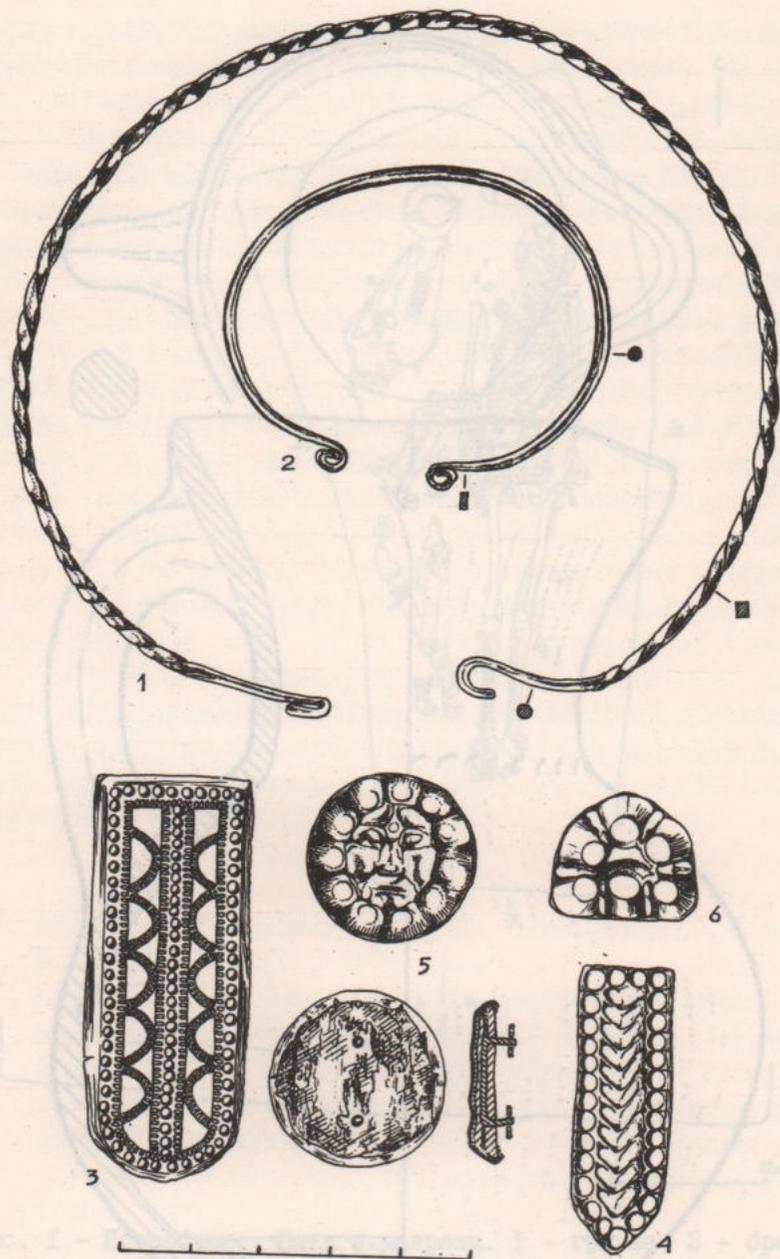

Рис. 3 - Золотые предметы. 1 - гривна, 2 - браслеты, 3 - концевой наконечник ремня, 4 - наконечники свисающих ремешков, 5, 6 - поясные бляшки.

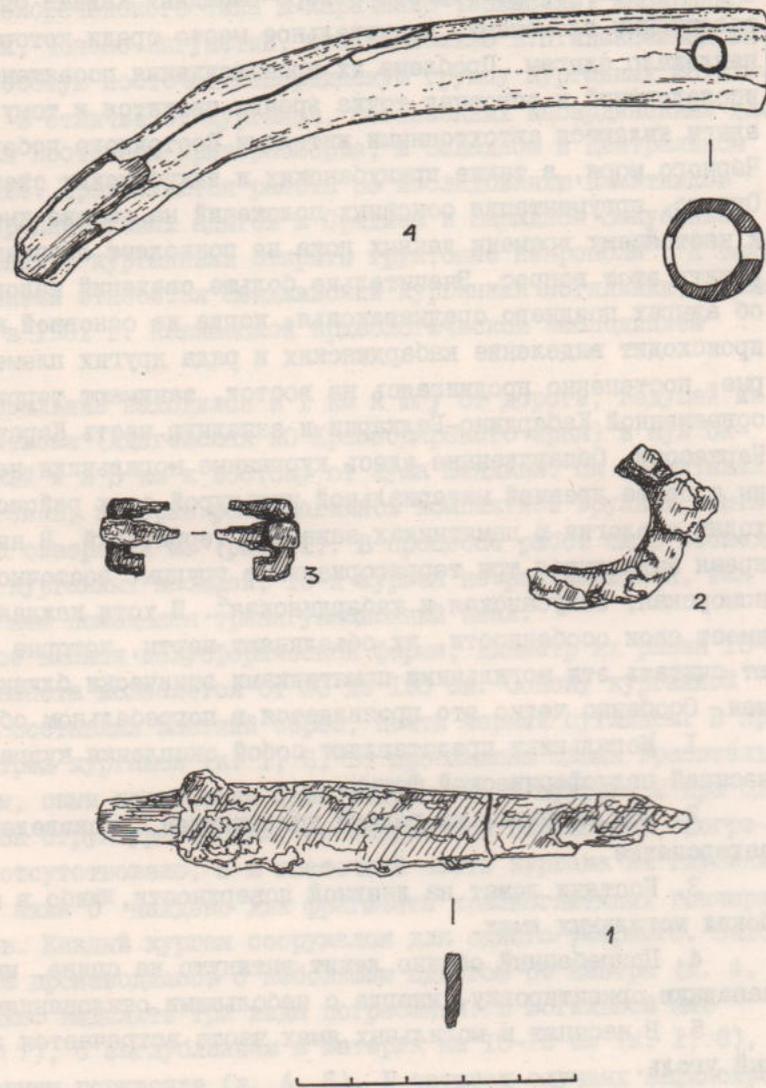

Рис. 4 - Железные и костяные предметы. 1 - нож, 2, 3 - пряжки, 4 - рукоять нагайки.

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК
БЛИЗ АУЛА ШЕНДЖИЙ

В эпоху средневековья Северо-Западный Кавказ был заселен различными племенами, значительное место среди которых принадлежало адыгам. Проблеме их происхождения посвящено немало исследований и основная точка зрения сводится к тому, что адыги являются автохтонными жителями Восточного побережья Черного моря, а также прикубанских и закубанских степей¹. Однако, аргументация основных положений на основе имеющихся к настоящему времени данных пока не позволяет окончательно решить этот вопрос. Значительно больше сведений накопилось об адыгах позднего средневековья, когда из основной массы происходит выделение кабардинских и ряда других племен, которые, постепенно продвигаясь на восток, занимают территорию современной Кабардино-Балкарии и западную часть Карачаево-Черкессии. Обнаруженные здесь курганные могильники не связаны с более древней материальной культурой этих районов, а находят аналогии в памятниках западных территорий. В настоящее время выделяются три территориальные группы: восточно-причерноморская, закубанская и кабардинская². И хотя каждая из них имеет свои особенности, их объединяют черты, которые позволяют считать эти могильники памятниками этнически близких племен. Особенно четко это проявляется в погребальном обряде:

1. Могильники представляют собой скопления курганных насыпей полусферической формы.
2. Под насыпью, за редким исключением, произведено одно захоронение.
3. Костяки лежат на дневной поверхности, либо в неглубоких могильных ямах.
4. Погребенный обычно лежит вытянуто на спине, имеет западную ориентировку, иногда с небольшими отклонениями.
5. В насыпях и могильных ямах часто встречается древесный уголь.

Все вышеуказанные признаки характерны для памятников XIII-XVI вв., относящихся к белореченской культуре, распрост-

ранившейся на территории Северо-Западного Кавказа в эпоху позднего средневековья. Большая часть таких курганов была исследована еще в XIX - нач. XX вв. проф. Н.И. Веселовским³.

В советское время выявлено значительное количество курганов белореченского типа в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, что позволило Е.П. Алексеевой выделить особую восточно-кабардинскую группу курганных могильников⁴, в отличие от курганов, оставленных кабардинскими племенами в Восточном Причерноморье, в Западном и Центральном Закубанье. Продолжаются работы по исследованию памятников позднесредневековых адыгов в Среднем и Западном Закубанье, где наряду с курганными открыты грунтовые некрополи⁵. К таким же объектам относится Шенджийский курганный могильник, раскопанный в 1981 г. Кавказской археологической экспедицией ГМИНВ.

Могильник находился в 1 км к югу от дороги, ведущей из г. Теучежска (Адыгейская АО Краснодарского края) в аул Октябрьский и в 3 км к востоку от аула Шенджий. Он насчитывал 10 курганов, которые располагались компактной группой, вытянутой с севера на юг (рис. 1). В процессе работ было исследовано 9 курганных насыпей, 10-й курган не раскапывался, так как на нем помещался триангуляционный знак.

Все насыпи полусферической формы, диаметр их равен 10-18 м, высота колеблется от 30 до 190 см. Основу курганной насыпи составлял плотный серый, почти черный суглинок. В профилях трех курганов (к. 1, 6, 9) прослежены следы грабительских ям, сами погребения были разрушены. В кургане 2 при однородной структуре насыпи, не нарушенной перекопами, погребение отсутствовало, а в восточной части кургана на глубине 150 см ниже 0^{*} найдено два фрагмента красноглиняных гончарных сосудов. Каждый курган сооружался для одного умершего. Захоронение производилось с небольшим сдвигом от центра (к. 4, 5, 7). Можно выделить три вида погребений: в могильной яме (к. 3, 7), с заглублением в материк на 10-15 см (к. 1, 8), на древнем горизонте (к. 4, 5). В четырех случаях зафиксиро-

* 0 - центральная точка на вершине кургана, от которой шли отсчеты глубин и расстояний.

ван следы дерева (к. 1, 3, 5, 7). В кургане I — это остатки деревянной конструкции в виде перекрещивающихся плах, развернутых по линии СВ-ЮЗ (длина плах — 113-93 см, ширина — 22-18 см). Сооружение вполне могло быть настилом, на котором было произведено захоронение, подобные типы погребальных сооружений известны по свидетельствам средневековых авторов⁶. В кургане 3 тлен от деревянных плах лежал в направлении запад-восток, в длину отмечен на 165 см, в ширину — на 66 см. Плахи были скреплены железными скобами, одна из которых сохранилась в северо-западном углу погребения (рис. 4.9). Возможно, в к. 3, 5, 7 захоронения производились в гробах или колодах. По неразрушенным погребениям можно установить, что преобладала западная ориентировка с небольшим отклонением к югу. Костяки лежали на спине с вытянутыми руками и ногами. В трех случаях (к. 4, 7, 8) в изголовье обнаружены остатки угольной подсыпки. В некоторых курганных насыпях встречены фрагменты сосудов, что, видимо, связано с погребальными тризнами (к. 2, 6). Наблюдается определенное единообразие в расположении погребального инвентаря: сабли, ножи находились с левой стороны костяка, детали пояса, портупей обычно лежали в области таза. В ногах погребенных обнаружены наконечники стрел, сосуды и ножницы. Все раскрытые погребения, судя по инвентарю, за исключением погребения в кургане 3, являлись мужскими.

По форме погребальных сооружений и обряду Шенджийский могильник находит аналогии в адыго-кабардинских памятниках XIII-XVI вв. Северо-Западного Кавказа, хотя имеется ряд отличий. Наибольшие различия отмечаются в форме погребальных сооружений при сравнении их со средневековыми могильниками Восточного Причерноморья, где курганы чаще всего имели насыпь с каменной обкладкой, а само захоронение произведено в каменном ящике, сооруженном на древнем горизонте и слегка заглубленным в материк⁷. От кабардинских курганов Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии Шенджийский могильник отличается большими размерами насыпей и отсутствием каменных кольцевых обкладок внутри насыпей⁸. Наибольшее сходство можно отметить с курганами, раскопанными Н.И.Веселовским в районе станицы Белореченской.

Наиболее общей категорией погребального инвентаря явля-

ется керамика. Каждое погребение (за исключением ограбленных) содержало по одному сосуду, поставленному в ноги умершего. Кроме того, в насыпях двух курганов (к. 1, 3) были найдены фрагменты сосудов, разбитых, вероятно, при совершении тризны. Всего в Шенджийском могильнике найдено 6 сосудов. Они отличаются друг от друга не только формой, но и техникой их изготовления, представлены тремя видами: кувшины, кружки, горшок.

Лепной горшок баночной формы найден в насыпи кургана 6 (рис. 2.4). Он имеет равномерно вытянутое тулово с наибольшим расширением в средней части (соотношение высоты и ширины 1:1). Горло широкое, равно диаметру дна. Венчик отогнут, украшен косыми насечками по краю. Высота горшка — 12 см. Он сделан из красной глины, тесто с примесью дресвы и песка. Обжиг неравномерный, что характерно для самодельной керамики, изготавливавшейся в обычном хозяйстве. Такие же горшки известны среди поселенческой лепной керамики и находят аналогии в бытовой посуде. Характерной особенностью этого типа является устойчивость формы и орнаментации на протяжении довольно длительного отрезка времени на значительной территории. Такие горшки встречаются в алано-болгарских могильниках и поселениях предшествующего периода. Орнамент в виде частых продольных бороздок на тулове сосуда встречается на грубой кухонной посуде салтово-маяцкой культуры, оказавшей значительное влияние на формирование средневековой керамики⁹.

Красноглиняные кружки найдены в курганах I и 5 (рис. 2.5). Тулово сосудов с наибольшим расширением в нижней трети равномерно сужается кверху и имеет прямой край (соотношение высоты к ширине 1:0,9). Горло уже, чем диаметр дна. Ручка, круглая в сечении, крепится под краем сосуда, и в средней части тулова.

Кружки изготовлены на гончарном круге, тесто их плотное, неравномерного обжига, снаружи имеет розовато-оранжевый цвет, внутри — серый. Стенки заглажены и орнаментированы двумя поясами волнистого орнамента, получившего наибольшее распространение в позднесредневековый период. Следует отметить, что по тесту, по его обжигу кружкам Шенджийского могильника аналогичны фрагменты сосудов, найденные на средневековом поселе-

нии, расположенном в устье р. Псекупс, что лежит в 20 км к югу от Шенджийского могильника. Связано ли это с единой технологией, распространившейся в это время на значительной территории, или с единым центром производства, сказать трудно. Однако, общие черты в развитии погребальной и массовой поселенческой посуды проследить вполне возможно.

Красноглиняные гончарные кувшины представлены четырьмя типами:

I. Кувшин из кургана 3 имеет равномерно вытянутое тулово с наибольшим расширением в средней части (соотношение высоты к ширине 1:1). Узкое горло (соотношение диаметра дна к горлу 1:0,75) имеет отогнутый венчик со сливом. Ручка, овальная в сечении, крепится под венчиком и в средней части тулова. Высота сосуда - 16,5 см (рис. 2.2). Кувшин толстостенный, поверхность покрыта лощением с горизонтальным рифлением в средней части тулова, венчик с внешней стороны имеет тройной невысокий валик.

Кувшины подобного типа встречаются в одновременных грунтовых могильниках по левому берегу р. Пишиш (ныне левый берег Краснодарского водохранилища) в районе хут. Городской - аул Тауйхабль¹⁰. Свое происхождение они, видимо, ведут от аналогичных сероглиняных гончарных сосудов, встречающихся в керамических комплексах салтово-маяцкой культуры¹¹, в том числе и в Прикубанье¹².

II. Кувшин из кургана 6 имеет узкое горло с воронкообразным венчиком (соотношение диаметра дна к горлу 1:0,45). Тулово с наибольшим расширением в средней части (соотношение 1:1) и носиком в верхней части, украшено двенадцатью широкими каннелрами. Ручка с двумя продольными валиками крепится к горлу сосуда и его плечикам. Высота сосуда - 22 см (рис. 2.7). Форма сосуда находит себе прототипы в предшествующем периоде¹³, но наибольшее распространение кувшины с носиком получают со второй половины XIII века, встречаясь в погребальных комплексах Закубанья и Восточного Причерноморья¹⁴. С этого же времени известно воронкообразное оформление верхней части горла, но необычно украшение нижней части тулова орнаментом в виде редких каннеллр, что можно связывать с использованием в керамике

орнаментальных средств металлической посуды.

III. Кувшин из кургана 7 имеет приземистое тулово с наибольшим расширением в средней части и четко выраженным ребром перегиба (соотношение высоты к ширине 1:1,5). Узкое горло (соотношение диаметра дна к горлу 1:1,2) имеет отогнутый венчик со сливом. Соотношение высоты тулова с высотой горла 1:0,7. Ручка с двумя продольными ребрами крепится в верхней части горла и к средней части тулова. Высота сосуда - 16 см (рис. 2.3). Сосуд покрыт лощением. Аналогии ему встречаются среди абхазских древностей, раскопанных в районе г. Сухуми¹⁵.

IV. Кувшин из кургана 8 имеет шаровидное, слегка приземистое тулово (соотношение высоты и ширины тулова 1:1,5). Высокое узкое горло, расширяющееся кверху раструбом, с внешней стороны имеет три профилированных валика. Соотношение высоты тулова с высотой горла 1:1,15, соотношение диаметра дна к горлу 1:0,8. Ручка, подтреугольная в сечении крепится в верхней трети горла сосуда и к его тулову. Высота сосуда - 24 см (рис. 2.6). Кувшин относится к категории ремесленной посуды, выпускавшейся на широкий рынок в центрах с развитым гончарным производством.

Как показывает анализ сосудов, значительная часть применявшихся форм ведет свое начало от керамических форм салтово-маяцкой эпохи на территории Подонья и Северного Кавказа. Но собственно адыгская керамика отличается иной технологией гончарного производства, которая сформировалась окончательно к XI-XII вв. Это выразилось в первую очередь в составе теста и в другом режиме обжига, который дал красную окраску адыгским сосудам, в отличие от сероглиняной алано-болгарской посуды, распространенной на Северном Кавказе.

По наличию керамики Шенджийский могильник резко отличается от одновременных кабардинских и черкесских курганов, расположенных в более восточных районах. Их исследователи отмечают полное отсутствие среди погребального инвентаря глиняных сосудов¹⁶. В белореченских курганах, наиболее близких к шенджийским по погребальному обряду, было обнаружено всего 10 керамических сосудов (на 84 погребения)¹⁷. Это указывает на некоторые различия в погребальном ритуале двух родствен-

ных соседствующих групп населения, имевших, возможно, различную племенную принадлежность. Шенджийский могильник по наличию керамики значительно сближается с погребальными памятниками Западной Адыгеи и Восточного побережья Черного моря¹⁸.

Второй наиболее важной категорией погребального инвентаря являлось оружие. В Шенджийских курганах оно представлено наконечниками стрел и саблями, найдено в 5 комплексах, в основном, разрушенных (к. 1, 5, 6, 7, 9).

Наконечники стрел относятся к типу черешковых, листовидной формы, плоских, с упорами. Длина большинства из них колеблется от 6 до 7 см, ширина пера — от 2 до 2,5 см (рис. 3.1-7; рис. 6.3,4,6-9; рис. 7.5), но встречаются и более крупные (рис. 6.5). Фрагментарно сохранившиеся деревянные древки в верхней части были обмотаны берестой и выкрашены в красный цвет. В кургане 5 наконечники стрел располагались одним скоплением, видимо, находились в колчане, от которого сохранились отдельные металлические детали (рис. 6.13). Аналогии им встречаются в кабардинских курганах, датирующихся XIV-XV вв.¹⁹ Найденные наконечники стрел имели широкое распространение на обширных территориях евразийских степей. Г.А.Федоров-Давыдов при классификации этой вещевой категории выделяет их в особый отдел В и относит к типу I (VI)²⁰. Известны они в славянском слое Саркела — Белой Вежи, в разрушенных монголами городах²¹, но чаще всего этот тип встречается на Северном Кавказе. Большое количество таких наконечников зафиксировано в кабардинских курганах Карачаево-Черкессии (верховья р. Байтал-Чапкан, устье р. Кара-Бежон), Чечено-Ингушетии, в адыгских курганах, раскопанных в Среднем Закубанье, и в средневековых памятниках Восточного Причерноморья²².

Сабли в погребениях встречаются значительно реже (к.5.6). Характеризуются они узким изогнутым клинком, обоюдоострым концом, прямым вытянуто-ромбическим перекрестием с утолщением на месте соединения рукояти с клинком. Стержень рукояти наклонен к лезвию примерно на 10°. Длина сохранившейся части сабли (к.5) — 110 см, длина клинка — 97 см, ширина — 3 см, длина перекрестия — 9 см (рис. 2.1).

М.Л.Стрельченко при исследовании материалов Убинского

могильника выделил несколько типов сабель, датирующихся с X по XV вв. Среди тех, что относятся к XIV-XV вв., есть аналогичные Шенджийскому экземпляру²³. Для поздних вариантов характерно увеличение длины сабли и кривизны ее клинка. Порой размеры сабли достигают 130 см, а наклон стержня рукояти к лезвию составляет 10-12°. Одновременно у сабель встречаются и другие типы перекрестий — с опущенными вниз асимметричными концами. Известны они в Убинском и Ленинахабльском могильниках, в кабардинских и западно-черкесских курганах²⁴. Следует обратить внимание на положение сабли в кургане 5. Она лежала вдоль левой руки, острием вверх, что иногда встречается в погребальном обряде Убинского могильника и в подкурганых захоронениях на побережье Черного моря²⁵, датирующихся эпохой позднего средневековья. Сабли находились в ножнах, от которых чаще всего сохранялись обоимы и железные наконечники. В отличие от большинства ножен уплощенно-цилиндрической формы, имевших более раннее происхождение и встреченных в памятниках предшествующего периода²⁶, шенджийские экземпляры имели мало распространенную форму (рис. 7.6), а аналогии им дают бамутские курганы Чечено-Ингушетии²⁷.

Обращает на себя внимание тот факт, что в курганах не найдены наконечники копий. Это характерная особенность кабардино-пятигорской и белореченской групп, наличие незначительного количества этого вида вооружения в курганах Северо-Западного Кавказа некоторые исследователи считают "свидетельством влияния степняков на вооружение адыгских племен". По мнению А.Х.Нагоева универсальность адыгских сабель послужила одной из причин почти полного отсутствия наконечников копий в адыгских погребальных памятниках, но главной причиной отсутствия этого вида вооружения в адыгском войске он считает использование при боевых действиях иррегулярной легковооруженной конницы²⁸.

Кроме того, в мужских погребениях найдены железные ножи, а также детали портупей: железные кольца и пряжки (рис. 3.8, 9; рис. 6.2,11,12; рис. 7.2-4). Ножи относятся к типу черешковых с прямой спинкой и длинным лезвием, закругляющимся у острия (к. 5, 8). Рукояти имели деревянные или костяные об-

кладки, крепившиеся заклепками (рис. 6.1; рис. 7.1). Аналогии этим ножам встречаются лишь в погребальных комплексах, а среди одновременного материала поселений и селищ бытуют другие типы.

Среди курганов с мужскими погребениями женское погребение содержало только один (к. 3). Обряд и набор вещей соответствует богатым захоронениям, раскопанным Н.И.Веселовским близ ст. Белореченской, и дают представление об украшениях и деталях костюма адыгских женщин позднего средневековья. Это серебряный поясной набор, золотые перстни и серьги, серебряный с позолотой пенальчик для хранения благовоний (или для иголок), косметический набор из пинцета и копоушки.

Найденный поясной гарнитур не выходит за рамки общеупотребляемых поясов, встреченных в адыгских погребениях того времени. Он состоит из 49 бляшек, трех пряжек и одного наконечника. Судя по сохранившимся фрагментам ткани, пояс был узким: шириной — 1,7 см, длиной около 80 см. На тканую основу из плотной шелковой ленты красного цвета были прикреплены при помощи металлических заклепок чередующиеся между собой серебряные с позолотой бляшки двух типов²⁹: 22 бляшки в виде продолговатой полоски с волнистыми краями и круглыми отверстиями (рис. 5.4) и 22 бляшки в виде шестилепестковой розетки, центр и лепестки которой украшены круглыми отверстиями (рис. 5.5). Один конец пояса заканчивался пряжкой с овальной рамкой (рис. 5.1), другой был украшен серебряным наконечником в виде длинной сужающейся пластины, покрытой гравированным орнаментом растительного характера и круглыми отверстиями (рис. 5.6). От пояса вниз отходили два ремешка, украшенные бляшкой в виде продолговатой полоски с волнистыми краями и бабочковидной бляшкой (рис. 5.3). Заканчивались ремешки пряжками с овальными рамками (рис. 5.2). Плоские пластины треугольной формы с тремя выпуклыми шляпками заклепок по углам крепились на конце ремешка и имитировали щиток пряжки.

В отличие от более ранних поясных наборов, шенджийский значительно проще по отделке (несложный отштампованный растительный орнамент) и по форме бляшек. Заметной становится стандартизация пряжек. находка поясного набора в женском

погребении свидетельствует об изменении функций этой детали костюма. В эпоху позднего средневековья пояс перестает быть атрибутом исключительно мужского костюма и обозначать место воина в дружинной иерархии, как это было в предшествующий период³⁰. Они являются лишь деталью богатой одежды и встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. М.Г.Крамаровский в своих исследованиях установил привозной характер поясных гарнитуров, в формировании декора которых основное место принадлежало восточной традиции, получившей отражение в ремесле Малой Азии и Крыма XIII—XVI вв.³¹

Частой находкой в женских погребениях являются предметы туалетных наборов, подвесные пеналы для хранения либо благовоний, либо швейных игл. В кургане 3 был найден пенал цилиндрической формы с округлыми концами, который при помощи трех цепочек крепился к конусовидной подвеске. Открывался он в нижней части, где к колшачку крепились подвески в виде трилистников. Пенал был покрыт пунсонным орнаментом типа "ложной веревочки" (рис. 5.8). Использовался, видимо, он в качестве сосуда для хранения благовоний. Внутри пенала были найдены остатки войлока с устойчивым запахом канифоли (смола). Подобные пеналы часто находят в адыгских и кабардинских курганах XIII—XVI вв., но территория их распространения значительно шире. Они встречаются в памятниках Поволжья, в древнерусских городах³², бывают цилиндрические или круглые, имеют вертикальное или горизонтальное крепление, изготовлены в основном из серебра. В белореченских курганах подобных пеналов-игольников найдено достаточное количество, однако полные аналогии шенджийскому экземпляру подобрать трудно. Но многие детали делают их похожими: однотипные цепочки, способ крепления, форма украшающих подвесок в виде трилистников, орнамент в виде "ложной веревочки"³³. К этим своеобразным несессерам, носившимся у пояса, часто прикрепляли наборы мелких туалетных инструментов, включавшие в себя пинцет для выдергивания ресниц, копоушку, зубочистку, ногтечистку, "блохоловку". В Шенджийском погребении присутствует неполный набор: только копоушка и пинцет (рис. 4.6-7). Характерны они для богатых захоронений, встречаются и в более раннее время. Известны в памятниках

салтово-маяцкой культуры и синхронных ей комплексах с территориями Северо-Западного Кавказа³⁴. Эта традиция живет и в последующее время³⁵, сохраняя единство форм и способ орнаментации.

Судя по материалам позднесредневековых адыгских могильников, среди украшений встречаются перстни и серьги. Серьги представляют один из вариантов проволочных в виде "знака вопроса" (рис. 4.4; рис. 6.10), характерных для поздних кочевников³⁶. Найдены они в женском (к.3) и мужском (к.5) захоронениях, причем в последнем случае - в единичном экземпляре. Обычно мужские височные подвески или серьги отличаются от женских. Материал белореченских курганов показывает, что мужские украшения - "это кольца с несомкнутыми, но сходящимися концами, круглые или плоские в поперечном сечении"³⁷. Подобные мужские серьги найдены в позднесредневековых погребениях Ленинахабльского могильника³⁸. В некоторых грунтовых могильниках этого же времени встречаются несколько вариантов женских серег (или височных подвесок). Наряду с шенджийскими аналогиями найдены и их разновидности, основное отличие которых в длине стержня - он значительно короче и бусина вплотную примыкает к кольцу³⁹. Найденные в кургане 3 золотые перстни с бирюзовыми вставками (рис. 4.2,3) не являются типичными украшениями адыгских женщин, хотя и встречаются в некоторых черкесских погребениях⁴⁰. Чаще они попадаются в более ранних кочевнических захоронениях⁴¹. Для белореченских курганов, как отмечает В.П.Левашева, самым распространенным типом является пластинчатый шитковый золотой перстень, подражающий перстням с печатями⁴².

Видное место в женских погребениях занимали деревянные шкатулки. Судя по белореченским курганам, их находки довольно часты (9 случаев)⁴³, попадают они в женских погребениях грунтовых могильников этого же времени. Очень характерны железные замки, сохранившиеся от этих шкатулок (рис. 4.8). Найдены они в Ленинахабльском могильнике и в размытых погребениях по р. Пшиш (Среднее Закубанье) и являются точной аналогией шенджийскому экземпляру⁴⁴. В шкатулках хранились предметы, связанные с рукоделием и туалетом, в том числе и железные ножницы. Обычно шкатулки ставили в ногах погребенных. Видимо,

этим объясняется расположение ножниц в женских погребениях (в том числе и в кургане 3 Шенджийского могильника). Найденные железные ножницы относятся к типу пружинных и их обычно применяли для стрижки овец (рис. 4.1). Подобные ножницы на Кавказе находят повсеместно, в том числе в адыго-кабардинских курганах XIV-XV вв.⁴⁵ Изготовление одежды, обуви являлось основным занятием женщин, поэтому ножницы были постоянным атрибутом женских захоронений. Эта деталь погребального обряда в трансформированном виде по этнографическим параллелям прослеживается до настоящего времени⁴⁶.

По найденным фрагментам ткани и пуговицам можно восстановить некоторые детали костюма, в котором были погребены умершие. К какому типу одежды относятся сохранившиеся фрагменты, ответить сложно. Однако, следует отметить, что мужской костюм (к. 7) значительно беднее женского. На это указывают остатки домотканой грубой материи и пуговицы, сделанные из низкопробного серебра. Женская одежда украшена богаче, изготовлена из привозного шелка и имела отделку широкой каймой, шитой золотой и серебряной нитью. Если основываться на аналогиях, полученных из белореченских курганов, то можно предположить, что это была "верхняя одежда - короткий кафтан, носившийся, по-видимому, под халатом... Длинной эти кафтаны были выше колен... Сходившиеся вплотную борта застегивались от ворота до пояса крупными серебряными (реже золотыми) пуговицами и украшались... горизонтальными нашивками тесьмы с петлями против пуговиц. Интервалы между горизонтальными нашивками делались в 3-4 см, иногда около 10 см. Длина нашивок - до 7-10 см. Бортик и подол окаймлялись узорчатой шелковой лентой"⁴⁷. В Шенджийском могильнике в женском погребении сохранилась незначительная часть такого же кафтана: фрагменты шелковой ткани импортного происхождения, возможно иранской, и нагрудная часть - пуговицы с тесьмой. Всего в погребении было найдено 13 пуговиц. Располагались они в один ряд и расстояние между ними (в непо потревоженной части) равнялось 3,5 см, что вполне соответствует реконструкции, предложенной В.П.Левашевой по белореченским материалам. Пуговицы сделаны из серебра, покрытого позолотой, форма их имеет широкое распространение

на Северном Кавказе в период позднего средневековья (рис. 5.7). Аналогии можно найти не только на территории Адыгеи, но и в Центральном Предкавказье⁴⁸. Тесьма, шитая золотыми и серебряными нитями, украшала борта кафтана, к ней крепились с одной стороны пуговицы, а с другой – петли. Вполне вероятно, что он был украшен расклешенный подол. По этнографическим параллелям к этому типу ближе всего мужской бешмет, который в старину по покрою был близок женскому кафтанчику⁴⁹. Что касается мужской одежды, то в своей "Истории адыгейского народа" Ш.Б.Ногмов, кабардинский просветитель XIX века, указывает, что "одежда мужчин походила на нынешнюю черкесску, носилась с разрезными рукавами⁵⁰, шилась из домотканой материи без воротника и подкладки с цельной спинкой, с цельными передними вставными боками, расклешенными в полах"⁵¹. По найденным фрагментам из мужского погребения (к. 7) восстановить вид одежды невозможно. Ясно, что она сделана из грубой ткани и представляла собой тип верхней одежды. Пуговицы сохранились по всей длине, расположены в один ряд от груди до стоп, что дает возможность предположить, что платье было длиннополое и однобортное.

Из белореченских курганов известен халат прямого покроя, длинный, до пят (длина – 150 см), однобортный, со сходящимися спереди полами без воротника. Застежка, состоящая из серебряных пуговиц и мягких петель шла от ворота до пояса⁵². В нашем случае – застежка по всей длине борта. Пуговицы (рис. 7.7–8) по форме и технике изготовления аналогичны найденным в женском погребении, но меньших размеров и без позолоты. Многочисленность этих находок (ст. Андрюковская, Ханская, Абинская, Ленинахабльский могильник и др.) говорит о массовом производстве этих типов пуговиц.

На основании исследованного материала, по погребальному обряду Шенджийский курганный могильник датируется XIV–XV веками и относится к западной группе погребальных комплексов, оставленных адыгскими племенами, заселявшими в это время закубанские степи и предгорья. Племенную принадлежность могильника установить сложно. Этнический состав населения Закубанья был весьма пестрым. Турецкий путешественник Эвлия Челеби (XVI в.) упоминает о различных адыгских племенных группах.

На левобережье Кубани, по рекам Абин и Хабль–Иль он помещает жанеевцев, рядом с ними называет черкесов хатюкай. От Псекупса до Лабы в верхнем течении жили шефаки, а севернее их находились боздухи–бжедучи⁵³. Можно предположить, что Шенджийские курганы оставлены представителями хатюкайского племени или жанеевцами, которые были предками будущих шапсугов, но это надо принимать лишь как предположение и не более того.

1. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, с. 177–178; Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983, с. 93–95.
2. Алексеева Е.П. Кабардинские и западно-черкесские курганы Карачаево-Черкессии как источник по изучению этнической истории адыгов. – В сб.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 145–149.
3. Левашева В.П. Белореченские курганы. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, с. 165–213.
4. Алексеева Е.П. Указ.соч., с. 145–149.
5. Тарабанов В.А. Средневековые погребения Ленинахабльского могильника (по раскопкам 1975 г.). В сб.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984, с. 164–172; Ловпаче Н.Г. Могильник в устье реки Псекупс. В сб.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984, с. 27–28; Носкова Л.М. Отчет о работе Теучежского отряда КАЭ ГМИИВ за 1986 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № II000, с. 78–140.
6. Веселовская Н.А. Несколько географических и исторических сведений о древней России из рассказов итальянцев. Записки имп. Русского географического общества по отделу этнографии, т. II, СПб., 1869, с. 736.
7. Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. – МАК, вып. II, М., 1889, с. 73–74.
8. Нагоев А.К. Кабардинские курганные могильники у сел.Чегем. – В сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 156–161; Милорадович О.В. Кабардинские курганы XVI–XVII вв. – СА, 1954, XX, с. 347; Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник. Древности Чечено-Ингу-

- шети. М., 1963, с. 217-243.
9. Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА, № 142, 1967, с. 112; Тарабанов В.А. Указ.соч., с. 155.
 10. Носкова Л.М. Указ.соч., табл. 78а,1.
 11. Савченко Е.И. Крымский могильник. В кн.: Археологические открытия на новостройках. М., 1986, с. 80, рис. 5,6, с. 82.
 12. Тарабанов В.А. Указ.соч., с. 154, рис. 2,25.
 13. Пьянков А.В. Отчет о раскопках 9 курганов у г.Абинска в 1986 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 11616, рис. 304.
 14. Ловпаче И.Г. Художественная керамика средневековой Адыгеи. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1982, табл. 14, 116, 263.
 15. Воронов Ю.Н., Вознюк А.С., Юшин В.А. Могильник XIУ-XVI вв. в окрестностях Сухуми. - СА, 1982, № 2, с. 255, рис. 1,3.
 16. Милорадович О.В. Указ.соч., с. 351.
 17. Левашева В.П. Указ.соч., с. 171.
 18. Ловпаче И.Г. Указ.соч., табл. 2.
 19. Милорадович О.В. Указ.соч., с. 346, рис. 2, 20-25.
 20. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 26-27, рис. 3, 9, VI.
 21. Федоров-Давыдов Г.А. Указ.соч., с. 28.
 22. Минаева Г.М. Археологические памятники Черкессии. Тр. Черкесского НИИ, вып. II, Черкесск, 1954, с. 287, рис. 116; Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Указ.соч., с. 229, рис. 11,1; ОАК за 1986 г., Спб., 1896, с. 9, рис. 55; Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, табл. II, 1-4.
 23. Стрельченко М.Л. Вооружение адыгских племен в X-XV вв. Материалы по изучению Краснодарского края, вып. I. Краснодар, 1960, с. 146.
 24. Стрельченко М.Л. Указ.соч., с. 148; Тарабанов В.А. Указ.соч., с. 166; Милорадович О.В. Указ.соч., с. 346, рис.2, 3; Минаева Т.М. Указ.соч., с. 282, рис. 7ж,с.
 25. Стрельченко М.Л. Указ.соч., с. 151; Миллер А.А. Разведки

- на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 33, 1909, с. 102, рис. 24.2.
26. Носкова Л.М. Указ.отчет, табл. 56,5; Дитлер П.А. Могильник Колосовка № I (раскопки экспедиции АНПИ 1962 г.). В сб.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985, табл. III.4.
 27. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Указ.соч., с. 233, рис. 13,3.
 28. Нагоев А.Х. К истории военного дела средневековых адыгов (XIУ-XVII вв.). - В сб.: Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986, с. 135.
 29. Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985, с. 47, табл. XXIV.
 30. Плетнева С.А. Указ.соч., с. 161.
 31. Крамаровский М.Г. Художественный металл белореченских курганов: новые атрибуции. XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. Майкоп, 1984, с. 25-26.
 32. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1981, с. 35, рис. 7.7.
 33. ОАК за 1986 г., рис. 68, 130, 270, 253.
 34. Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела - Белой Вежи. МИА. № 109, 1963, с. 255-256, рис. 27.2,3; Ловпаче И.Г. Могильники в устье р. Псекупс. В сб.: Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985, с. 53, табл. XXIV, 8-10.
 35. Кузнецов В.А. Исследование Змейского могильника в 1958 г. МИА, № 114, 1963, с. 21, рис. 9, 1-12.
 36. Федоров-Давыдов Г.А. Указ.соч., рис. 6, VI.
 37. Левашева В.Г. Указ.соч., с. 204.
 38. Носкова Л.М. Отчет о работе Теучежского отряда КАЭ ГМИНВ в 1986 г. Архив ИА АН СССР, табл. 81, рис. 38.
 39. Носкова Л.М. Отчет о работе Псекупского отряда КАЭ ГМИНВ в 1982 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, № 8969, рис. 2,II; Носкова Л.М. Отчет о работе Теучежского отряда КАЭ ГМИНВ в 1986 г., рис. 70, 8,9.
 40. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история..., с.351, табл. 40.8.

41. Федоров-Давыдов Г.А. Указ.соч., с. 41.
 42. Левашева В.П. Указ.соч., с. 206.
 43. ОАК за 1886 г., с. 42.
 44. Цоскова Л.М. Указ.отчет, табл. 70. 19-20.
 45. Минаева Т.М. Указ.соч., рис. Юл; Воронов Ю.Н. Указ.соч., табл. III.1.
 46. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983, с. 85.
 47. Левашева В.П. Указ.соч., с. 191.
 48. ОАК за 1886 г., с. 14, рис. 73; Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. - Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 245, рис. 1,7.
 49. Студенецкая Е.И. К вопросу о национальной кабардинской одежде. - Ученые записки Кабардинского НИИ, Нальчик, 1948, с. 210-211.
 50. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1967, с. 383.
 51. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1967, с. 378.
 52. Левашева В.П. Указ.соч., с. 189.
 53. Очерки истории..., с. 151.

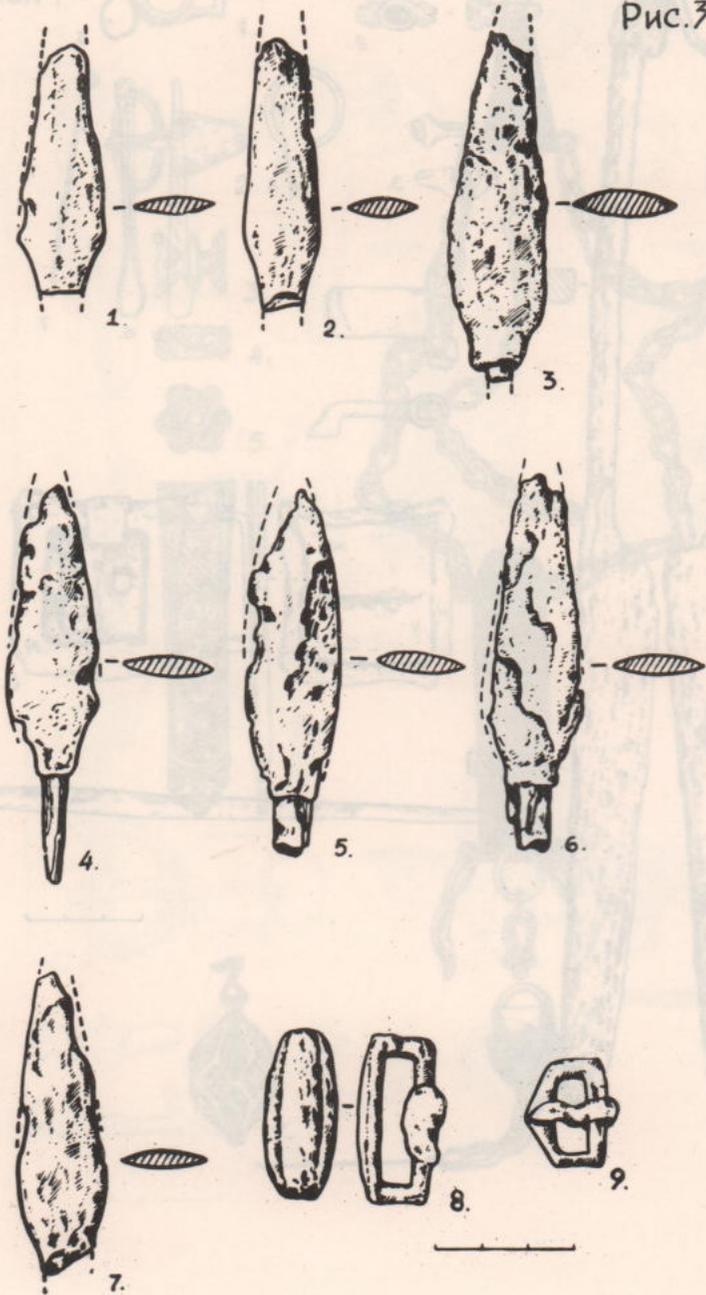
Список иллюстраций

- Рис. 1. Ситуационный план Шенджийского курганного могильника
 Рис. 2. Инвентарь из курганных погребений: 1 - железная сабля; 2-7 - керамические сосуды
 Рис. 3. Инвентарь из кургана 1: 1-7 - железные наконечники стрел; 8-9 - железные пряжки
 Рис. 4. Инвентарь из кургана 3: 1 - ножницы; 2-3 - золотые перстни со вставками; 4 - золотая серьга; 5 - серебряное кольцо; 6-7 - серебряные пинцет и копоушка; 8 - детали железного замка шкатулки; 9 - железная скоба.
 Рис. 5. Инвентарь из кургана 3: 1-2 - серебряные пряжки; 3-5 - серебряные бляшки; 6 - серебряный наконечник пояса; 7 - серебряная пуговица; 8 - серебряный пенал
 Рис. 6. Инвентарь из кургана 5: 1 - нож; 2 - железное кольцо; 3-9 - железные наконечники стрел; 10 - серебряная серьга; 11-12 - железные пряжки; 13 - детали колчана
 Рис. 7. Инвентарь из курганов 6,7,8: 1 - нож; 2 - железная обойма; 3-4 - железные пряжка и кольцо; 5 - железный наконечник стрелы; 6 - наконечник ножен; 7-8 - серебряные пуговицы; 1-4 (к.8); 5-6 (к.6); 7-8 (к.8)

Рис.2

Рис.3

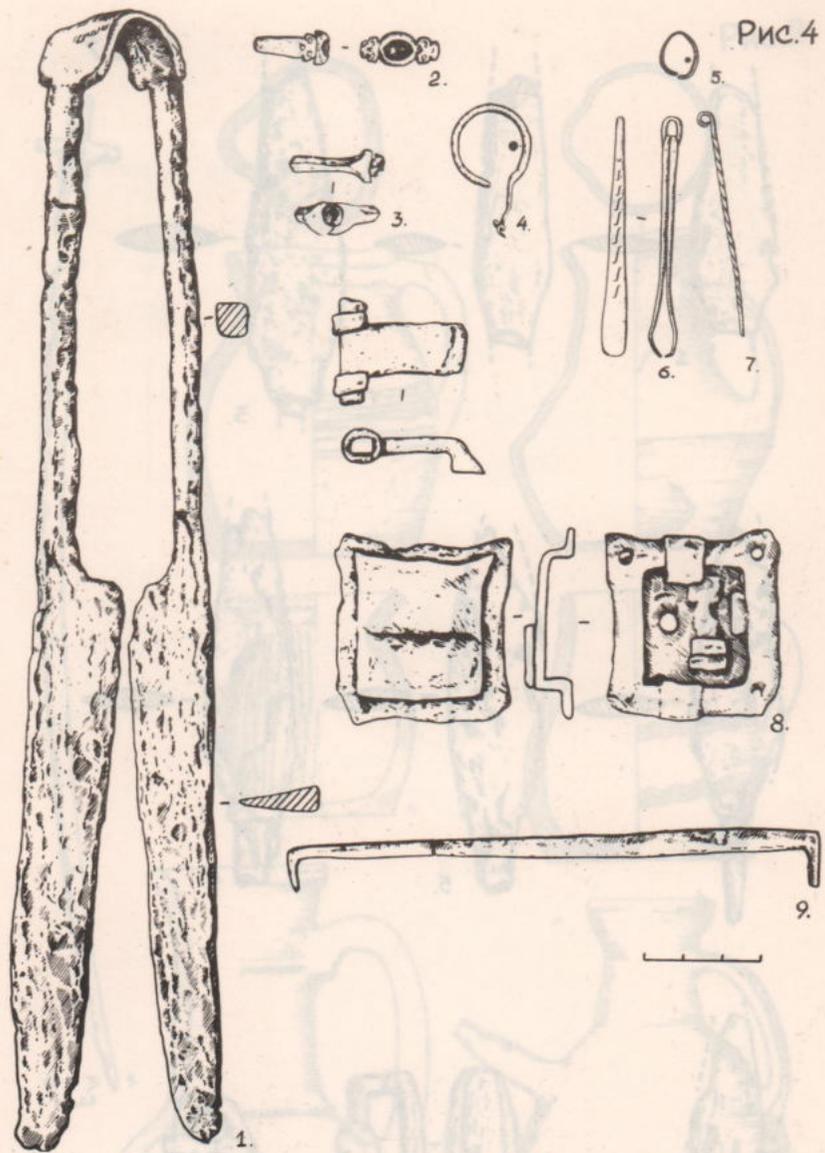
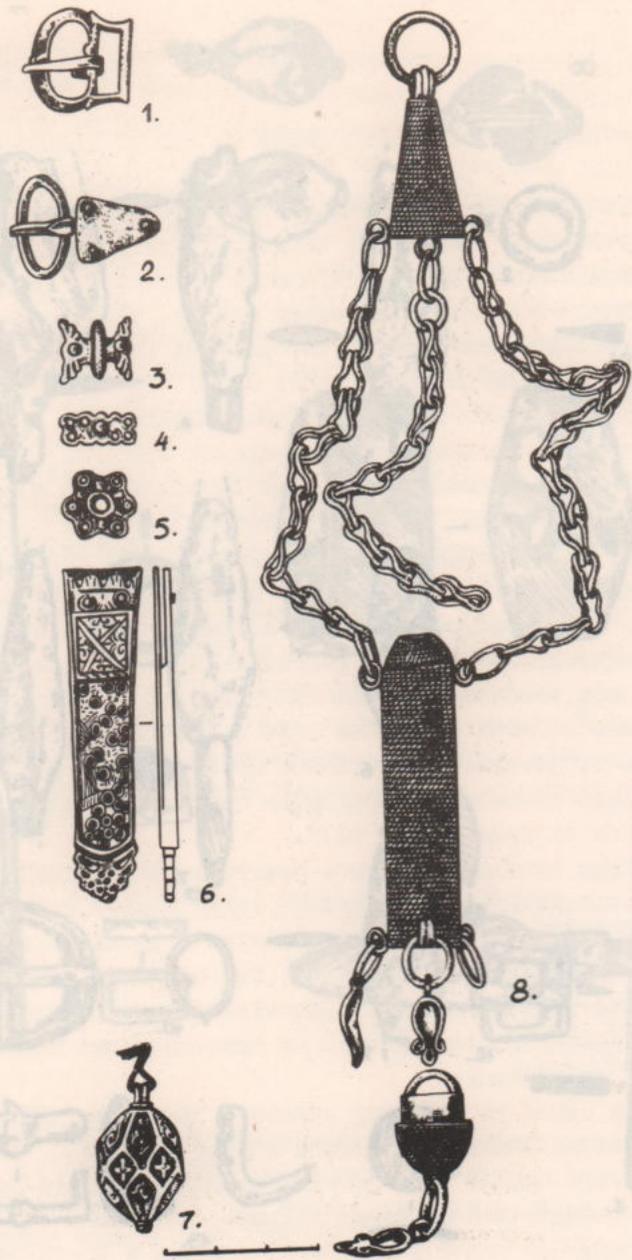

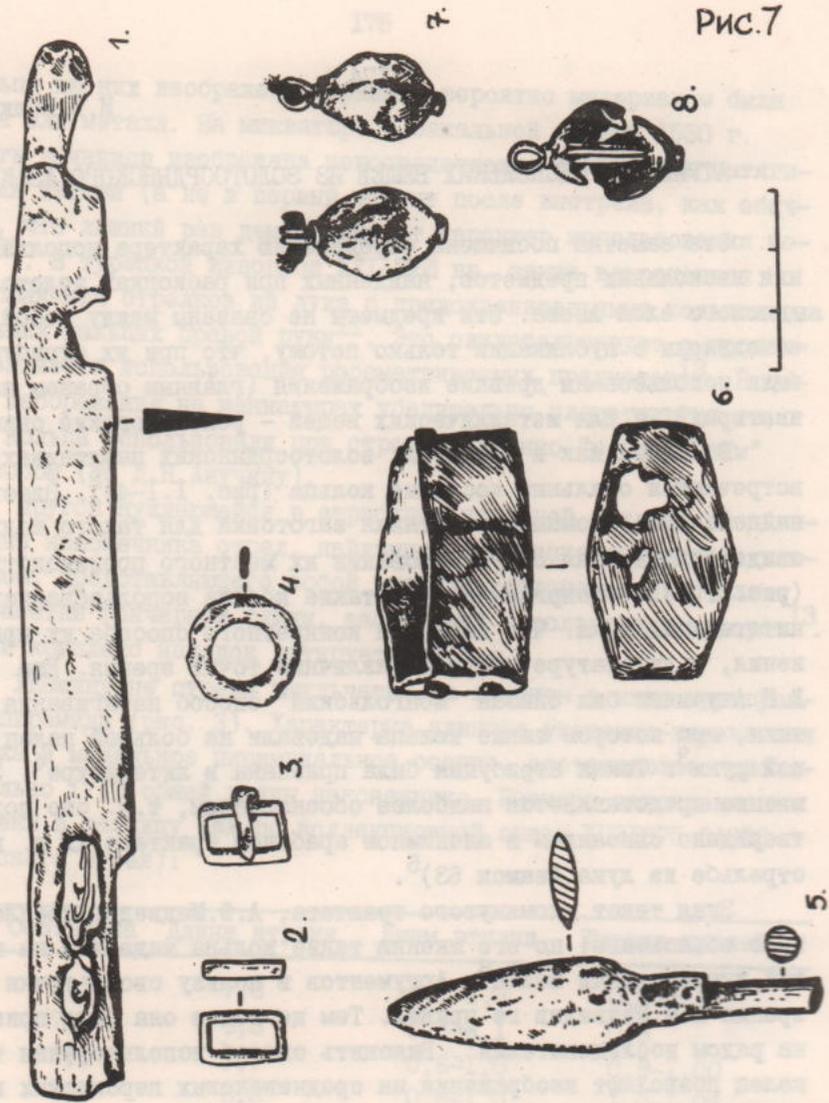
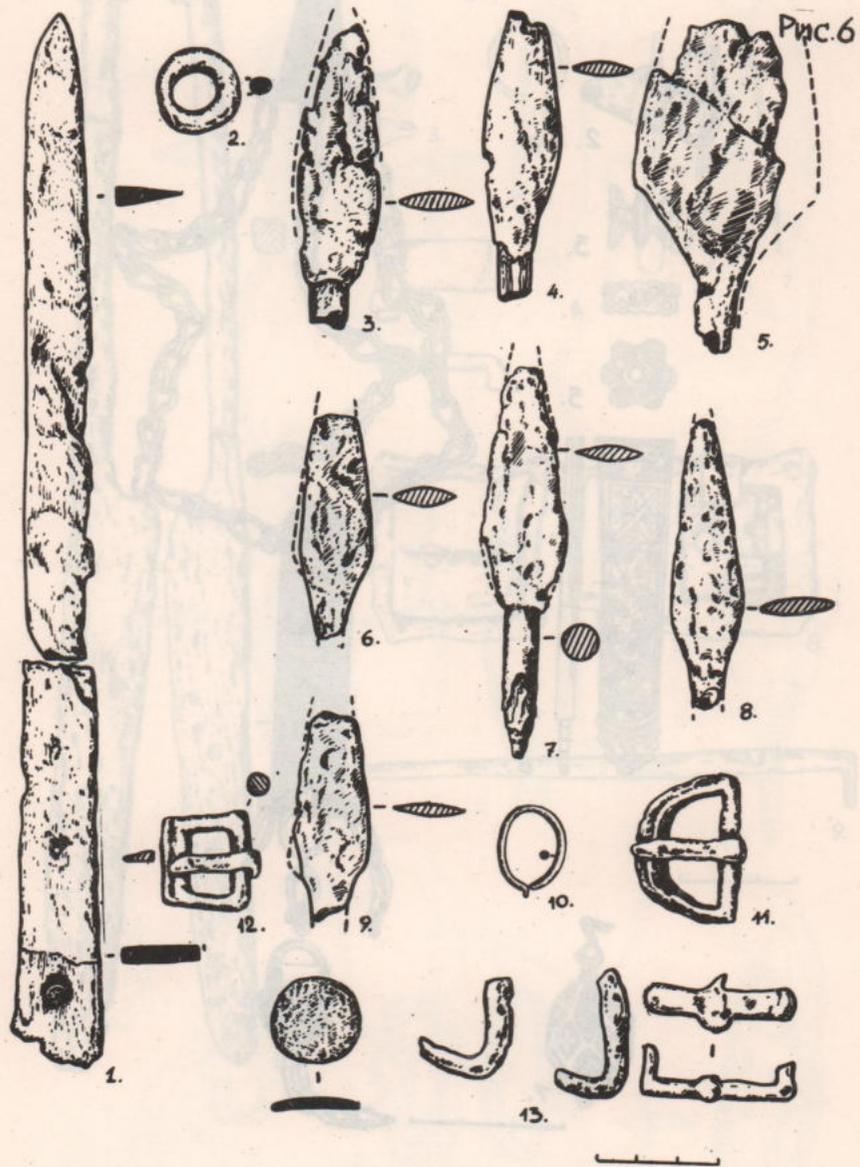
Рис. 4

Рис. 5

7.

8.

АТРИБУЦИЯ НЕСКОЛЬКИХ ВЕЩЕЙ ИЗ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА

Эта заметка посвящена определению характера использования нескольких предметов, найденных при раскопках золотоордынского слоя Азова. Эти предметы не связаны между собой. Они объединены в публикации только потому, что при их атрибуции были использованы древние изображения (главным образом на миниатюрах), а для металлических вещей — рентгеновские снимки¹.

В Азове, как и на других золотоордынских памятниках, встречаются овальные костяные кольца (рис. I. I-4)². Здесь найдена даже сломанная костяная заготовка для такого кольца, свидетельствующая о существовании их местного производства (рис. I. 5). Общеизвестно, что такие кольца использовались для натягивания лука. Что касается конкретного способа их применения, в литературе имеются различные точки зрения. Еще Д. Н. Анучиным был описан "монгольский" способ натягивания тетивы, при котором такие кольца надевали на большой палец правой руки³. Такая атрибуция была признана в литературе⁴. Это мнение представляется наиболее обоснованным, т. к. оно подтверждено описанием в анонимном арабском трактате XV в. по стрельбе из лука (замок 63)⁵.

Зная текст упомянутого трактата, А. Ф. Медведев предложил иное объяснение: по его мнению такие кольца надевали на правый указательный палец⁶. Аргументов в пользу своей точки зрения А. Ф. Медведев не привел. Тем не менее она была признана рядом исследователей⁷. Выяснить способ использования таких колец позволяют изображения на средневековых персидских и турецких миниатюрах.

На одной из миниатюр рукописи "Шах-Наме" 1370 г. есть изображение Залы, стреляющего в утку (рис. 2)⁸. На большом пальце его правой руки изображено кольцо белого цвета (костяное), аналогичное по форме кольцам, найденным при раскопках. Оно надето на палец дальше его середины и безукоризненно демонстрирует способ его использования при стрельбе. На ряде других миниатюр также имеются изображения стрелков с кольцами на большом пальце правой руки, но они менее выразительны⁹.

Кольца на них изображены черными, вероятно материалом была кожа или металл. На миниатюре с батальной сценой 1530 г. часть лучников изображена непосредственно в процессе натягивания тетивы (а не в первый момент после выстрела, как обычно), что лишней раз демонстрирует характер использования колец¹⁰. В турецкой живописи XVI-XVIII вв. также встречаются изображения стрелков из лука с предохранительными кольцами на больших пальцах правой руки¹¹. Это свидетельствует о продолжительности использования рассматриваемых предметов¹². В целом изображения на миниатюрах убедительно иллюстрируют то, что кольца использовали при стрельбе именно "монгольским" способом (по Д. Н. Анучину).

Другой нуждающейся в атрибуции находкой являются 4 однотипные наконечника стрел, найденные при раскопках одного комплекса, представляющего собой древний котлован-карьер для разработки гончарной глины, засыпанный впоследствии мусором¹³. Общий комплекс находок датируется XIV в.

Упомянутые стрелы втульчатые, с острием в виде трехгранной пирамиды (рис. 3). Характерна длинная усеченно-коническая втулка и маленькое пирамидальное острие, составляющее приблизительно 1/10 общей длины наконечника. Размеры наконечников сведены в таблицу (№№ по коллекционной описи КП21875 0A288 Азовского музея):

№	Общ. длина	Длина втулки	Диам. втулки	Ширина граней
104	9,1	7,8	0,7-1,3	0,9-0,96
105	7,5	6,3	0,5-1,1	0,8
106	7,1	5,7	0,6-1,0	0,9-1,00
107	8,0	6,8	0,6-1,0	1,0-1,05

Наконечник № 104 имеет индивидуальную особенность. При реставрации его втулки была обнаружена медная прокладка, полностью покрытая ржавчиной. Эта медная прокладка хорошо видна на рентгеновском снимке (рис. 4). Этот прием обработки использовался при изготовлении втульчатых наконечников чрезвычайно редко. В целом он может быть связан со средиземномор-

ским миром.

Наконечник этого типа найден в кочевническом погребении Каменского могильника и определен А.Ф.Медведевым по выделенным им признакам как арбалетный¹⁴. Здесь он выглядит инородным, т.к. в кочевнических погребениях втульчатые наконечники вообще встречаются чрезвычайно редко¹⁵. Д.Н.Анучин отмечал, что вообще втульчатые наконечники характерны для Европы, а для Азии — черешковные¹⁶. Хотя летописи упоминают арбалеты у кочевников, существование этого вида оружия у степняков археологически не засвидетельствовано. Единственный наконечник арбалетного болта из Каракорума не имеет ничего общего с рассматриваемыми¹⁷. Древнерусские наконечники болтов также существенно от них отличаются — имеют перо преимущественно ромбовидного сечения¹⁸.

Еще один экземпляр такого наконечника найден в Молдавии¹⁹. Точные аналогии известны также в крепости Фуна, в Судакской крепости, Мангупе, Каффе, на территории Добруджи²⁰. Ареал находок свидетельствует о близости их к итальянским колониям и факториям. Арбалетами в Азаке (Тане) пользовались итальянцы. Многочисленными письменными источниками засвидетельствовано постоянное присутствие гарнизона итальянских арбалетчиков в Тане, а также отправка туда из Италии стрел вместе с другими видами оружия²¹. На картине Антонио Полайоло "Мученичество Св.Себастьяна" (1475) у арбалетчиков изображены подобные наконечники стрел²². Весьма вероятно, что рассматриваемые наконечники болтов принадлежали итальянцам и были использованы при обороне фактории в нестабильной обстановке конца XIV в.

В культурном слое Азака был найден линзообразный металлический предмет (рис. 5). Он имеет железную основу, покрытую бронзовой оболочкой толщиной около 2 мм. Рентгеновские снимки не выявили каких-либо внутренних конструктивных особенностей. Тем не менее, определение его назначения не вызывает трудностей. На массе синхронных европейских миниатюр и фресок изображены мечи с такими навершиями. Следовательно, это одна из немногих вещей, связанных с присутствием итальянцев в Азове.

В Азове, в комплексе ямы XIV в., был найден целый закры-

тый железный одноцилиндровый замок с дужкой на шарнире. На дужке сохранился пробой из дверного косяка, а сама дужка оказалась погнутой (рис. 6). Это свидетельствует о том, что замок не был открыт в древности и по каким-то причинам был выломан из двери. Следовательно, механизм полностью коррозированного предмета должен был целиком сохраниться внутри. Для его выявления была сделана серия рентгеновских снимков (рис. 7). На снимке видно, что внутри корпуса находится обычный закрывающий лепестковый пружинный механизм и выталкивающая спирально-ленточная пружина, соединенная диском с направляющим стержнем.

На средневековых памятниках Восточной Европы одноцилиндровые замки с дужкой на шарнире распространены широко. Они появляются здесь в IX в. Многочисленная их коллекция найдена в Саркеле. Эти замки бытовали в золотоордынских городах и древней Руси²³. Традиционно считалось, что их конструкция принципиально не отличается от всех прочих систем средневековых цилиндрических и призматических замков (в торцевую часть корпуса вставляется закрывающий лепестковый пружинный механизм, который можно вытащить, только сжав лепестки пружины ключом).

Особенность рассматриваемых замков состоит в том, что они могли иметь только отдельный пружинный механизм. Судя по сохранившимся предметам, он не всегда имел части, заметно выступающие из корпуса замка, за которые его можно было бы взять в момент открывания. Этот недостаток был компенсирован особенной деталью устройства. Для вытаскивания пружинного механизма в корпус замка была вмонтирована специальная пружина, выталкивающая его в момент открывания. Подобный замок был найден в культурном слое Новгорода²⁴. Рассмотренная находка позволяет полнее проследить изменения конструкции пружинного замка.

Повсеместно в культурных слоях золотоордынских городов встречаются костяные предметы, состоящие из двух частей, соединенных шарниром²⁵. Азак в этом смысле не является исключением²⁶. В литературе они получили условное название "щипчики", но конкретный способ их использования никем не рассматривал-

ся²⁷. Основная масса находок представлена сломанными экземплярами, что затрудняло решение этого вопроса. В Национальном музее Уэльса хранится целый образец такого предмета, предположительно определенный издателями как турецкий²⁸. Авторы вполне обоснованно характеризуют его как рычажные весы необычной конструкции для взвешивания монет. Это безупречно подтверждается тем, что на лопатках предмета сделаны специальные вырезы для монет с цифровыми обозначениями заданного веса (рис. 8). Вероятно, это усложнение конструкции было сделано уже в турецкое время.

Одна из таких находок с Селитренного городища (рис. 9) позволила провести опыт с серебряной монетой хана Токтамыша. Для этого с помощью измерительного циркуля коромысло было взято на уровне шарнирного штифта, а монета была положена на лопаточку. В таком положении монета соскальзывает с лопаточки, но если иголки измерительного циркуля сместить на 0,5 мм в сторону лопаточки, то коромысло остается в положении равновесия. Следовательно, такие костяные весы были вполне удобны для быстрого взвешивания золотоордынских серебряных монет, отличавшихся постоянством веса: полновесная монета, положенная на лопаточку коромысла, соскальзывала с нее.

Примечательна еще одна особенность экспоната из музея Уэльса. На коромыслах-противовесах сделаны отверстия, предназначенные вероятно для вставления гирек. У большей части золотоордынских находок самого массивного коромысла было достаточно для противовеса. Однако в некоторых случаях встречаются и очень тонкие коромысла. В этих случаях на золотоордынских весах должны были быть аналогичные противовесы. Поскольку расположить на коромыслах-противовесах обычные гири невозможно, следует предположить, что они были снабжены специальными металлическими приспособлениями. Выделение последних среди металлических находок является делом будущего. Не исключено, что с рассматриваемыми костяными весами связаны свинцовые дисковидные грузики, также имеющие широкое распространение на золотоордынских городищах²⁹.

1. Волков И.В. Атрибуция нескольких золотоордынских вещей из Азова. Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 году. - Тез. докладов к обл. семинару. Азов, 1988, с. II-13.
2. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) УШ-ХIV вв. - САИ ЕИ-36. М., 1968, с. 23; Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища). - В кн.: Города Поволжья в средние века. М., 1974, с. II9, табл. У, 24; Чахкиев Д.Ю. Позднесредневековые предохранительные кольца и напалечники вайнахских лучников. - X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докладов. М., 1980, с. 76-77; Его же. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII-XV вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986, с. 5; Фоменко В.П. Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-Кала в 1958 г. - МИА, 133, 1965, с. 53; Маргос А. Късносредневековните църкви "Св. Димитър" и "Св. Никола" в с. Пороище, Разградско. - ИИМВ, 1986, т. 22(37), с. II9, табл. XVI, 7; Михайлов С. Раскопки на западната порта в Плиска. - ИБАИ, 1974, Кн. XXXIV, с. 237, обр. 35, 5. Кольцо из раскопок в Белгороде-Днестровском: БД-80, № II (ОАМ, 88076). Кольцо, происходящее из Ольвии (?): ОАМ-7830 (экспозиция).
3. Анучин Д.Н. О древнем луке и стрелах. - Труды У АС в Тифлисе в 1881 г. М., 1887, с. 371, рис. 38-39.
4. Иванов А. Кольцо Шах-Джахана. - СТЭ, 1972, т. XXXIV, с. 26; Абакаров А.И. Некоторые предметы вооружения монгольского времени из горного Дагестана. - В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 256-261.
5. Arab archery. An arabic manuscript of about 1500 "A book excellence of the bow & arrow" /Transl. and ed. by Faris, A. & R.P. Elmer. Princeton, 1945, p. 123, pl. 1.
6. Медведев А.Ф. Указ. соч., с. 26.
7. Шеляпина Н.С., Панова Т.Д., Авдусина Т.Д. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле. - СА, 1979, № 2, с. 218-221; Fyodorov-Davydov, G.A. The

culture of the Golden Hord cities. Oxf., 1984, p. 68, ill. 113. (= BAR, International Series. - Vol. 198)

В последней работе ошибка связана с неточностью перевода: слово обозначает любой палец, кроме большого (thumb).

8. Gray, B. *La peinture Persane*. Geneve, 1977, p. 42.
9. Gray, B. *Op. cit.*, p. 128, 131.
10. Gray, B. *Op. cit.*, p. 54.
11. Renda, G. et al. *Historie de la peinture Turque*. Istanbul, 1988, pl. 5, 62.
12. Находка из Болгарии относится к XVII-XVIII вв., т.е. ко времени турецкого владычества. - Маргос А. Указ.соч.
13. Волков И.В. Охранные раскопки в г. Азове по ул. им.газеты "Известия" в 1984 г. Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1984 г. - Тез.докладов к семинару. Азов. АКМ, 1985, с. 8-9.
14. Медведев А.Ф. Указ.соч., с.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 26-29.
16. Анучин Д.Н. Указ.соч., с. 407-409.
17. Беляева С.А. Юнорусские земли во второй половине XIII-XIV вв. (по материалам археологических исследований). Киев, 1982, с. 64-65, рис. 20.
18. Киселев С.В., Мерперт Н.Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума. - В кн.: Древнемонгольские города. М., 1965, с. 193.
19. Чеботаренко Г.Ф. К вопросу о классификации средневековых молдавских стрел. - В кн.: Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1960, вып. 3, с. 142, табл. I,3. На мой взгляд, предложенная автором датировка (XII-XIII вв.) - весьма спорна.
20. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна. - В кн.: Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988, с. 105-106. Сужение автором даты до XV в. преждевременно. *Bixantini, romani si bulgari la Dunarea de Jos*. Bucuresti, 1971, p. 391-392 (*Din istoria Dobrogei, vol. 3 = Bibl. historica Romaniae, № 9*). Пользуюсь случаем выразить благодарность Б.Г.Петерсу,

ознакомившему меня с коллекцией из его раскопок в Феодосии.

21. Скржинская Е.Ч. История Таны. - В кн.: Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 47; Thiriet, F. *Regestes des deliberations du Senat de concernant la Romanie*. Paris-La Haye, 1958, Vol. 2, p. 10, 23, 97, 124, 154-155, 168, 175, 189, 193, 202, 218, 243-244; Vol. 3, p. 14, 37, 46-47, 57, 112, 130-131, 144, 166, 204, 216, 229, 235.
22. Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. XIV-XV столетия. М., 1978, табл. 81.
23. Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953, с. 154-158.
24. Археологический музей кафедры археологии МГУ им. М.Ломоносова.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В кн.: Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, табл. 98, 1-2.
26. Полевой шифр одной из находок: Аз287, Лен.29, кв.4, я.IIа.
27. Искренне благодарю Г.А.Федорова-Давыдова, консультировавшего меня по этому вопросу и сообщившего о находках аналогичных предметов в Сирии и Болгарии. В музеях Болгарии их определяют как весы.
28. Sheppard, T.M.Sc. & Musham, J.F.F. *Money scales and weights*. (Reprinted from the Numismatic Circular, 1920-1923) L., 1923, p. 143, fig. 63.
29. Это предположение может расцениваться только как догадка.

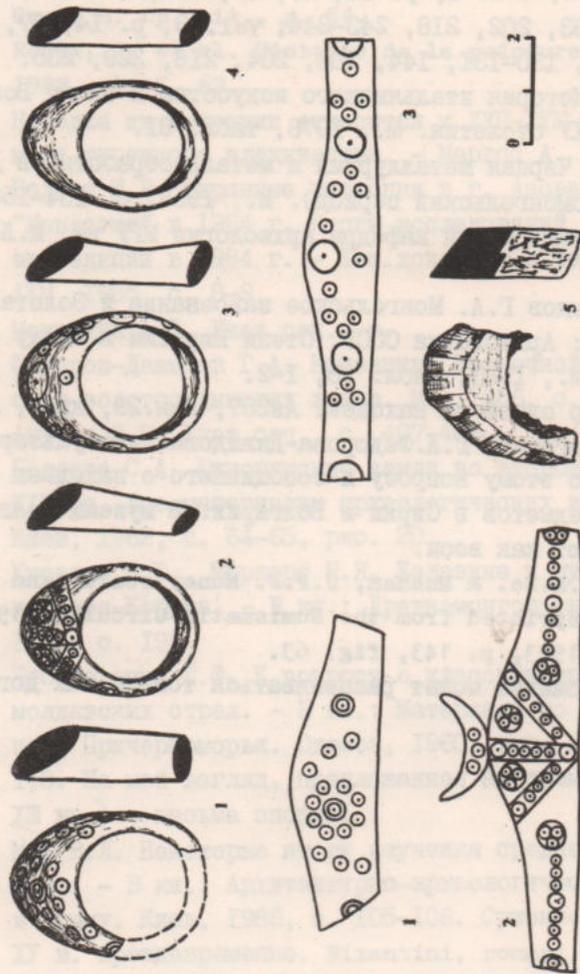

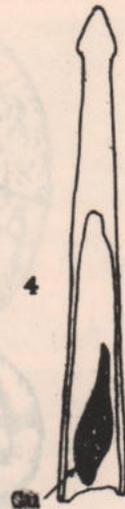
Рис. 1. Костяные предохранительные кольца для стрельбы из лука из Азова. Целевые шифры: 1- Аз-84, Изв. 816, пом. 1; 2-4- Аз-79, Соп., отвал; 5- Аз-83, Ленинна.

Рис. 2. Миниатюра из рукописи "Шах-Наме" 1370 г. (Прорись по: Gray, B. La peinture Persane. Geneve, 1977. - P. 42).

Рис. 3. Наконечники болтов из Азова. Полевой шифр: Аз-84, Изв. 816, пом. 2.

Рис. 4. Прорись по рентгеновскому снимку с наконечника N104. Стрелкой выделена медная прокладка.

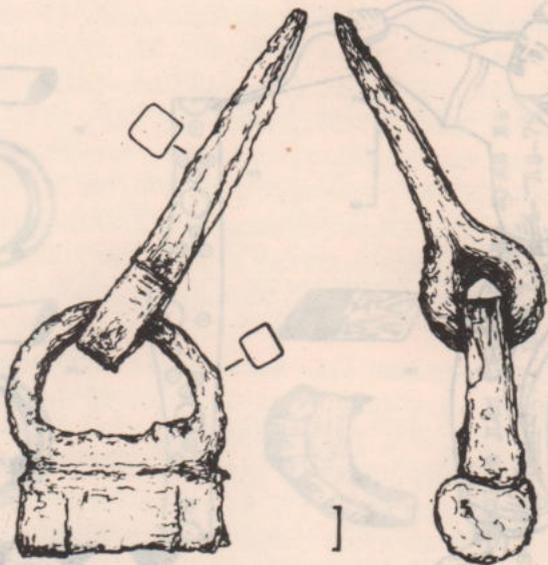

Рис. 6. Железный замок из Азова.
Полевой шифр: Аз-86, Тана, я. 2.

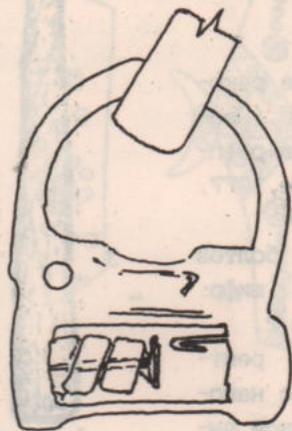

Рис. 7. Прорис по рентгеновскому
снимку с замка.

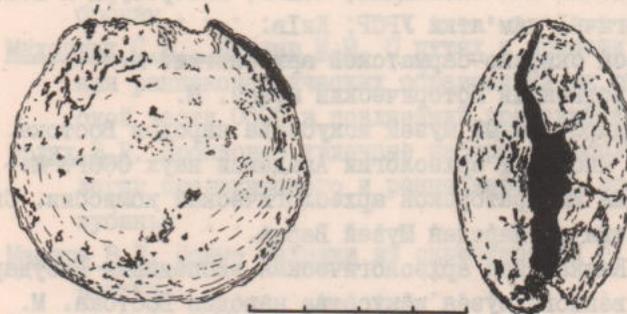

Рис. 5. Железное навершие меча с бронзовой
оболочкой. Прорис по фотографии.
Полевой шифр: Аз-83, Ленин.

Рис. 8. Костяные веса для монет
из Национального музея Уэльса.

Рис. 9. Фрагменты костяных весов с Селитренного городища.
Палеовой шифр: С.г.-90, Р.ХУП; 1- уч.33, шт.2, №40; 2- уч.
24, шт.3, №39.

Список сокращений

- АНИИ – Адыгейский НИИ экономики, языка, литературы и истории.
 АП – Археологичні пам'ятки УРСР. Київ.
 ВССА – Вопросы скифско-сарматской археологии. М.
 ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
 ГМИНВ – Государственный музей искусства народов Востока. М.
 ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР. М.
 ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Спб.
 ИГМВ – Известия на Народен Музей Варна.
 КАЭ ГМИНВ – Кавказская археологическая экспедиция Государственного музея искусства народов Востока. М.
 КГЭМ – Краснодарский Государственный музей-заповедник.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
 МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.
 ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии. Спб.
 ОИПКГЭ – Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 СЭ – Советская этнография. М.
 Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
 Тр. МНИИЯЛИЭ – Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
 ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.
 ВСН – Bulletin de correspondance Hellenique. Paris.
 JHS – The Journal of Hellenic studies. London.

Содержание

<u>Днепровский К.А.</u> Серегинское поселение эпохи ранней бронзы	3
<u>Махортых С.В., Иевлев М.М.</u> О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период	8
<u>Эрлих В.Р.</u> Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья	31
<u>Маслов В.Е.</u> Новые находки из окрестностей г. Кисловодска	48
<u>Беглова Е.А.</u> Венцы I – поселение эпохи раннего железа Закубанья	56
<u>Абрамов А.Н., Сазонов Ю.С.</u> Комплекс амфор второй четверти V в. до н.э. из Патрея	68
<u>Эрлих В.Р.</u> Местские мечи из Закубанья	77
<u>Терехова Н.Н.</u> Результаты металлографического исследования предметов из Серегинского грунтового могильника	100
<u>Маслов В.Е.</u> Комплекс предметов последних веков до н.э. из окрестностей с.Отказное	106
<u>Эрлих В.Р., Кожухов С.П.</u> Погребения сарматского времени из курганного могильника Уашкиту-I	111
<u>Гавритухин И.О.</u> Пальчатые фибулы пражских памятников Поднепровья	127
<u>Сударев Н.И.</u> Две находки римского времени из окрестностей г. Сочи	143
<u>Ахмедов И.Р.</u> Плетки из могильника у с. Кораблино	146
<u>Атавин А.Г., Паромов Я.М.</u> Болгарское погребение с золотым поясным набором из Нижнего Прикубанья	151
<u>Носкова Л.М.</u> Позднесредневековый курганный могильник близ аула Шенджий	156
<u>Волков И.В.</u> Атрибуция нескольких вещей из золотоордынского Азака	174
Список сокращений	182

Список

1. Введенение 1

2. История развития науки о металлах 2

3. Общая характеристика металлов 3

4. Свойства металлов 4

5. Классификация металлов 5

6. Металлы группы железа 6

7. Металлы группы меди 7

8. Металлы группы алюминия 8

9. Металлы группы цинка 9

10. Металлы группы кадмия 10

11. Металлы группы ртути 11

12. Металлы группы серебра 12

13. Металлы группы золота 13

14. Металлы группы платины 14

15. Металлы группы осмия 15

16. Металлы группы иридия 16

17. Металлы группы родия 17

18. Металлы группы кобальта 18

19. Металлы группы никеля 19

20. Металлы группы марганца 20

21. Металлы группы хрома 21

22. Металлы группы ванадия 22

23. Металлы группы ниобия 23

24. Металлы группы тантала 24

25. Металлы группы молибдена 25

26. Металлы группы рения 26

27. Металлы группы вольфрама 27

28. Металлы группы титана 28

29. Металлы группы циркония 29

30. Металлы группы гафния 30

31. Металлы группы скандия 31

32. Металлы группы иттрия 32

33. Металлы группы лантана 33

34. Металлы группы церия 34

35. Металлы группы прамидия 35

36. Металлы группы европия 36

37. Металлы группы гадолиния 37

38. Металлы группы тербия 38

39. Металлы группы эрбия 39

40. Металлы группы иттербия 40

41. Металлы группы лютеция 41

42. Металлы группы скандия 42

43. Металлы группы иттрия 43

44. Металлы группы лантана 44

45. Металлы группы церия 45

46. Металлы группы прамидия 46

47. Металлы группы европия 47

48. Металлы группы гадолиния 48

49. Металлы группы тербия 49

50. Металлы группы эрбия 50

51. Металлы группы иттербия 51

52. Металлы группы лютеция 52

53. Металлы группы скандия 53

54. Металлы группы иттрия 54

55. Металлы группы лантана 55

56. Металлы группы церия 56

57. Металлы группы прамидия 57

58. Металлы группы европия 58

59. Металлы группы гадолиния 59

60. Металлы группы тербия 60

61. Металлы группы эрбия 61

62. Металлы группы иттербия 62

63. Металлы группы лютеция 63

64. Металлы группы скандия 64

65. Металлы группы иттрия 65

66. Металлы группы лантана 66

67. Металлы группы церия 67

68. Металлы группы прамидия 68

69. Металлы группы европия 69

70. Металлы группы гадолиния 70

71. Металлы группы тербия 71

72. Металлы группы эрбия 72

73. Металлы группы иттербия 73

74. Металлы группы лютеция 74

75. Металлы группы скандия 75

76. Металлы группы иттрия 76

77. Металлы группы лантана 77

78. Металлы группы церия 78

79. Металлы группы прамидия 79

80. Металлы группы европия 80

81. Металлы группы гадолиния 81

82. Металлы группы тербия 82

83. Металлы группы эрбия 83

84. Металлы группы иттербия 84

85. Металлы группы лютеция 85

86. Металлы группы скандия 86

87. Металлы группы иттрия 87

88. Металлы группы лантана 88

89. Металлы группы церия 89

90. Металлы группы прамидия 90

91. Металлы группы европия 91

92. Металлы группы гадолиния 92

93. Металлы группы тербия 93

94. Металлы группы эрбия 94

95. Металлы группы иттербия 95

96. Металлы группы лютеция 96

97. Металлы группы скандия 97

98. Металлы группы иттрия 98

99. Металлы группы лантана 99

100. Металлы группы церия 100

101. Металлы группы прамидия 101

102. Металлы группы европия 102

103. Металлы группы гадолиния 103

104. Металлы группы тербия 104

105. Металлы группы эрбия 105

106. Металлы группы иттербия 106

107. Металлы группы лютеция 107

108. Металлы группы скандия 108

109. Металлы группы иттрия 109

110. Металлы группы лантана 110

111. Металлы группы церия 111

112. Металлы группы прамидия 112

113. Металлы группы европия 113

114. Металлы группы гадолиния 114

115. Металлы группы тербия 115

116. Металлы группы эрбия 116

117. Металлы группы иттербия 117

118. Металлы группы лютеция 118

119. Металлы группы скандия 119

120. Металлы группы иттрия 120

121. Металлы группы лантана 121

122. Металлы группы церия 122

123. Металлы группы прамидия 123

124. Металлы группы европия 124

125. Металлы группы гадолиния 125

126. Металлы группы тербия 126

127. Металлы группы эрбия 127

128. Металлы группы иттербия 128

129. Металлы группы лютеция 129

130. Металлы группы скандия 130

131. Металлы группы иттрия 131

132. Металлы группы лантана 132

133. Металлы группы церия 133

134. Металлы группы прамидия 134

135. Металлы группы европия 135

136. Металлы группы гадолиния 136

137. Металлы группы тербия 137

138. Металлы группы эрбия 138

139. Металлы группы иттербия 139

140. Металлы группы лютеция 140

141. Металлы группы скандия 141

142. Металлы группы иттрия 142

143. Металлы группы лантана 143

144. Металлы группы церия 144

145. Металлы группы прамидия 145

146. Металлы группы европия 146

147. Металлы группы гадолиния 147

148. Металлы группы тербия 148

149. Металлы группы эрбия 149

150. Металлы группы иттербия 150

151. Металлы группы лютеция 151

152. Металлы группы скандия 152

153. Металлы группы иттрия 153

154. Металлы группы лантана 154

155. Металлы группы церия 155

156. Металлы группы прамидия 156

157. Металлы группы европия 157

158. Металлы группы гадолиния 158

159. Металлы группы тербия 159

160. Металлы группы эрбия 160

161. Металлы группы иттербия 161

162. Металлы группы лютеция 162

163. Металлы группы скандия 163

164. Металлы группы иттрия 164

165. Металлы группы лантана 165

166. Металлы группы церия 166

167. Металлы группы прамидия 167

168. Металлы группы европия 168

169. Металлы группы гадолиния 169

170. Металлы группы тербия 170

171. Металлы группы эрбия 171

172. Металлы группы иттербия 172

173. Металлы группы лютеция 173

174. Металлы группы скандия 174

175. Металлы группы иттрия 175

176. Металлы группы лантана 176

177. Металлы группы церия 177

178. Металлы группы прамидия 178

179. Металлы группы европия 179

180. Металлы группы гадолиния 180

181. Металлы группы тербия 181

182. Металлы группы эрбия 182

183. Металлы группы иттербия 183

184. Металлы группы лютеция 184

185. Металлы группы скандия 185

186. Металлы группы иттрия 186

187. Металлы группы лантана 187

188. Металлы группы церия 188

189. Металлы группы прамидия 189

190. Металлы группы европия 190

191. Металлы группы гадолиния 191

192. Металлы группы тербия 192

193. Металлы группы эрбия 193

194. Металлы группы иттербия 194

195. Металлы группы лютеция 195

196. Металлы группы скандия 196

197. Металлы группы иттрия 197

198. Металлы группы лантана 198

199. Металлы группы церия 199

200. Металлы группы прамидия 200

MIT Document No. 514 Vol. 1000

